

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47 2022
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (442) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Картер Годвин Вудсон* (1875–1950), американский историк, писатель, журналист и основатель Ассоциации по изучению жизни и истории афроамериканцев. Он был одним из первых ученых, изучавших историю африканской диаспоры, включая афроамериканскую историю. Основатель «Журнала истории негров» в 1916 году, Вудсон был назван отцом черной истории.

Картер Г. Вудсон родился в Нью-Кантоне, штат Вирджиния, 19 декабря 1875 года в семье бывших рабов Анны Элизы (Риддл) и Джеймса Генри Вудсона. Его родители были неграмотными; отец, который помогал солдатам Союза во время Гражданской войны, поддерживал семью как плотник и фермер. Семья Вудсонов была очень бедной, но оба его родителя сказали ему, что самый счастливый день в их жизни — день, когда они стали свободными. Вудсон часто пропускал занятия в начальной школе, чтобы помогать на ферме. Тем не менее благодаря самообучению он смог овладеть большинством школьных предметов.

В возрасте семнадцати лет Вудсон последовал за своим братом в Хантингтон, где он надеялся поступить в новую среднюю школу. Однако вынужденный работать шахтером, он мог уделять учебе лишь минимум времени. В 1895 году двадцатилетний Вудсон наконец поступил в среднюю школу Дугласа и получил диплом в 1897 году. С 1897 по 1900 год он преподавал в Вайноне. Вудсон получил степень бакалавра литературы в Berea College в Кентукки в 1903 году, посещая занятия в период с 1901 по 1903 год.

Позже Вудсон учился в Чикагском университете. Он был членом первого черного профессионального братства «Сигма Пи Фи» и «Омега Пси Фи». Он защитил диссертацию по истории в Гарвардском университете в 1912 году, став вторым афроамериканцем, получившим докторскую степень. Его докторская диссертация «Разрушение Вирджинии» была основана на исследовании, которое он провел в Библиотеке Конгресса во время преподавания в средней школе в Вашингтоне, округ Колумбия. После получения докторской степени он продолжал преподавать в государственных школах, так как ни один университет не был готов нанять его. В итоге Вудсон стал директором полностью черной Школы Армстронга в Вашингтоне, округ Колумбия. Позже он поступил на факультет Университета Говарда в качестве профессора и работал там деканом Колледжа искусств и наук.

Вудсон считал, что Американская историческая ассоциация (АНА) не интересовалась историей афроамериканцев, отмечая, что, хотя он был членом АНА, платящим взносы, ему не разрешали посещать конференции АНА. Вудсон убедился, что у него нет будущего в исторической профессии, в которой доминируют белые, и для работы черным историком потребовалось бы создать институциональную структуру, которая позволила бы черным ученым изучать историю. Поскольку у него не было средств для финансирования такой новой институциональной структуры, он обратился в благотворительные организации: в Фонд Карнеги, Фонд Джулиуса Розенвальда и Фонд Рокфеллера.

В январе 1916 года Картер Вудсон начал публикацию научного журнала *Negro History*. Журнал выходил без перерывов, несмотря на Великую депрессию, потерю поддержки со стороны фондов и две мировые войны. В 2002 году он был переименован в «Журнал истории афроамериканцев» и продолжает издаваться Ассоциацией по изучению жизни и истории афроамериканцев (ASALH).

Вудсон считал, что образование и расширение социальных и профессиональных контактов между чернокожими и белыми могут уменьшить расизм, и отчасти с этой целью он способствовал организованному изучению афроамериканской истории.

В 1926 году Картер Вудсон впервые провел Неделю истории негров, назначенную на вторую неделю февраля, приурочив ее к празднованию дней рождения Авраама Линкольна и Фредерика Дугласа. Студенты и преподаватели Государственного университета Кента расширили неделю до месяца, начинающегося 1 февраля 1970 года. С 1976 года каждый президент США объявлял февраль Месяцем черной истории.

Вудсон внезапно умер от сердечного приступа у себя дома в районе Шоу, Вашингтон, округ Колумбия, 3 апреля 1950 года в возрасте 74 лет. Он похоронен на Мемориальном кладбище Линкольна в Суитленде, штат Мэриленд.

Время, которое школы выделяют каждый год, чтобы сосредоточиться на афроамериканской истории, — это самое заметное наследие Картера Вудсона. Однако его решимость способствовать признанию негров в американской и мировой истории вдохновила бесчисленное количество других ученых. Ассоциация и журнал, которые он основал, все еще работают, заслужив признание и уважение.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Крысанова Н. В.

Анализ составов преступлений, относящихся к коррупционной направленности в уголовном законодательстве 229

Крюк В. А.

Реализация принципа состязательности и равноправия сторон в стадии судебного разбирательства 232

Крюкова А. А.

Обеспечение тайны совещания при вынесении вердикта присяжными заседателями 233

Ксьонжик А. В.

Проблемные вопросы назначения наказания в виде принудительных работ 235

Кузнецова А. Р.

Изменения в институте гражданско-процессуального представительства 238

Кузовлев В. Ю., Канаков И. В., Баулина А. А., Дурьгина Е. Н.

Результативность противодействия незаконному обороту наркотиков на территории государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в 2020 году 239

Кунгуров А. Н.

Проблемы применения ответственности за нарушение налогового законодательства в РФ 242

Лукашик А. О.

Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия в законодательстве зарубежных стран 244

Малыхина Е. А., Цурика А. А.

Банковские риски как причина установления экономических нормативов 247

Мельник Е. Ю.

Налоговые злоупотребления: разделение труда как источник риска 249

Мельник Е. Ю.

Установление международной судебной юрисдикции по частноправовым спорам 251

Мингалиев Т. А.

Процессуальное использование в доказывании оперативно-розыскной информации 253

Минин Р. В., Косарева С. Р.

История становления и развития института необходимой обороны в уголовном праве России 255

Мишунина А. А., Арсаева Д. Ж.

Исполнение наказов избирателей депутатами законодательных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовой анализ (на примере Тюменской области) 258

Мишунина А. А., Арсаева Д. Ж.

Конституционно-правовые основы регулирования форм взаимодействия депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации с избирателями на примере Тюменской области 260

Нагимова М. С., Никогосян С. А.

Лишение родительских прав: основания 263

Осипов В. В.

Уголовно-процессуальные и уголовно-правовые меры преодоления противодействия следователю в СССР и в современной России 265

Панченко П. А.

К вопросу о необходимости мотивированных судебных решений по гражданским делам 266

Панченко П. А.

К вопросу о принципе справедливости в гражданском судопроизводстве 269

Плотникова Т. В. История аннексии в международном праве.... 273	Семенова А. С. Договорные отношения государственного заказчика и поставщика в сфере закупок291
Позднякова Ю. А. Активизация познавательной деятельности в процессе изучения трудового права в учреждениях среднего профессионального образования..... 275	Склярова А. В. Практика внедрения института примирения сторон в арбитражном процессе..... 293
Приданников Г. Б. Наказание в уголовном праве и современном уголовном законодательстве: понятие и признаки 279	Склярова А. В. Судебное примирение: нововведение в арбитражном процессуальном законодательстве 294
Приходько Д. А. Банкротство наследственной массы..... 281	Сокова А. А. Искусственный интеллект как объект уголовно-правовой охраны 296
Радыш А. А., Фаталиева Г. У. Реализация осужденными к лишению свободы права на принятие наследства 284	Спиридонова Ю. О. Роль международных организаций в области международного культурного сотрудничества. Влияние процесса глобализации на культурный обмен 298
Рогачева В. Н., Кожич И. С. Юридическая ответственность как способ обеспечения требований земельного законодательства в сфере охраны земель 286	Суханова Т. А. Полномочия и роль председательствующего при отправлении правосудия по уголовным делам в суде первой инстанции 299
Савина Ю. Н. Двойственность правовой природы ответственности государственных гражданских служащих и иные аспекты 288	Тайлаков В. К. О некоторых вопросах повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции 301
Сафиуллина С. Л. Проблематика развития электронного правосудия на примере системы мировых судов..... 290	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Анализ составов преступлений, относящихся к коррупционной направленности в уголовном законодательстве

Крысанова Наталья Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье определены признаки и факторы коррупции, рассматривается анализ составов преступлений, которые относятся к коррупционной направленности согласно Уголовному кодексу Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ), исследуются теоретические и практические проблемы отнесения преступлений к коррупционным в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное законодательство Российской Федерации, коррупция, преступление, состав преступления, взяткодатель, взятка, субъект преступления.

Analysis of the elements of crimes related to corruption in criminal law

The article identifies the signs and factors of corruption, examines the analysis of the components of crimes that relate to corruption in accordance with the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), examines the theoretical and practical problems of attributing crimes to corruption in the Russian Federation.

Keywords: criminal legislation of the Russian Federation, corruption, crime, corpus delicti, bribe-giver, bribe, subject of crime.

Представляется, коррупция в современное время является актуальной темой для дискуссии среди ученых и практикующих юристов. Значимость данного факта обусловлена темпами роста преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации. Несомненно, противодействию коррупции со стороны компетентных органов власти уделяется особое значение и повышенное внимание, направленное на предотвращение увеличения преступности в данной сфере. Однако, согласно статистическим данным, с января по март 2022 года было выявлено 2084 случая взяточничества, что на 20% превышает показатель 2021 года [2, с. 67], данное обстоятельство свидетельствует о том, что борьба с коррупционными факторами обуславливает актуальность исследования.

Е. В. Фролова отмечает, что на протяжении последнего десятилетия в Российской Федерации коррупционная преступность порождает негативный факт воздействия как на общество, так и на государство в целом [10, с. 45].

А. И. Габеркон полагает, что в целях борьбы с коррупцией, необходимо совершенствовать законодательство, которое будет направлено на урегулирование, в том числе, деятельности правоохранительных органов [5, с. 45].

Учебная литература в области юриспруденции под коррупцией понимает социальное явление, которое поражает публичный аппарат управления, вытекает из выражающегося разложения власти, злоупотребления полномочиями со стороны государственных и муниципальных служащих или иных компетентных лиц, выполняющих государственную функцию [4, с. 67].

Как явление социальной действительности, коррупция, объективно говоря, многогранна и многоаспектна.

Коррупция имеет формы:

1. Преступления коррупционной направленности, например, в виде хищения материальных и денежных средств посредством служебного положения, или дача и получение взятки;

2. Формы административных правонарушений, регламентируемых Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) (мелкое хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, нецелевое использование бюджетных средств и средств внебюджетных фондов и другие составы, подпадающие под составы КоАП РФ);

3. Дисциплинарные правонарушения, то есть, правонарушения в виде использования своего особого властно-распорядительного статуса для получения преимуществ субъективного отношения, за которое предусмотрено дисциплинарное взыскание;

4. Форма, проявляющаяся в гражданском праве в виде запрещенных гражданско-правовых сделок, таких как, дарение и принятие подарков, что также влечет отказ от объективного отношения субъектов;

Коррупция обладает следующими признаками:

1) Коррупция — это негативное явление государственно-правового аппарата, направленное на обогащение властвующих субъектов, нарушение законов Российской Федерации.

2) Коррупция несет исключительный вред государственному аппарату, разлагая его составные части — государственные органы, поворачивая их работу в сторону исключительного поиска личной выгоды.

3) Комплексно реализовывать политику государств по противодействию этому негативному социальному, политическому и правовому явлению.

Таким образом, более подробно следует разобраться в составах преступлений уголовно-правового характера.

Первая попытка систематизировать составы коррупционной направленности были определены в 2008 году в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции», который стал отправной точкой для всего механизма антикоррупционной деятельности [4].

Следует проанализировать на уровне УК РФ наличие составов преступлений, относящиеся к коррупционной направленности, которые отражены и в специальном законе.

Так, к коррупционным деяниям, перечисленным в УК РФ [9], относятся следующие преступления, без каких-либо условий:

— нарушение порядка избирательной компании (ст. 141.1 УК РФ);

— подкуп участников и организаторов (ст. 185 УК РФ);

— превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ);

— получение взятки (статья 290 УК РФ); — дача взятки (статья 291 УК РФ);

— коммерческий подкуп (статья 204 УК РФ).

При наличии критериев, определенных в статье:

— злоупотребление полномочиями (статья 201 УК РФ);

— злоупотребление должностными полномочиями статья 285 Уголовного кодекса Российской Федерации;

— незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ);

— контрабанда (п. «б» ч. ст. 188 УК РФ).

Существуют и составы, которые относят к коррупционной направленности согласно определенным условиям (например, ст. ст. 159, 174, 174.1, 302, 307, 309).

Считаем, так или иначе, основным и наиболее известным коррупционным деянием является не что иное, как взятка. Под взяткой, как таковой, принято понимать, не только денежные средства, но и иные ценности, как материального, так и нематериального характера. К примеру, услуги, льготы, социальные выгоды, которые в свою очередь предоставляются там и тогда, когда не должны быть предоставлены.

Следовательно, отечественное законодательство в полной мере осознанно относится к пониманию и квалификации коррупционных деяний, создавая необходимый и действенный аппарат правовых норм, призванных снизить негативный эффект от коррупционных правонарушений.

Резюмируя, целесообразно указать и на факторы, способствующие распространению коррупции. Как показывает история борьбы с коррупцией, основываясь на позиции Матузов Н. И. и Малько Л. В. [7, с. 67] основными факторами распространения коррупции являются, во-первых, аморфность государственного аппарата, выражающаяся в низкой мотивации работы, отсутствием воли к достижению целей, поставленных государством.

Во-вторых, низкий уровень правосознания граждан и в том числе государственных служащих, не отвечающих морально-нравственным критериям государственной службы.

В-третьих, высокий уровень криминогенных структур в государственном аппарате и общего влияния на их деятельность.

В-четвертых, некачественная государственная политика по профилактике противодействия коррупции.

Автора дополняет профессор А. И. Габеркон [3, с. 56] полагающий, что к факторам коррупции следует относить и такие обстоятельства как несоответствующее действительности уголовное законодательство, не отвечающее принципам социальной справедливости в отношении виновных лиц в совершении коррупционных правонарушений, а также существенную низкую проработку идеологии, направленной на противодействие коррупции [3, с. 59].

М. Ф. Мусалеян, изучая и анализируя составы преступлений коррупционной направленности, предлагает расширить указанный перечень согласно Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию следующими статьями:

— служебный подлог (ст. 292 УК РФ);

— регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ);

— подкуп участников спортивных соревнований и зрелищных коммерческих подкупов (ст. 184 УК РФ) [8, с. 59].

М. Ф. Мусалеян полагает, что к преступлениям коррупционной направленности необходимо относить такие преступления, которые являются социально-опасными. Обычно, к таковым относят неправомерное завладение

чужим имуществом, сокрытие деяние, носящего коррупционного характера и пр. [8, с. 59].

Полагаем, указанный перечень носит неоднозначную оценку для ученых и практикующих юристов.

Невыработанность подхода законодателя к определению коррупционных составов преступлений порождает актуальные практические и теоретические проблемы.

Попыткой устранить существующую проблему было принятие отдельного перечня норм в УК РФ, которые определяли группу преступлений, связанных с коррупцией (ст. ст. 201, 285, 286, 290, 291, 201 и 204 УК РФ).

В настоящее время перечень включает в себя иные статьи коррупционной направленности, помимо перечисленных к таковым относятся: ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, 289 и 291.1 УК РФ).

Таким образом, в современное время к преступлениям коррупционной направленности относят не только преступления, который связаны со служебным положением, но и преступления, связанные с иной личной заинтересованностью.

Иная личная заинтересованность упоминается в некоторых составах УК РФ, ее содержание определено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19

(ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [6].

Однако, проблемным аспектом на законодательном урегулировании остается вопрос определения мотива личной заинтересованности.

А.Н. Банников считает, что перечень преступлений коррупционной направленности в значительной степени шире, чем преступления, состав которых связан с злоупотреблением служебными полномочиями [1, с. 5].

В связи с чем, на основании проведенного анализа исследования теории и правового регулирования коррупционного законодательства, представляется верным сделать вывод о том, что в УК РФ необходимо внести изменения, поскольку отнесение к тому или иному виду составов преступления коррупционной направленности в настоящее время носит больше доктринальный характер. Полагаем, в УК РФ необходимо определить закрытый перечень преступлений коррупционной направленности в целях эффективного соответствия нормам международного и национального законодательства и устранения практических проблем.

Литература:

1. Банников, А.Н. Коррупционные преступления в законодательстве РФ/А.Н. Банников. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 43 (385). — с. 81-84. — URL: <https://moluch.ru/archive/385/84894/> (дата обращения: 26.08.2022).
2. В 2022 году в РФ выявлено на 20% больше взяточников, чем годом ранее // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/aea653bc> (дата обращения: 20.08.2022).
3. Габеркон, А.И. Особенности восприятия россиянами коррупции/М.Ю. Мартынов, А.И. Габеркон // Социологические исследования. — 2017. — № 6. — с. 79-84.
4. Жикин, Д.Д. Ж71 Уголовно-правовая характеристика коррупционных преступлений [Электронный ресурс]: учебное пособие/Д.Д. Жикин, А.Е. Дмитриев; Урал. гос. пед. ун-т. — Электрон. дан. — Екатеринбург: [б. и.], 2018. с. 4.
5. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29.12.2008.-№ 52 (ч. 1). — ст. 6228.
6. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) // Российская газета, № 207, 30.10.2009.
7. Матузов, Н.И., Малько Л.В. Теория государства и права: учебник. М., 2004. с. 90.
8. Мусаелян, М.Ф. Совершенствование уголовной политики в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации/М.Ф. Мусаелян // Журнал российского права. 2018. № 5. с. 55-57 Онуфриенко А.В. Система преступлений коррупционной направленности. М., 2019. — 348
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
10. Фролова, Е.В. Уголовно-правовой анализ коррупционных преступлений // Вестник ЮГУ. 2015. № S3–2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-analiz-korrupsionnyh-prestupleniy> (дата обращения: 12.11.2022).

Реализация принципа состязательности и равноправия сторон в стадии судебного разбирательства

Крюк Виктория Александровна, студент магистратуры
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

В статье рассматриваются особенности реализации принципа состязательности и равноправия сторон в стадии судебного разбирательства.

Ключевые слова: гражданский процесс, правовой принцип, принцип состязательности и равноправия сторон.

Гражданский процесс, как и любая отрасль права, подчиняется определенным принципам. Правовые принципы имеют важное значение для правового регулирования гражданского процесса, поскольку принципы являются руководящими правовыми идеями, пытающимися воздействовать на законодателя при создании права в рамках законодательной базы [5, с. 40].

Определение термина «правовой принцип» не является простым, так как разные авторы используют разные обозначения одного и того же понятия, являющегося принципом. Существуют примеры использования различных терминов, имеющих сходное содержание и часто употребляемых как синонимы. Слово принцип происходит от латинского *principium* (исходный пункт, основание, начало), сегодня оно выражает основную и исходную идею. Принцип обычно означает правило, руководство к действию или суждению. С точки зрения употребления правовые принципы приравниваются к общеправовым принципам, распространяющимся на всю правовую систему, а правовые принципы применяются как руководящие правила для определенной области или отрасли права (например, принципы гражданского права). Сам термин принцип обычно относится к основным идеям, являющимся отправной точкой развития законодательства [2, с. 80].

Принципы представляют собой элемент устойчивости правопорядка, на который оказывает влияние правовая политика государства, на который воздействуют общественное правосознание, идеология и другие нормативные системы, регулирующие поведение людей. Но принципы не неизменны и подлежат развитию вместе с развитием человеческой цивилизации. Вместе с характером регулируемых общественных отношений они в последующем определяют способ правового регулирования и, что не менее важно, то, как правовое регулирование должно пониматься, толковаться и применяться на практике в духе определенных принципов.

Правовые принципы могут содержаться в правовых нормах. Однако принципы отличаются от обычных правовых норм своей общностью, что соответствует общности подразумеваемых условий, затрагивающих очень широкий круг правоотношений. Принципы выражены не однозначно, и поэтому даже их применение не приводит к однозначному решению, а служит практическому

применению как руководство к решению данного вопроса. В отличие от принципов, правовые нормы представляют собой однозначные правила поведения для их адресатов (правовая норма не может позволять вести себя определенным образом и в то же время запрещать это поведение). В случае столкновения правовых норм логический процесс с помощью следующих приемов толкования приводит к устранению норм меньшей юридической силы, большей общности или норм, принятых ранее по сравнению с нормами высшей юридической силы, конкретно регулирующих данное правоотношение или принятых позднее норм.

Высшая юридическая сила закона отменяет правовые нормы низшей юридической силы, более поздний закон отменяет более ранний. В отличие от правовых норм принципы могут вступать в противоречие друг с другом, не отменяя друг друга и не приостанавливая своего действия. Происходит сравнение принципов и выбор конкретного принципа для данной задачи. Этот выбор проявляется как в законодательном процессе при выборе соответствующего правового регулирования данных общественных отношений, так и в применении правовых норм, где необходимо учитывать целый комплекс обстоятельств, влияющих на справедливое и юридическое решение проблем, возникающих в данном правоотношении [1, с. 83].

В случае с правовой нормой ее важным признаком является узнаваемость и вытекающая из нее правовая определенность. Правовые нормы находятся в источниках права, а потому их нахождение проще, чем с юридическими принципами, которые не содержатся в явном виде в формальном источнике права, а потому не всегда могут быть отнесены к письменному тексту, закрепляющему юридический принцип и тем самым придающему принципу нормативно — правовой характер. Эта неопределенность относительно существования и содержания правовых принципов является причиной обособленного недоверия юридической практики к применению правовых принципов, поскольку применение правовых принципов не всегда может привести к однозначному результату, как применение конкретной правовой нормы приводит к однозначному результату [3, с. 81].

Правовые принципы имеют важное значение для правового регулирования гражданского процесса, поскольку

принципы являются руководящими правовыми идеями, пытающимися воздействовать на законодателя при создании права в рамках законодательной базы. Эти основные представления о том, как должен выглядеть процесс (правовое регулирование), имеют решающее значение для создания правового регулирования гражданского процесса. С этой точки зрения правовые принципы образуют материальный источник права, который может стать формальным источником права, если это позволяет современное политическое распределение сил в законодательном органе в данном месте [4, с. 24].

Принцип состязательности — это гарантия справедливого разбирательства по гражданскому делу, благодаря ко-

торому устанавливаются все обстоятельства дела, и имеется возможность заслушать доводы каждой из сторон.

Именно принцип состязательности играет важную роль в гражданском процессе ведь суд, принимая решение по делу, опирается на предоставленные сторонами факты.

Истоки принципа состязательности находятся в противоположности материально — правовых интересов сторон в гражданском процессе. Условием реализации принципа состязательности выступает процессуальное равноправие сторон, поскольку состязаться в отстаивании своих субъективных прав и интересов стороны могут лишь в одинаковых правовых условиях с использованием равных процессуальных средств.

Литература:

1. Александрова, Н. В., Федоров, И. З. Реализация прав граждан на справедливое судебное разбирательство в гражданском процессе // Вестник РУК, 2015. № 4 (22). — с. 82-85.
2. Бойко, К. Б. К вопросу о понятии и значении стадии подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве // Вестник науки, 2021. № 11 (44). — с. 78-81.
3. Восканян, М. Р. Этапы развития упрощенного производства в гражданском судопроизводстве // Проблемы науки, 2018. № 6 (30). — с. 80-83.
4. Гук, В. А. Особенности реализации конституционного принципа открытого судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2015. № 4 (22). — с. 23-28.
5. Косарева, Е. В. Разумный срок судебного разбирательства в контексте Концепции Единого гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право, 2017. № 1 (28). — с. 39-46.

Обеспечение тайны совещания при вынесении вердикта присяжными заседателями

Крюкова Алла Андреевна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье рассматривается проблема законодательного регулирования тайны совещания присяжных заседателей как гарантии их независимости в уголовном процессе. Автором определяются два вида запретов, направленных на обеспечение указанной тайны, а также определяются меры по повышению эффективности таких запретов.

Ключевые слова: присяжные заседатели, вердикт, тайна совещания, приговор.

Вердикт выносится присяжными заседателями в установленном законом порядке. Присутствие посторонних лиц при вынесении вердикта не допускается. Несоблюдение данного требования признается существенным нарушением процессуального законодательства, а потому влечет за собой отмены постановленного судом окончательного приговора (п. 8 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

Обозначенный запрет распространяется и на председательствующего судью, а также на иных сотрудников аппарата суда, в том числе и для решения вопросов организационного характера.

Тайна совещательной комнаты как гарантия независимости присяжных заседателей, принимаемого ими

вердикта находит свое закрепление в УПК РФ, а также на уровне постановления вышестоящей судебной инстанции.

Обеспечение тайны совещания присяжных заседателей в настоящее время обеспечивается двумя группами законодательных запретов [4, с. 116]. В соответствии с первой группой запретов определяются требования, которым должно соответствовать поведение участников судебного разбирательства, иных лиц. Вторая группа запретов непосредственно направлена на поведение самих присяжных заседателей.

Так, к первой группе запретов следует относить, прежде всего, запрет на присутствие во время совещания

присяжных заседателей в совещательной комнате посторонних лиц (ч. 2 ст. 341 УПК РФ). Следует отметить, что данный запрет равным образом распространяется не только на участников уголовного судопроизводства, но и на председательствующего, работников суда.

Как нарушение тайны совещания присяжных заседателей могут рассматриваться случаи установления дистанционного контроля за совещанием присяжных заседателей. Указанные ситуации могут иметь место, когда помещение, выделенное под совещательную комнату присяжных заседателей, не обеспечивает должной звукоизоляции и позволяет слышать, о чем говорят присяжные заседатели.

Нарушение тайны совещания будет иметь место и в случаях, когда посторонними лицами принимаются попытки по установлению коммуникации с присяжными заседателями во время совещания, вынесения вердикта (например, путем совершения звонка, переписки в различных мессенджерах и др.).

Вторая группа запретов, как было отмечено, распространяется на самих присяжных заседателей. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 341 УПК РФ устанавливается запрет покидать совещательную комнату до вынесения присяжными заседателями вердикта. Указанный запрет, прежде всего, направлен на минимизацию негативного воздействия, оказываемого на присяжных заседателей со стороны участников уголовного судопроизводства, иных лиц.

Вместе с тем, из рассматриваемого запрета законодателем предусматривается ряд исключений, что связывается с наличием следующих обстоятельств:

1) наступление ночного времени. Необходимо учитывать, что законодатель сформулировал указанное положение в качестве правомочия присяжных заседателей, а потому таким правом в соответствующей ситуации присяжные заседатели могут и не воспользоваться. В свою очередь, отказ от использования указанного права сам по себе не может служить нарушением закона, поскольку каких-либо временных ограничений на вынесение вердикта присяжными заседателями в действующей редакции УПК РФ не предусматривается;

2) окончание рабочего времени. Данное основание для прерывания совещания может быть использовано присяжными заседателями только с разрешения председательствующего судьи.

Момент окончания рабочего времени в суде определяется с учетом требований трудового законодательства, а также графика работы конкретного суда. После завершения объявленного перерыва совещание присяжных заседателей продолжается в обычном порядке;

необходимость получения дополнительных разъяснений от председательствующего. Конституционным Судом РФ было отмечено, что реализация данного права не противоречит требованиям обеспечены тайны совещательной комнаты. Однако в этом случае должно быть соблюдено условие о том, что присяжным заседателям за-

прещено разглашать суждения, ставшие им известными во время совещания [1].

К числу рассматриваемой группы запретов также следует отнести запрет на разглашение присяжными заседателями суждений, которые были озвучены во время совещания (ч. 4 ст. 341 УПК РФ). На основании данного запрета исключается юридическая сила всех суждений, которые будут заявлены присяжными заседателями относительно порядка проведения совещания, его формы, условий и т. п., но при условии, если такие суждения были заявлены после завершения судебного разбирательства по делу.

В свою очередь, обозначенный запрет лишает присяжных заседателей права на оспаривание нарушений, допущенных в процессе совещания по уголовному делу. В практике Верховного Суда РФ имеется подход, в соответствии с которым определяется обязанность председательствующего судью проверить соблюдение закона во время совещания присяжных заседателей [2].

Вместе с тем, указанная практика не находит своего законодательного подтверждения. Представляется, что указанный вопрос должен быть урегулирован посредством внесения дополнений в положения действующего уголовно-процессуального законодательства. Так, статья 345 УПК РФ должна быть дополнена положением следующего содержания: «1.1. До ознакомления председательствующего с вопросным листом и внесенными в него ответами председательствующий должен проверить соблюдение присяжными заседателями закона во время совещания.

Следует признать установленные законодателем запреты, используемые в целях обеспечения тайны совещания присяжных заседателей, не соответствующими современным реалиям. Данный подход законодателя не позволяет учесть современные телекоммуникационные возможности. Так, нарушение тайны совещания может иметь место при использовании технических средств, устройств, при этом фактическое присутствие третьих лиц в совещательной комнате не будет установлено [3, с. 266].

При наличии указанных обстоятельств вынесенный на основе такого вердикта окончательный приговор подлежит отмене, поскольку был нарушен процессуальный порядок принятия приговора.

Для устранения выявленного пробела следует ч. 2 ст. 341 УПК РФ дополнить положением следующего содержания: «Присутствие в совещательной комнате иных лиц, за исключением присяжных заседателей, не допускается. Присяжные заседатели при вынесении вердикта не вправе устанавливать взаимодействие с третьими лицами через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, иные средства коммуникации».

Следует рассмотреть проблему прерывания совещания присяжных заседателей. В соответствии с п. 3 ст. 341 УПК РФ предусмотрено основание для прерывания совещания — наступление ночного времени, окончание

рабочего времени. Последнее основание применимо лишь при получении к тому разрешения председательствующего. Иных оснований для прерывания совещания законодатель не предусматривает.

Вместе с тем, возможны ситуации, когда фактическое участие присяжного заседателя в судебном заседании окажется невозможным (например, по состоянию здоровья). Следует учитывать продолжительность нахождения присяжных заседателей в совещательной комнате, важность принимаемого ими решения, что требует предоставления председательствующему права на прерывание совещания при наличии к тому обстоятельств, препятствующих исполнению возложенных на присяжных заседателей обязанностей.

В этой связи следует дополнить ч. 3.1 ст. 341 УПК РФ положением следующего содержания: «В исключительных

случаях обсуждение присяжными заседателями вопросов для вынесения вердикта может быть прервано по ходатайству старшины председательствующим в течение рабочего дня и переносом обсуждения на другой день по состоянию здоровья присяжного заседателя».

Таким образом, в настоящее время возникла потребность в совершенствовании положений действующего уголовно-процессуального законодательства, касающихся обеспечения тайны совещания присяжных заседателей. В этой связи были разработаны рекомендации по устранению имеющихся законодательных «пробелов», что позволит исключить случаи нарушения тайны судебного совещания присяжных заседателей, обеспечит создание условий для принятия объективных вердиктов, основанных на обстоятельствах конкретного уголовного дела, свободном волеизъявлении присяжных заседателей.

Литература:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 г. № 1101-О [Электронный ресурс]: СПС «Консультант-Плюс» (Дата обращения 18.11.2022).
2. Определение Верховного Суда РФ от 14.05.2008 г. по делу № 20-008-24сп [Электронный ресурс]: СПС «Консультант-Плюс» (Дата обращения 18.11.2022).
3. Насонов, С. А. Порядок вынесения вердикта присяжными заседателями // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 35. с. 264-267.
4. Насонов, С. А. Тайна совещания присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 31. с. 115-122.

Проблемные вопросы назначения наказания в виде принудительных работ

Ксьонжик Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В статье подробно проанализирован механизм назначения наказания в виде принудительных работ. Особое внимание уделено проблеме «альтернативного» назначения этого вида наказания. Предложен вариант решения проблемы.

Ключевые слова: принудительные работы, суд, вид наказания, назначение наказания.

Назначение данного вида наказания судом сопряжено с рядом особенностей и проблем, которые сводятся к определению законодателем принудительных работ как вида наказания, альтернативного лишению свободы. Т. е., его назначение приговором суда возможно лишь в случае замены основного наказания в виде лишения свободы на принудительные работы, при соблюдении указанных в законе условий.

Однако, ч. 1 ст. 60 УК РФ указывает, что: «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания» [1]. В п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами

Российской Федерации уголовного наказания» указано: «в случае, если в санкции статьи наряду с лишением свободы предусмотрены другие виды наказаний, решение суда о назначении лишения свободы должно быть мотивировано в приговоре» [2].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» [3] и от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [4] уточняют, что принудительные работы в качестве альтернативы лишению свободы применяются только в случаях совершения преступления небольшой или средней тяжести либо тяжкого преступления впервые и только в том случае, если этот вид наказания вместе с лишением

свободы прямо предусмотрен санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

В случаях, когда осужденный не может быть приговорен к лишению свободы в установленном законом порядке, принудительные работы также не назначаются. При вынесении обвинительного приговора суд должен решить, есть ли основания заменить наказание в виде лишения свободы принудительными работами.

При наличии таких оснований суд должен указать причины, по которым он пришел к выводу о возможности исправления осужденного без фактического отбывания наказания в местах лишения свободы и применить положения статьи 53.1 УК РФ. В резолютивной части приговора должно быть указано, что наказанием является лишение свободы на определенный срок и, следовательно, применена замена наказания — лишение свободы заменяется принудительными работами. Назначение принудительных работ «напрямую» влечет за собой такой порок приговора, как фактически не назначенное наказание.

Так, приговором Алатырского районного суда Чувашской Республики от 28 января 2020 года И. был осужден по ч. 1 ст. 157 УК РФ к наказанию в виде принудительных работ. По делу принесено апелляционное представление, в котором государственный обвинитель, не соглашаясь с приговором, просит его отменить и передать дело на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда. Отмечает, что судом не соблюдены положения ст. 297 УПК РФ и при назначении наказания неправильно применены нормы Общей части УК РФ. Указывает, что принудительные работы согласно ч. 1 ст. 53.1 УК РФ назначаются как альтернатива лишению свободы. Полагает, что назначение наказания в виде принудительных работ И. возможно лишь при условии назначения наказания в виде лишения свободы, то есть сначала суд обязан назначить осужденному наказание в виде лишения свободы, а затем, если приходит к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, заменить их на принудительные работы. Так, наказание в виде лишения свободы в отношении И. судом не назначено, решение о замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами не принято и не приведены мотивы, позволившие констатировать о возможности их исправления без реального отбывания наказания в местах лишения свободы.

Судебная коллегия, выслушав мнение участников процесса, проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционного представления, пришла к выводу о необходимости его удовлетворения, указав, что судом первой инстанции грубо нарушены требования ст. 53.1 УК РФ. Сразу назначив И. наказание в виде принудительных работ, суд не принял во внимание, что согласно ч. 2 ст. 53.1 УК РФ, принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы. В нарушение требований закона судом не рассмотрен вопрос о назначении наказания в виде лишения свободы и лишь затем, придя к выводу о возможности исправления осужденного без реального

отбывания наказания, о замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами. Таким образом, наказание Игнатьеву И. Н. фактически не назначено [5].

Закрепленный в ч. 1 ст. 53.1 УК РФ вид наказания — принудительные работы — считается альтернативой наказанию в виде лишения свободы. Т. е., суд при рассмотрении вопроса о вид и размере наказания изначально приходит к выводу о назначении наказания в виде лишения свободы. И если далее суд делает вывод о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами. Ряд исследователей (Благов Е. В. [6], Бриллиантов А. В. [7]) полагают такой алгоритм принятия решения противоречащим логике, а также положениям ч. 1 ст. 60 УК РФ: «... более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершённое преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания». Получается, что суд, назначая наказание, изначально отвергает принудительные работы как санкцию, способную обеспечить цели наказания, назначает к отбытию лишение свободы. По после суд возвращается к отвергнутому виду наказания, решив, что все-таки цели исправления могут быть достигнуты путем назначения менее строгого наказания, чем изоляция от общества [10].

При замене лишения свободы принудительными работами дополнительное наказание, предусмотренное к лишению свободы, в том числе и в качестве обязательного, не назначается. Суд, заменив лишение свободы принудительными работами, должен решить вопрос о назначении дополнительного наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ к принудительным работам. При замене наказания в случае умышленного уклонения от выполнения работ в порядке исполнения наказания штраф, принудительные работы, исправительные работы, ограничение свободы заменяется принудительными работами без предварительной замены лишением свободы.

Таким образом, суду, назначая наказание в виде принудительных работ, в начале необходимо мотивировать назначение наказания в виде лишения свободы, т. е., более строгое, поскольку более мягкое наказание не в силах обеспечить выполнение целей наказания. После данного вывода следует новое умозаключение: что исправление лица путем назначения ему менее строгого наказания все-таки возможно, для чего лишение свободы заменяется принудительными работами. Такая процедура назначения принудительных работ, обозначенная законодателем и объясненная Верховным Судом РФ, противоречит правилу назначения наказания, закрепленному в ч. 1 ст. 60 УК РФ.

Возникает логический вопрос: почему суд не может немедленно назначить наказание в виде принудительных работ, обойти назначение наказания в виде лишения свободы? Кроме того, указание в ч. 1 ст. 53.1 УК РФ на альтернативность назначения принудительных работ, по на-

шему мнению, противоречит положениям ст. 45 УК РФ, в которой принудительные работы названы в качестве основного вида уголовного наказания.

Разрешение данного противоречия предлагается устранить путем исключения из диспозиции ч. 1 ст. 53.1 УК РФ формулировки «как альтернатива лишению свободы».

Также, представляется несправедливым положение ч. 2 ст. 53.1 УК РФ о запрете назначения принудительных работ в случае назначения наказания в виде лишения свободы на срок более 5 лет. Правовое регулирование института принудительных работ не имеет ответа на вопрос: как назначить данный вид наказания, если он прямо предусмотрен санкцией этой статьи, но в то же время данная санкция не содержит возможности назначения наказания в виде лишения свободы? Аналогично строятся санкции в соответствии с набором уголовно-правовых норм (например, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 207 УК РФ). Правомочен ли суд в таких ситуациях назначать в качестве наказания принудительные работы, ведь подобные действия суда будут противоречить правилам ч. 2 ст. 53.1 УК РФ? Однозначного ответа на этот вопрос в доктрине уголовного права нет.

По закону принудительные работы могут быть назначены только если они выступают альтернативой лишению свободы. Однако, принудительные работы должны рассматриваться правоприменителем как самостоятельный вид уголовного наказания. Следует согласиться с мнением

Идрисова И. Т. о том, что данное наказание может быть наложено, даже если лишение свободы не указано в санкциях соответствующей статьи [9].

Если пойти по пути включения в санкции данных статей Особенной части УК РФ наказания в виде лишения свободы лишь для возможности назначения наказания в виде принудительных работ, то на практике может сложиться неоднозначная ситуация, когда за преступления небольшой тяжести суды станут назначать наказание в виде реального лишения свободы, ведь применение принудительных работ в качестве наказания — право суда, его безусловная компетенция в выборе подходящего вида наказания. Такое включение самого строгого вида наказания обусловлено лишь недостатком юридической техники [8]. Здесь следует согласиться с учеными, которые считают, что принудительные работы должны иметь возможность быть назначенными в качестве независимого наказания, если санкция статьи Особенной части УК РФ считает это наказанием наиболее серьезным.

Принудительные работы — сравнительно «молодой» вид наказания в системе наказаний УК РФ. Только внимательный анализ существующих проблем и проработка вариантов их решения позволит сформировать действенные и эффективные механизмы для назначения и исполнения данного вида наказания.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора». «Российская газета», N 296 от 30.12.2011.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». «Российская газета» N 295 от 29.12.2015 г.
5. Апелляционное постановление Верховного Суда Чувашской Республики № 22-691/2020 от 19 мая 2020 г. по делу № 1-2/2020.
6. Благоев, Е. Принудительные работы // Уголовное право. — 2012. — № 2. — с. 15-16.
7. Бриллиантов, А. В. Правовые проблемы применения принудительных работ // Уголовное право. — 2012. — № 6. — с. 16-21.
8. Волков, К. А. Система уголовных наказаний: оценка эффективности и возможности совершенствования // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Отв. редактор А. В. Бриллиантов. Москва, 2021. с. 101-107.
9. Идрисов, И. Т. Понятие и виды уголовных наказаний, связанных с трудовым воздействием на осужденных Москва: Юрлитинформ, 2020. с. 42.
10. Корягина, С. А., Кравченко И. О. Принудительные работы: реальность и перспективы // Baikal Research Journal. 2020. № 2.

Изменения в институте гражданско-процессуального представительства

Кузнецова Александра Романовна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Гражданско-процессуальное представительство имеет существенное значение для гражданского процесса. Представительство является реализацией одного из основных принципов Конституции РФ о гарантированной судебной защите прав и свобод человека. В течение последних нескольких лет институт претерпевает значительные изменения в части предъявляемых требований к представителям, более того, в ближайшем будущем ожидаются очередные нововведения, которые скорее всего будут введены в действие.

Ключевые слова: гражданский процесс, представитель, высшее образование, диплом.

С момента принятия 28 ноября 2018 г. Федерального закона № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в судебной системе Российской Федерации появились девять кассационных и пять апелляционных судов общей юрисдикции, задача которых состояла в перераспределении функций по пересмотру судебных актов в апелляционном и кассационном порядке.

Изменения так же коснулись Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), в том числе, был затронут институт представительства. В связи с этими изменениями судебный представитель в гражданском процессе обязательно должен иметь высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности при представлении интересов доверителя в судах апелляционной и кассационной инстанциях. В мировых и районных судах по-прежнему можно представлять интересы без подтверждения образования.

Согласно пояснительной записке к законопроекту, положенному в основу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, указанная реформа проводилась с целью обеспечения права на квалифицированную помощь, повышения качества такой помощи.

Верховный суд РФ указал, что эффективность требования о наличии высшего юридического образования у представителя, содержащегося в Кодексе об административном судопроизводстве (далее — КАС РФ), подтверждается практикой его применения.

Уже спустя три года с момента начала действия требования об образовании Верховный суд РФ отметил, что правило о профессиональном представительстве, предусмотренное в ГПК РФ для ведения дел в судах апелляционной и кассационной инстанций, зарекомендовало себя положительно.

08 ноября 2022 г. Верховный суд РФ на заседании Пленума утвердил законопроект о внесении изменений в ГПК РФ — Постановление Пленума Верховного суда РФ от 08.11.2022 г. № 32 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской

Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»». Согласно указанному проекту, Верховный суд РФ предлагает расширить институт профессионального представительства для ведения дел теперь уже и в первой инстанции по аналогии с ч. 3 ст. 59 Арбитражного процессуального Кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) и ч. 1 ст. 55 Кодекса об административном судопроизводстве Российской Федерации (далее — КАС РФ).

Новое правило должно позволить в большей степени реализовать конституционное право граждан, предусмотренное ст. 48 Конституции Российской Федерации, на получение именно квалифицированной юридической помощи, в том числе оказание такой помощи бесплатно в соответствующих случаях.

Верховный суд РФ также указал, что такое изменение не ограничит доступность правосудия для граждан, поскольку бремя возмещения судебных расходов, включая расходы на оплату услуг представителей, по правилам судопроизводства возлагается на проигравшую сторону.

Но, с другой стороны, судом все же не учтено, что в связи с данным изменением стоимость юридических услуг значительно вырастет, и не все граждане смогут позволить себе пользоваться услугами профессиональных представителей. Даже несмотря на то, что с проигравшей стороны взыскиваются расходы на оплату услуг представителей, судебная практика складывается таким образом, что суды очень редко взыскивают в пользу выигравшей стороны больше 50% от действительной суммы, уплаченной за юридические услуги.

Таким образом, только после введения указанных изменений можно будет судить об их эффективности и целесообразности, но если после изменений в 2019 году Верховный суд РФ указал на положительный эффект введения профессионального представительства в апелляционной и кассационной инстанциях, то стоит рассчитывать и на то, что профессиональное представительство с первой инстанции зарекомендует себя с положительной стороны.

Литература:

1. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (Дата обращения: 14.11.2022);
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (Дата обращения: 14.11.2022);
3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (Дата обращения: 14.11.2022);
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 N 451-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312093/ (Дата обращения: 14.11.2022);
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 N 26 «О некоторых вопросах применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с введением в действие Федерального закона от 28 ноября 2018 года N 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328770/ (Дата обращения: 14.11.2022);
6. Проект Постановления Пленума Верховного суда РФ от 08.11.2022 г. № 32 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31745/> (Дата обращения 14.11.2022 г.).

Результативность противодействия незаконному обороту наркотиков на территории государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в 2020 году

Кузовлев Владислав Юрьевич, начальник кафедры;
Канаков Илья Владимирович, заместитель начальника кафедры;
Баулина Анна Александровна, старший преподаватель;
Дурыгина Елена Николаевна, преподаватель

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Домодедово, Московская обл.)

В статье анализируются результаты правоохранительной деятельности компетентных органов государств, являющихся членами Организации Договора о коллективной безопасности, по противодействию незаконному обороту психоактивных веществ. Анализируются причины роста количества наркопреступлений, роста объемов изымаемых наркотиков внутри этих стран и в пунктах пропуска при попытках их контрабандного перемещения из других стран.

Ключевые слова: *противодействие незаконному обороту наркотиков, психоактивные вещества, наркопреступления, антинаркотическая деятельность, Организация Договора о коллективной безопасности, ОДКБ.*

Постоянное усложнение и растущая динамика геополитических, социально-экономических, научно-технических явлений и процессов, информатизация общества, глобализация мирохозяйственных связей и финансовых отношений обусловили в последние годы проявления новых и трансформации уже существующих проблем, представляющих опасность с точки зрения национальной безопасности.

Среди серьезных современных вызовов и угроз, которые носят глобальный характер, наибольшего внимания заслу-

живает незаконный оборот наркотиков. Растущие масштабы наркобизнеса, ставшего, по сути, транснациональным, сопровождаются увеличением объемов теневого оборота капитала, отмыванием средств и легализации преступных доходов, что разрушает национальную и мировую экономику, а также служит источником финансирования различных противоправных действий, включая деятельность международных преступных группировок. [1, с. 14-15]

Ежегодные доходы наркодельцов от незаконного оборота наркотиков превышают 500 миллиардов долларов,

основная часть которых направлена на финансирование мирового терроризма и экстремизма. На сегодняшний день наркоманию можно приравнять к оружию массового поражения. По данным ООН, от употребления наркотиков в мире ежегодно умирает около 200 тысяч человек. За этот же период на территории государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее также — ОДКБ) от употребления наркотиков умирает свыше 50 тысяч человек.

Распространение как самой наркомании, так и увеличение незаконного оборота наркотиков, является угрозой для всех стран вне зависимости от их культурных традиций или политического строя. Перед мировым сообществом стоит непростая задача по сокращению, прежде всего, уровня наркомании, наркопреступности и снижению количества наркопотребителей. Сотрудничество в области антинаркотической политики привело к созданию целого ряда международных конвенций, которые строго ограничивают применение наркотиков, допуская их использование лишь в научных, медицинских целях, а также проведению оперативно-розыскных мероприятий. [2, с. 175]

В наше время фактически все государства имеют систему правовых норм, регулирующих оборот наркотиков. Законодательные акты в рассматриваемой сфере, несмотря на значительные различия, имеют характерные черты, которые отражают различные подходы к борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Поэтому изучение опыта правоохранительных органов в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков является важной составляющей этой работы и имеет большое практическое значение для государств — членов ОДКБ. [3, с. 39]

Введение ограничительных мер в 2020 году на передвижение по межгосударственным транспортным маршрутам, а также действие на территории многих стран карантинных мероприятий и условий чрезвычайных особых положений, связанных с COVID-19, оказало определенное влияние на сокращение контрабандных поставок наркотиков, имеющих зарубежное происхождение.

Однако по данным ОДКБ общее количество выявленных на пространстве Организации Договора о коллективной безопасности преступлений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, аналогов и сильнодействующих веществ в 2020 году составило 203975, что всего на 183 преступления меньше аналогичных показателей 2019 года. Прслеживается снижение роста числа зарегистрированных преступлений в указанной сфере практически во всех государствах-членах ОДКБ.

Наибольший удельный вес преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, зарегистрирован в Республике Таджикистан (72,5%), наименьший — в Республике Казахстан (19,5%). В Кыргызской Республике — 41,8%, в Республике Армения — 38,2%, в Россий-

ской Федерации — 59,5%, в Республике Беларусь — 51%, что повторяет общую тенденцию роста преступлений в данной сфере. Их удельный вес в общей массе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составляет 48,8%. Однако, рассматривая структуру наркопреступности в каждом отдельном государстве, можно сделать вывод, что картина весьма неоднозначна. Так, в 2020 году в Республике Армения зарегистрированные наркопреступления в целях сбыта составили 40,2%, в Республике Беларусь — 51%, в Республике Казахстан — 19,5%, в Кыргызской Республике — 41,8%, в Российской Федерации в общем количестве зарегистрированных наркопреступлений преступления без цели сбыта составили 38,5%, связанные со сбытом — 59,5%, контрабанда наркотиков составила менее 2%, в Республике Таджикистан зарегистрированные наркопреступления в целях сбыта составили 72,5%, на долю иных наркопреступлений приходится 27,5%. Как и прежде, в структуре изъятых из незаконного оборота наркотиков наблюдается преобладание наркотиков каннабисной группы. [4, с. 6-9]

В государствах — членах ОДКБ в 2018-2020 годах было изъято более 233 т наркотических средств. В среднем ежегодно отмечается снижение количества изымаемых наркотиков. Так, в 2016 году в государствах — членах ОДКБ всеми правоохранительными органами изъято 100 т наркотиков, а в 2020 году — всего 30 т (меньше на 70%). Наибольшее количество — в Республике Казахстан, Кыргызской Республике и Российской Федерации. Так, в 2020 году на территории Республики Казахстан изъято около 19 т наркотических средств, в Кыргызской Республике — около 5 т, в Российской Федерации — около 30 т. На территории Республики Таджикистан изъято 2425 кг наркотических средств (в 2019 году — 1637 кг). Основную долю изъятых наркотических средств составляют наркотики каннабисной (55,149 кг) и опиатной (113,454 кг) групп.

Таким образом, в целом наркоситуация в государствах — членах ОДКБ в 2020 году характеризуется снижением количества зарегистрированных наркопреступлений и объемов изъятий наркотических средств и психотропных веществ.

С учетом сложившейся наркоситуации органами внутренних дел осуществлялся ряд мер организационного и практического характера, направленных на сохранение контроля за оперативной обстановкой в сфере незаконного оборота наркотиков.

МВД Республики Беларусь в 2020 году продолжило реализацию межгосударственных программ: Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019-2023 годы, Программы сотрудничества государств-участников СНГ в укреплении пограничной безопасности на внешних границах на 2016-2020 годы, Программы сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий на

2016-2020 годы, с учетом сложившегося эпидемиологического положения, а также практику проведения

комплексных согласованных и (или) совместных оперативно-профилактических мероприятий, направленных на противодействие незаконному обороту наркотиков (по выявлению преступлений, связанных с незаконным производством, контрабандой, перевозкой или пересылкой с целью сбыта, а равно незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, по выявлению и уничтожению незаконных посевов наркосодержащих культур, а также популяций дикорастущих наркосодержащих растений). [4, с. 10]

На заседании Совета Безопасности Российской Федерации в ноябре 2020 года рассмотрена и одобрена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, которая утверждена указом Президента Российской Федерации, разработан межведомственный план по ее реализации на период 2020-2025 годов, утвержденный председателем Государственного антинаркотического комитета (далее также — ГАК) 22 декабря 2020 г.

В 2020 году в рамках четырех заседаний ГАК рассмотрены актуальные проблемы в сфере борьбы с контрабандой, совершенствования механизма противодействия производству и распространению синтетических наркотиков и другие вопросы, связанные с повышением эффективности деятельности в антинаркотической сфере.

Осуществлялась работа по исполнению постановления Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации по вопросу «Об эффективности работы правоохранительных и контролирующих органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков».

Кроме того, был реализован комплекс мероприятий в рамках межведомственных планов: плана по нейтрализации деятельности организованных преступных групп, действующих в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, на 2017-2020 годы; плана совместных организационных, оперативно-розыскных и профилактических мероприятий в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков на 2018-2020 годы; плана проведения совместных мероприятий по выявлению и противодействию контрабанде наркотиков и их незаконному обороту в приграничных районах и пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации на 2019-2020 годы.

На базе Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации со-

трудников Министерства внутренних дел Российской Федерации в октябре 2020 года проведен международный «круглый стол» на тему: «Актуальные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков», в котором приняли участие представители Секретариата государств — членов ОДКБ. [4, с. 11]

В Республике Таджикистан с целью усиления противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров путем совершенствования законодательства страны в сфере контроля за синтетическими наркотиками и лекарственными средствами, а также принимая во внимание рекомендации Международного Комитета по контролю за наркотиками и положения конвенций ООН 1961, 1971 и 1988 годов, постановлением Правительства Республики Таджикистан от 27 февраля 2020 г. № 121 в новой редакции был утвержден Национальный список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, разработанный и представленный Агентством. Следует отметить, что в вышеупомянутый список были внесены 23 новых психоактивных веществ, в том числе 176 видов группы «Спайса», а также 3 вида прекурсоров.

Вместе с тем распоряжением Правительства Республики Таджикистан от 27 февраля 2020 г. № 15-ф была утверждена новая форма отчетности и информационных справок в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ, их контроля, а также о состоянии наркоситуации.

В соответствии с Национальной стратегией по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан на 2013-2020 годы в 2020 году правоохранительные органы, силовые структуры и другие соответствующие министерства и ведомства Республики продолжили осуществлять деятельность, направленную на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, профилактику и лечение наркомании, медико-социальную реабилитацию, международное сотрудничество в области контроля за оборотом наркотиков. [4, с. 11]

Проведенный анализ наркоситуации, сложившейся на пространстве государств — членов ОДКБ в 2020 году, позволяет отметить, что сохраняется тенденция преобладания доли тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Существенные результаты в сфере деятельности по противодействию незаконному обороту наркотиков достигнуты в ходе проведения международных комплексных оперативно-профилактических, оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций.

Литература:

1. Дикарев, В. Г. О состоянии наркопреступности в государствах — членах организации договора о коллективной безопасности в 2020 году и мерах, принимаемых для ее стабилизации / В. Г. Дикарев, М. Г. Мелихов, Е. Н. Дурьгина. — Москва: ВИПК МВД России, 2021. — 36 с. — Текст: непосредственный.

2. Кузовлев, В.Ю. Историография незаконного наркопроизводства и распространения наркотиков в Российской Федерации/В.Ю. Кузовлев. — Текст: непосредственный // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. — Москва: МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. — с. 173-177.
3. Мелихов, М.Г. Антинаркотическая деятельность Организации Договора о коллективной безопасности/М.Г. Мелихов. — Текст: непосредственный // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. — 2015. — № 2 (19). — с. 37-41.
4. О состоянии наркопреступности в государствах — членах Организации Договора о коллективной безопасности в 2021 году/И.В. Канаков, М.Г. Мелихов, Е.Н. Дурыгина [и др.]. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2022. — 126 с. — Текст: непосредственный.

Проблемы применения ответственности за нарушение налогового законодательства в РФ

Кунгуров Алексей Николаевич, студент магистратуры
Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская обл.)

В статье анализируются статистические данные за 2019-2021 гг. Исследование выявило, что за данный период количество проверок уменьшилось, снизилось количество выявленных нарушений. Изучение судебной практики по налоговым нарушениям организациями. Формируя доказательную базу, налоговые органы по делам о налоговых спорах, сталкиваются со сложностями.

Ключевые слова: налоговые правонарушения, юридическая ответственность, камеральные проверки, выездные проверки, налоговая политика.

Соотношение минимальное количество проверок и максимально качественное, целесообразное их проведение с наибольшей экономической эффективностью, характеризуется возникающими проблемами при инспектировании Федеральной налоговой службой. Государственная политика на сегодняшний день ориентирована на снижение организационно-проверочных мероприятий, нагрузки на предприятия и индивидуальных предпринимателей, в частности, со стороны Федеральной налоговой службы.

Выборочный налоговый надзор для устойчивой экономической безопасности страны необходим, поскольку, выполняя функцию сбора информации об исполнении обязательств налогоплательщика, существует задача своевременного обнаружения недобросовестных плательщиков налогов, уклоняющихся и избегающих, осуществления своих обязательств перед налоговыми службами и помогает выявлять и предотвращать моменты неисполнения налогового нормотворчества.

Одной из разновидностей налогового надзора предстают проверки (камеральные и выездные). При помощи материалов статистики можно наблюдать, сколько нарушений, совершается в налоговой сфере, и обращаться к конкретной информации при определении стратегии страны в области налогов и финансов.

У налоговых органов нет возможности осуществлять выездную проверку каждого хозяйствующего субъекта. Для этого используются данные камеральных проверок, чтобы определить необходимость выездной проверки в отношении предпринимателя.

Для определения показателей, характеризующих количество и качество налоговых проверок в Российской Федерации, использовались данные статистики, которые расположены на официальном сайте Федеральной налоговой службы.

Рассмотрим количество камеральных проверок, проведенных за 2019-2021 годы в РФ и из них выявившиеся нарушения: за 2019 год: 62802102 проверки — 2447597 нарушений; в 2020 год: 61490686 проверки — 2383741 нарушение; и 2021 год: 58894309 проверки — 2975430 нарушений. При соотношении 2021 год к 2019 году количество камеральных проверок снизилось на 6,2%, но увеличилось число обнаруженных нарушений на 21,6%. [4]

Индивидуальных предпринимателей налоговые органы проверяют реже, чем организации. За три года в динамике прослеживается тенденция снижения количества проверок в отношении индивидуальных предпринимателей и увеличения количества проверок в отношении организаций.

За исследуемый период (2019-2021 гг.) количество проверок уменьшилось, но увеличилось количество выявленных нарушений. Изучив, все вышеперечисленное, пришли к заключению, что индивидуальных предпринимателей налоговые органы проверяют реже, чем организации. [4]

Неизбежность наказания при нарушении налогового законодательства постоянно прослеживается преимущественно в юридической науке и определениях судов.

Благодаря судебной практике, можно обнаружить недостатки закона, дополнить пробелы законодательства, обратив внимание законодателя на юридическую грамотность принимаемых законодательных актов.

Динамично развивающаяся сфера налоговых правоотношений и правоприменительная практика представляет несомненный интерес для системы арбитражного судопроизводства.

Ранее Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации были вынесены постановления ВАС РФ, написаны информационные письма, рассмотрены спорные моменты, по предоставлению налоговых деклараций, уплаты платежей по налогам, сроки взыскания налоговых санкций и юридическая ответственность.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за преступное деяние» рекомендует судам использовать в своей работе, для цели единообразного подхода судами к правовым нормам устанавливающие преступные деяния, сопряжённые с уходом или занижением налогов, сборов и страховых взносов, обязательных к уплате субъектом, связанным с неверным расчетом, задержкой или неуплате по счетам бюджетной классификации налоговой инспекции, сокрытие электронных денежных средств, корпоративного электронного средства платежа в эквиваленте единице российского рубля, не представление достоверной информации о наличии собственного имущества у организации или индивидуального предпринимателя, реализация которых способна покрыть образовавшуюся задолженность по недоимкам налогов, сборов, страховых взносов. [2]

Формируя доказательную базу, налоговые органы по делам о налоговых спорах, сталкиваются со сложностями в порядке формирования доказательной базы и отсутствием единообразных подходов к применению отдельных материально-правовых норм в налоговой сфере.

Подтверждение фактов нарушения норм налогового права и лица виновного в его совершении, сбор и пред-

ставление доказательств, поручена налоговым органам на основании общих процессуальных правил и специальными нормами материального права, закрепленных шестым пунктом восьмой статьи НК РФ — общим порядком о привлечении к ответственности. [1]

Примером служит то, что Межрайонной инспекцией ФНС РФ № 20 по Самарской области опираясь на результаты сверенных сведений содержащихся в представленной ООО «ИнфраНефтеГазСервис» уточненной декларации по налогу на добавленную стоимость за III квартал 2019 года (УНД по НДС, корректировка № 7), вынесено решение налогового органа, в соответствии с которым обществу до начислен НДС в размере 43120,017 тыс. рублей, начислены пени по налогу в размере 5932,736 тыс. рублей, общество признано виновным в нарушении, подпадающего под пункт 3 статьи 122 кодекса РФ в виде минимального наказания из расчета 17248,007 тыс. руб. По результатам принятого Решения доначисления составили — 66300,760 тыс. рублей. Общество с ограниченной ответственностью обратилось с апелляционной жалобой в УФНС России по Самарской области (далее — УФНС России), но УФНС России приняло решение, которым решило апелляционную жалобу ООО «ИнфраНефтеГазСервис» на решение инспекции ФНС России оставить без удовлетворения.

Налоговый орган убедил суд апелляционной инстанции в полноте своих доказательств. [3]

Можно сделать вывод, что применение налогового законодательства и существующих мер ответственности к организациям, делающим попытки обойти его, необходимо дальнейшее совершенствование законодательных норм путем внесения изменений, исключения неоднозначного толкования.

Оперативно выявлять фирмы-однодневки, ужесточить ответственность за осуществление налоговых нарушений, в частности мошенничество, наладить взаимодействие с Федеральной таможенной службой в сфере экономической безопасности и банками.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022)
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за преступное деяние» Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
3. Решение Арбитражного Суда Самарской области от 15.10.2021 № А55–22978/2021 // <https://sudact.ru/arbitral/doc>
4. Отчеты о результатах осуществления налогового и иных видов контроля // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn42/related_activities/statistics_and_analytics/forms/
5. Тазетдинова, Л. В. Анализ налоговых проверок в Российской Федерации / Л. В. Тазетдинова. — Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы XX Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2021 г.). — Казань: Молодой ученый, 2021. — с. 27-31. — URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/394/16493/> (дата обращения: 22.11.2022).

Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия в законодательстве зарубежных стран

Лукашик Алеся Олеговна, студент магистратуры
Курганский государственный университет

В статье рассматриваются уголовная ответственность за незаконный оборот оружия в зарубежных странах (США, Франция, Германия, Австрия, Испания, Швейцария, Швеция) и различия в ее уголовно-правовой регламентации.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, законодательство зарубежных стран, уголовная ответственность, огнестрельное оружие, изготовление оружия.

Criminal responsibility for illegal trafficking of weapons in legislation of foreign countries

The article deals with criminal liability for illegal arms trafficking in foreign countries (USA, France, Germany, Austria, Spain, Switzerland, Sweden) and differences in its criminal law regulation.

Keywords: illicit trafficking in weapons, legislation of foreign countries, criminal liability, firearms, weapons manufacturing.

Уголовная ответственность за незаконное изготовление оружия существует во многих зарубежных странах, но имеются существенные различия в ее уголовно-правовой регламентации, что связано с различием в оружейной терминологии и разного объема на законодательном уровне разрешенных действий по отношению к оружию. Определенные действия с оружием, которые являются законными в одной стране, могут быть уголовно наказуемыми в другой.

Уголовное законодательство Соединённых Штатов Америки, разделом 18 Свода законов США «Преступления и уголовный процесс» предусматривает уголовную ответственность за незаконный оборот оружия, как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов.

Согласно статье 46.05 Уголовного Кодекса Техаса, лицо совершает преступление, если оно намеренно или сознательно владеет, производит, ремонтирует, перевозит или продаёт оружия из указанного списка, если оно не зарегистрировано надлежащим образом. К списку уголовный закон относит: «взрывное оружие, пулеметы, короткоствольное огнестрельное оружие, бронебойные боеприпасы, самодельные пистолеты» [9].

Статьей 16590 Уголовного Кодекса Калифорнии предусмотрена ответственность за изготовление, продажу и владение «полностью запрещённым» оружием. Согласно вышеуказанной статье к нему относятся: «баллистический нож (нож с отделяемым клинком, который под действием пружины и газа вылетает из неё на скорости 60 км/ч), нож, часть которого изготовлена в виде пряжки ремня, пули, содержащие взрывчатое вещество, огнестрельное оружие замаскированное в виде трости, холодное оружие, замаскированное в виде трости, огнестрельное оружие, которое не может быть немедленно распознано как огнестрельное, магазины большой ем-

кости, нунчаки, металлические кастеты, сюрикен, короткоствольное ружьё и короткоствольный дробовик, нож в футляре для губной помады» [1].

Законопроект 68 Генеральной Ассамблеи Делавэр запрещает производство, продажу, предложения о продаже, передачу, покупку, получение, хранение или перевозку штурмового оружия, под которым понимается самозарядные винтовки с рукоятью и большим магазином, в штате Делавэр, лишь за некоторыми исключениями.

В законопроекте указано, что он основан на законе «О безопасности огнестрельного оружия» 2013 г., принятом в Мэриленде после трагического убийства детей 14 декабря 2012 года в начальной школе Сэнди Хук в Ньютауне, штат Коннектикут. Целью вышеуказанного закона является безопасность как для широкой общественности, так и для членов правоохранительных органов штата. Запрет на штурмовое оружие был поддержан 21 февраля 2017 года и полным составом Апелляционного суда Соединённых Штатов [8].

В разных штатах США предусмотрена ответственность за изготовление разного оружия, поскольку в каждом штате существует свой законодательно закреплённый перечень запрещённого оружия. Но сама сфера оборота оружия в США является весьма демократичной, как справедливо отмечает А. А. Задоян, «вторая поправка к Конституции США, принятая в 1791 г., закрепила право граждан США владеть оружием: поскольку хорошо организованное народное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться» [12].

Во многих штатах США ответственность наступает лишь за изготовление конкретных видов холодного, огнестрельного оружия и его основных частей, например холодного оружия именно в виде скрытых ножей, зама-

скированных под пряжку ремня, трость, футляр губной помады; либо магазинов большой емкости, тогда как за изготовления иного оружия или магазинов небольшой емкости и т. д. ответственность не предусмотрена. В этом заметно большое отличие от Уголовного законодательства Российской Федерации, поскольку например, согласно ст. 223 УК РФ уголовная ответственность предусмотрена за изготовление любого холодного оружия, и любых основных частей огнестрельного, независимо от их характеристик.

Как отмечает А. А. Задоян, «в США минимальное наказание за незаконный оборот оружия согласно Закону об огнестрельном оружии 1968 г. составляет не менее пяти лет, а для несовершеннолетних — не менее трех лет лишения свободы. В случаях, специально оговоренных уголовными законами, применение оружия, угроза его применения и нахождение у лица при совершении преступления оружия усиливают ответственность» [12].

Более демократичное регулирование оборота оружия в США и менее строгий уголовный закон возможно улучшают экономику страны, но во много раз повышают вероятность трагических ситуаций, происходящих последнее время, и понижают безопасность граждан.

Во Французской Республике, согласно ст. 421-1 Уголовного Кодекса Франции, изготовление, производство и хранение оружия военного назначения, машин и взрывчатых веществ, когда такие действия совершаются умышленно с целью нарушения общественного порядка путём запугивания, или террора считаются актами терроризма [2]. В отличие от Уголовного законодательства РФ, в Уголовном Кодексе Франции нет отдельной статьи, предусматривающей ответственность за незаконное изготовление оружия, без указания на его цель, но применение оружия при совершении определенного ряда преступлений считается квалифицирующим признаком, например при совершении изнасилования (ст. 222-28, 222-30), пыток и актов жестокости (ст. 222-3), восстание (ст. 412-4), кража (ст. 311-8, 311-9), вымогательство (ст. 312-5, 312-6).

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за незаконный оборот оружия в Королевстве Испания содержатся в пятой главе Уголовного Кодекса Королевства Испании «О владении, обороте и хранения оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ». Владение запрещенным оружием и оружием, полученным путем существенного изменения производственных характеристик регулируемого огнестрельного оружия, наказываются лишением свободы на срок от одного года до трех лет. Согласно ст. 566, запрещено производство и продажа оружия или боеприпасов, а также создание для этих целей складов, без разрешения на то компетентными органами [4].

Согласно ст. 127 Уголовного Кодекса Федеративной Республики Германии подлежит уголовной ответственности «лицо, которое незаконно создаёт, командует или присоединяется к организации или группе, обладающей ору-

жием или другими опасными орудиями, а также лицо, которое поддерживает такую группу, в том числе предоставляя ей оружие или деньги. Санацией статьи предусмотрено наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до двух лет. В случае, если в целях такой организации или члена организации является совершение преступлений, предусмотрено наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до пяти лет» [7].

В соответствии со ст. 243 УК ФРГ, кражей с отягчающими обстоятельствами считается похищение огнестрельного оружия, на приобретение которого требуется лицензия в соответствии с Законом «Об оружии», именно пулемет, пистолет-пулемет, полностью или полуавтоматическая винтовка или боевое оружие, содержащее взрывчатое вещество, по определениям, содержащимся в Законе «О военном оружии».

Использование оружия преступником рассматривается в законодательстве ФРГ как усиливающее ответственность обстоятельство. Согласно ст. 121 УК ФРГ бунт заключенных признается особо тяжким, если его исполнитель или соучастник имеют при себе огнестрельное или другое оружие для его применения при совершении деяния. Кража (ст. 244 УК ФРГ) и разбой (ст. 250 УК ФРГ), совершенные лицом, использовавшим оружие или другое опасное орудие, являются тяжкими преступлениями. При этом применение оружия во время совершения разбойного нападения обуславливает для виновного и ужесточение наказания.

В ФРГ доступ к оружию регулируется немецким законом «Об оружии», который строго придерживается Европейской Директиве об огнестрельном оружии, впервые принятой в 1972 году и замененной законом 2003 года, который начал действовать лишь в 2016 г. Федеральный закон регулирует обращение с огнестрельным оружием и боеприпасами, а также приобретение, хранение, торговлю и техническое обслуживание огнестрельного оружия.

В дебатах о контроле над оружием, происходившем после стрельбы в школе в городе Винненден в марте 2009 года, в результате которой погибло 15 человек, один эксперт по оружию сказал, что законы Германии об оружии на данный период времени были одними из самых строгих в мире, и все же стрельба, в результате которой погибло 15 человек, произошла, и нужно утверждение большего контроля [10]. Как отмечает Дагмар Брайтенбахн, «в то время как владение оружием широко распространено, и ассоциации и диапазоны для спортивных состязаний стрельбы и использования исторических ружей и оружия в фестивалях не запрещены, использование оружия для частной самообороны ограничено. Министерство внутренних дел Германии подсчитало, что количество огнестрельного оружия, находящегося в обороте, легальном и нелегальном, может достигать 45 миллионов [11]. Национальный реестр огнестрельного оружия Германии насчитал 5,5 миллиона единиц огнестрельного оружия, которые на законных основаниях

принадлежат 1,4 миллиона человек в стране. Около 1,5 миллиона спортивных стрелков владеют и используют оружие для спорта, около 400000 охотников имеют лицензированное оружие, около 300000 собирают оружие и около 900000 владеют унаследованным оружием» [11].

Уголовным Кодексом Австрийской Республики не предусмотрена уголовная ответственность за изготовление любого оружия, законодателем установлены статьи за более конкретные виды преступлений, например ст. 177 «а» предусматривает ответственность за изготовление и обработку ядерного, радиологического, биологического и химического оружия, подходящее по свойствам к оружию массового уничтожения, и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от одного до десяти лет. Ст. 280 УК Австрии устанавливает уголовную ответственность за накопление боевых средств, под которым законодатель уточняет хранение, передачу, приобретение оружия, боеприпасов и иных средств вооружения. Обязательным условием привлечения к ответственности является совершение преступления с целью проведения вооруженных действий, как лицом осуществляющим эти действия, так и лицом кому эти предметы переданы [5].

Уголовный Кодекс Швейцарской Конфедерации ст. «260 quarter 271» предусматривает уголовную ответственность за «продажу, взятие на прокат, дарение, приобретение и передачу огнестрельного оружия, оружия запрещённого законом, боеприпасы, основные части оружия, и принадлежности к нему. Лицо совершившее преступление предусмотренное данной статьёй подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до пяти лет, но возможно и назначение штрафа, в зависимости от степени общественной опасности совершенного деяния» [6].

В Уголовном Кодексе Королевства Швеции отсутствует регламентация незаконного оборота обычного оружия. Как отмечает А.А. Задоян, «в гл. 22 УК Швеции «Об измене и т.д.», указано, что использование любого оружия, запрещенного международным правом, рассматривается как серьезное нарушение и считается преступлением против международного права» [12]. В ст. «6 а» установлена уголовная ответственность за изготовление, разработку, и приобретение иным другим способом, хранение, владение, косвенную или прямую передачу химического оружия другому лицу, использование химического оружия и участие в военных приготовлениях к применению химического оружия [4]. Если данные деяния не рассматриваются как международные преступления, санкцией статьи предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более четырех лет. Предметом данного преступления являются те виды оружия, которые определены в качестве таковых Конвенцией Организации Объединенных Наций о разработке, производстве, владении и применении химического оружия и его уничтожении. Если преступление будет оценено как тяжкое, то назначается лишение свободы на срок не более десяти лет или пожизненное заключение. При оценке того, является ли преступление таковым, особое внимание уделяется тому,

могло ли это деяние существенно способствовать разработке, производству или распространению химического оружия или его применению против людей. Ст. «6 b» установлена ответственность за изготовление, разработку, использование, приобретение, владение противопехотными минами, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более четырех лет, если это деяние не рассматривается как международное преступление. Предметом преступления являются только мины, упомянутые в Конвенции от 18 сентября 1997 года «О запрещении применения, хранения, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении». Если преступление будет признано тяжким, то наказание в виде лишения свободы назначается не более чем на десять лет или пожизненно. При оценке того, является ли преступление тяжким, согласно УК Швеции внимание должно уделяться тому, способствовало ли данное деяние существенно использованию мин таким образом, чтобы оно представляло опасность для жизни и здоровья многих лиц.

Ст. «6 с» установлена ответственность за участие в проведении ядерного взрыва либо испытания ядерного оружия.

Можно отметить, что в Швеции, как и в ряде других европейских странах на законодательном уровне в уголовно-правовой системе преобладают нормы привлечения к уголовной ответственности за незаконные действия, связанные с оборотом оружия массового поражения, и оружия, которое представляет опасность одновременно для большой группы лиц, в то время как огнестрельное и холодное оружие упоминается только в составах преступлений, при совершении которых используется оружие. Например, согласно ст. 5 гл. 4 УК Швеции «Преступления против свободы и общественного спокойствия» лицо, которое угрожает с использованием оружия, принуждая человека совершить какие-либо действия, привлекается к уголовной ответственности к штрафу или лишению свободы на срок не более одного года. Такому же наказанию подлежит лицо, которое, причиняется беспокойство стрельбой из огнестрельного оружия, согласно ст. 7 гл. 4 УК Швеции. В соответствии со ст. 4 гл. 8 УК Швеции «О краже, разбое и других преступлениях, связанных с похищением имущества» кража является тяжким преступлением, в случае, когда обвиняемый имел при себе оружие, взрывчатку или иное вооружение.

Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия существует в большинстве стран цивилизованного мира, и состоит в его запрете, но с учетом национальных особенностей и исторически сложившихся различий каждой страны. В соответствии с этим в государствах неодинаковый предмет данного преступления, предусмотрены разные санкции, но как правило все предусматривают лишение свободы, что связано с высокой степенью опасности и тем, что незаконный оборот оружия в целом посягает на общественную безопасность.

Однако в уголовных законодательствах многих государств отсутствуют нормы, схожие со ст. 223 УК РФ,

предусматривающие уголовную ответственность за незаконное изготовление оружия, что вероятно связано невостреманностью введения в действия подобной нормы за практическим отсутствием составов данного престу-

пления, так как ремонт и переделка оружия требует определенных навыков, а изготовление является технически достаточно трудным процессом.

Литература:

1. 1. California Penal Code 16590, DIVISION 2. DEFINITIONS [16100-17360] (Division 2 added by Stats. 2010, Ch. 711, Sec. 6.) [Электронный ресурс] // URL https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?lawCode=PEN§ionNum=16590 дата обращения 09.05.22
2. Criminal Code of the French Republic. [Электронный ресурс] // URL https://www.legislationline.org/download/id/3316/file/France_Criminal%20Code%20updated%20on%2012-10-2005.pdf дата обращения 11.05.22
3. Criminal Code of the Kingdom of Spain. [Электронный ресурс] // URL https://www.legislationline.org/download/id/6443/file/Spain_CC_am2013_en.pdf дата обращения 11.05.22
4. Criminal Code of the Kingdom of Sweden. [Электронный ресурс] // URL <https://www.legislationline.org/download/id/1700/file/4c405aed10fb48cc256dd3732d76.pdf> дата обращения 13.05.22
5. Criminal Code of the Republic of Austria. (1974) [Электронный ресурс] // URL https://www.legislationline.org/download/id/8407/file/Austria_CC_1974_am2019_de.pdf дата обращения 14.05.22
6. Criminal Code of the Swiss Confederation 1937 [Электронный ресурс] // URL https://www.legislationline.org/download/id/8296/file/Swiss_CC_1937_am2019_en.pdf дата обращения 15.05.22
7. 7. German Criminal Code. [Электронный ресурс] // URL https://www.legislationline.org/download/id/6115/file/Germany_CC_am2013_en.pdf дата обращения 09.05.22
8. Senate Bill 68150th General Assembly 4.10.19. [Электронный ресурс] // URL <https://legis.delaware.gov/BillDetail?legislationId=47326> дата обращения 10.05.22
9. Texas Penal Code § 46.05. Prohibited Weapons [Электронный ресурс] URL // <https://codes.findlaw.com/tx/penal-code/penal-sect-46-05.html>, дата обращения 09.05.22
10. Breitenbach, D. German group denounces weapons law as unconstitutional. [Электронный ресурс] // URL <https://m.dw.com/en/german-group-denounces-weapons-law-as-unconstitutional/a-5822589> дата обращения 12.05.22
11. Zeitung, Badische. 45 Millionen Waffen sind im Umlauf. [Электронный ресурс] // URL <https://www.badische-zeitung.de/deutschland-1/45-millionen-waffen-sind-im-umlauf-12577725.html> дата обращения 13.05.22
12. Задоян, А. А. Незаконный оборот оружия в уголовном праве зарубежных стран. «Юридический мир», 2011, N 8. [Электронный ресурс] // URL <http://center-bereg.ru/g369.html> дата обращения 10.05.22

Банковские риски как причина установления экономических нормативов

Малыхина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент;
 Цурика Андрей Андреевич, студент магистратуры
 Саратовская государственная юридическая академия

В настоящей статье определяется понятие банковских рисков и их влияние на установление экономических нормативов.

Ключевые слова: риск, банковский риск, банковская деятельность, банковское регулирование, экономические нормативы.

Банковская деятельность является одной из основных и наиболее важных отраслей государства. Это связано с тем, что данная сфера затрагивает имущественные интересы юридических и физических лиц, являющихся вкладчиками и кредиторами. Деятельность банков находится в прямой зависимости от многих рисков, управление которыми обеспечивает перспективу стабильного и эффективного функционирования и раз-

вития банковской системы, а значит и экономики государства в целом.

Независимо от того, что риски являются одним из основных аспектов деятельности любой кредитной организации в настоящее время в юридической науке и законодательстве Российской Федерации не было сформировано единообразного представления в понимании банковских рисков.

Для раскрытия сущности банковских рисков и их взаимосвязи с экономическими нормативами, необходимо определить значение «риска». Среди ученых существуют разные трактовки понятия «риска».

В.И. Даль трактовал «риск» (глагол «рисковать»), не связывая значение слова с экономической сферой, определяя его как «...делать что-то без верного расчета, подвергаться случайности...» [1, с. 97].

Экономический подход к определению исследуемого термина изложен в Современном экономическом словаре под авторством Б.А. Райзберга, Л.Ш. Лозовского, Е.Б. Стародубцевой, согласно которому «риск» представляет собой опасность возникновения непредвиденных потерь ожидаемой прибыли, дохода или имущества, денежных средств в связи со случайным изменением условий экономической деятельности, неблагоприятными обстоятельствами [2, с. 312].

О.И. Лаврушин рассматривает сущность банковских рисков не столько как процесс борьбы с убытками, возникающих в банковской сфере, а как деятельность по созданию по созданию единой системы, направленной на удовлетворение интересов участников банковских правоотношений, в связи с чем определяет «банковский риск», как рассчитанную на успех деятельность в условиях неопределенности, которая требует от субъектов банковской (экономической) сферы обладания должным уровнем навыков, позволяющих преодолевать возникающие негативные события [3, с. 54]. Такая трактовка понятия «банковского риска» воспринимается как некая «возможность» для участников банковских правоотношений при высоком уровне риска (наступления финансово-негативных последствий) в определенный период получить сверхприбыль.

Необходимо сказать, что понимание «банковских рисков» как «возможности» в финансово-правовой терминологии не получило широкого распространения, и в юридической практике «риск» зачастую рассматривается в качестве вероятности наступления неблагоприятных последствий. Так, Ф. Найт сформулировал понятие «риска», как измеримую возможность наступления неблагоприятных последствий. Такой подход к определению риска лег в основу, созданной им теории «измеримой неопределенности», которая была построена на идеи о том, что, если неопределённость (риск) измерима, значит ей можно «управлять» — избежать (уменьшить негативный эффект) наступления неблагоприятных последствий [4, с. 57].

Обобщив вышеприведенные определения, на основе общих свойств сформулируем собственное понимание определения «банковских рисков». Банковский риск представляет собой субъективно-объективное явление, свя-

занное с возможностью наступления, вследствие неопределенного воздействия внешних и внутренних факторов, неожиданных событий в банковской деятельности, в результате которых могут наступить негативные последствия.

Определив сущность банковских рисков, можем обозначить финансово-правовые механизм, способствующий их уменьшению (предупреждению).

Экономические нормативы банковской деятельности, являясь инструментом денежно-кредитной политики и банковского надзора, представляют собой правовой метод банковского регулирования, который направлен на ограничение банковских рисков кредитных организаций посредством установления правил, определяющих финансовые параметры банковской деятельности, с целью обеспечения её финансовой надёжности, защиты интересов участников банковских правоотношений.

Установленные экономическими нормативами правила основываются на использовании свойств банковских рисков. Риски обладают свойствами вероятности и направленности.

Вероятность представляет собой возможность осуществления того или иного результата. Как математическая категория вероятность имеет численное значение, отражающее закономерность события, выражающуюся в устойчивости частоты его появления. Возможность негативного результата при риске всегда является лишь вероятной. Риск же сам по себе является возможностью нежелательной случайности. Таким образом, вероятность риска представляет собой оценку возможности его появления.

Направленность характеризует риск со стороны результата, важности объекта воздействия и размера последствий. Иными словами, негативные последствия риска зависят от важности объекта, на которые он направлен, а также от размера ущерба.

Взаимосвязанность банковских рисков и экономических нормативов состоит в том, что устойчивость банковской системы, являющейся основной целью банковского регулирования, имеет прямую зависимость от финансовой надёжности каждой отдельно взятой кредитной организации, то есть от способности своевременного выполнения обязательств. В свою очередь, банковские риски являются препятствием для соблюдения синхронности пассивных и активных операций и требуют принятия мер, направленных на их ограничение.

Таким образом, установление экономических нормативов банковской деятельности направлено на решение проблемы банковских рисков, путем предупреждения принятия банками чрезмерных рисков.

Литература:

1. Даль, В. И. Толковый словарь живаго Великорускаго языка. — М.: Т. Рис, 1866.
2. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь/Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2022.

3. Лаврушин, О. И. Банковские риски: учебник/О. И. Лаврушин, Н. И. Валенцева. — М.: КНОРУС, 2016.
4. Найт, Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль/Ф. Х. Найт. — М.: ДЕЛО, 2003.

Налоговые злоупотребления: разделение труда как источник риска

Мельник Екатерина Юрьевна, студент

Научный руководитель: Линкин Виктор Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В данной статье рассматривается понятие налоговых злоупотреблений и получения налогоплательщиками необоснованной выгоды, акцентируется внимание на разделении труда как факторе риска налоговых злоупотреблений, описывается необходимость деликатного и ответственного рассмотрения каждого дела в целях выявления налоговых злоупотреблений.

Ключевые слова: налоговые злоупотребления, разделение труда, дробление бизнеса, налогоплательщик, налоговое право.

Tax abuses: division of labor as a source of risk

Melnik Ekaterina Yurievna, student

Scientific adviser: Linkin Viktor Nikolaevich, candidate of legal sciences, associate professor
Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-don)

This article examines the concept of tax abuse and the receipt of unjustified benefits by taxpayers, focuses on the division of labor as a risk factor for tax abuse, describes the need for a delicate and responsible consideration of each case in order to identify tax abuse.

Keywords: tax abuses, division of labor, business fragmentation, taxpayer, tax law.

Налоговые органы действуют в интересах государства и общества, ведь данные поступления в бюджеты Российской Федерации и ее субъектов определяют социальное направление развития страны, включая различные социальные выплаты и средства, которые тратятся на предоставление гражданам необходимых благ.

Однако некоторые лица или группы лиц могут нарушать налоговое законодательство РФ и пытаться извлечь выгоду с помощью налогов, начиная уклонением от налогов, что является грубым правонарушением, заканчивая извлечением налоговой выгоды. Это достигается путем конкретных умышленных действий, направленных на извлечение налоговых выгод, которые ранее не были предусмотрены.

В налоговом кодексе Российской Федерации (далее — НК РФ) было отмечено, что граждане и юридические лица не должны совершать умышленные действия для снижения своих налоговых обязательств с помощью искажения или частичного искажения информации, а также действий, предусмотренных статьей 54.1 НК РФ [1].

Еще с начала 2000-х годов в России стало популярно разделение труда или так называемое «дробление бизнеса», которые являются бизнес-моделью, цель которой — снижение налогового бремени. Со временем данные действия стали привлекать внимание налоговых органов власти. Разделение труда и дробление бизнеса являются

допустимой мерой, если данное действие не несет в себе умышленное уклонение от налогов, иначе дробление бизнеса становится «искусственным», т.е. направленным на достижение налоговой выгоды.

Таким образом, если дробление бизнеса или разделение труда является необходимостью, которая преследует исключительно деловую цель, которая идет на благо компании и не имеет под собой злоумышленного избегания налогов и их снижения, то данные действия являются правомерными.

Но если действие направлено на минимизацию уплаты налогов, а также избежание их уплаты, нарушает нормы и правила установленного налогового законодательства, то данные меры считаются противоправными.

Конечно, грань между двумя определениями целей дробления бизнеса очень тонка, поэтому приведем основные признаки, которые могут характеризовать противоправность таких действий (Рис. 1).

Можно сделать вывод, что наличие хотя бы одной характерной черты, приведенной выше, в деятельности компании или объединения компаний может говорить о возможном умышленном снижении налогов, что позволяет налоговым органам проявлять повышенное внимание к данным лицам.

Обобщая вышеперечисленные признаки, можно выделить в двух общих фактах основной смысл сказанного:

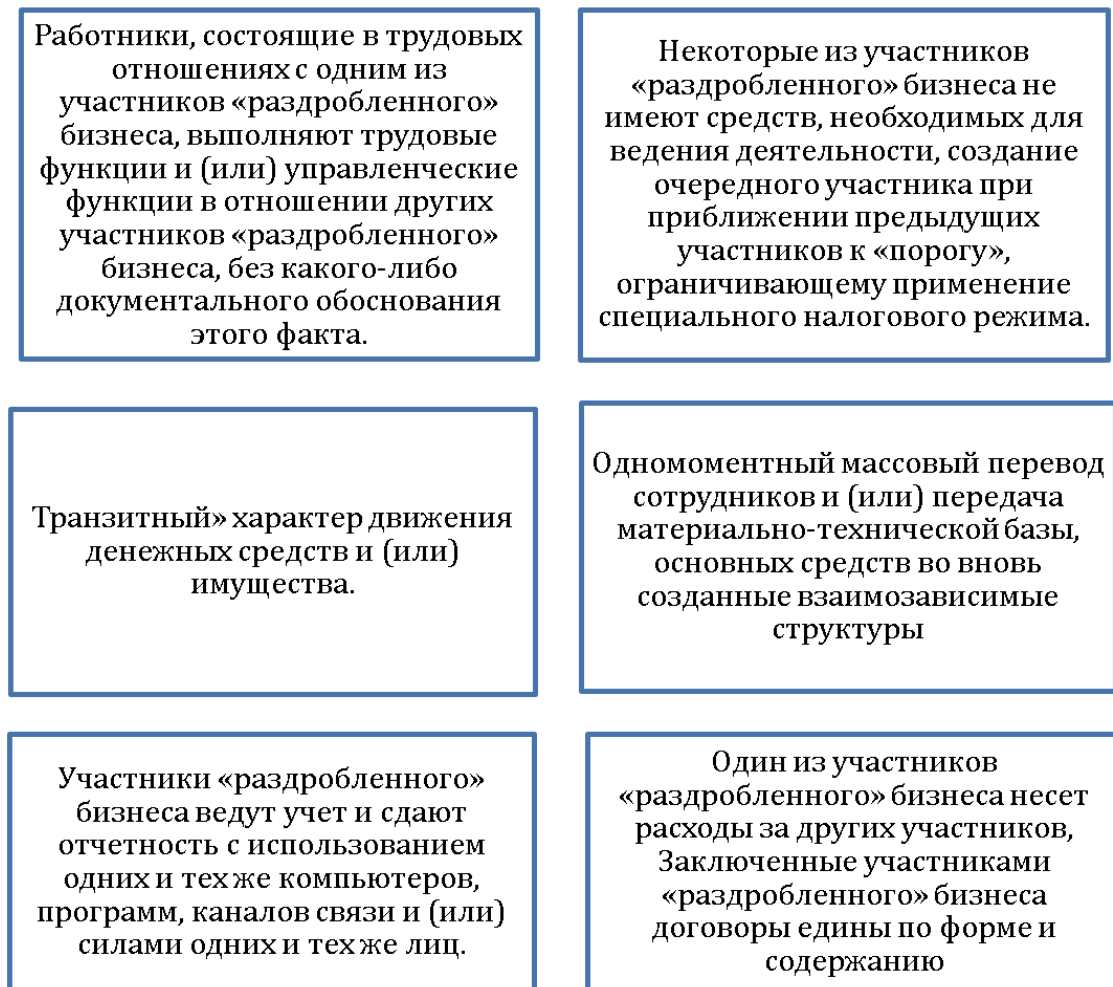

Рис. 1. Признаки противоправности действий по дроблению бизнеса [2]

Противоправным действие в виде разделения труда и дробления бизнеса считается таковым, если нет целесообразных экономических причин для такой деятельности;

Противоправным действие в виде разделения труда и дробления бизнеса считается таковым, если у возникших самостоятельных участников наблюдается нехватка ресурсов и способности к самоуправлению.

Участники искусственно «раздробленного» бизнеса всегда взаимозависимы (в данном случае взаимозависимость как раз и позволяет участникам согласованно действовать, искажая реальные взаимоотношения между собой). Другое дело, что эта взаимозависимость не всегда очевидна и не всегда в ее основе лежат обстоятельства, перечисленные в п. 2 ст. 105.1 НК РФ [3]. Взаимозависимость может строиться на особых отношениях между участниками, влиянии, подчинении, контроле, «номинальности», которые скрыты от «постороннего глаза», а потому сложнодоказуемы.

Но если компания действительно не виновна и дробление бизнеса или разделение труда произошло по необходимым объективным причинам, то необходимо это доказать. Доказательством невиновности будут являться [4]:

- 1) Наличие цели в оптимизации бизнес-процессов;
- 2) Наличие цели в оптимизации управленческого аппарата;

- 3) Наличие цели в подготовке предпринимательской деятельности или бизнеса к продаже;

- 4) Наличие цели в диверсификации рисков;

- 5) Наличие цели в разделе бизнеса между партнерами по данному делу.

Однако важным является не только приведение доводов невиновности, но и способность предоставить налоговые расчеты, факты, а также подтверждения, которые смогут доказать отсутствие намеренного умысла в сокрытии информации и дробления бизнеса в целях снижения налоговой ставки [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что дробление бизнеса или разделение труда является разноплановым понятием, поскольку иногда это действительно необходимая мера в виду экономических и объективных причин для организации. Однако необходимо учитывать повышенное внимание налоговых органов к данному явлению, и, если такая деятельность действительно не несет в себе скрытый смысл уклонения от налогов, и, при столкновении с проблемой, нужно привести доводы и факты, которые смогут подтвердить невиновность. Ведь уклонение от налогов и поиск налоговой выгоды является действительно важной проблемой, которая ущемляет не только интересы государства, но и всего общества в целом.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022) ст. 54.1 // КонсультантПлюс// [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/456468126824fd90201c25b3613aed69768da607/ (дата обращения: 20.11.2022)
2. Эриашвили, Н. Д., Налоговые злоупотребления: концепции определения добросовестности налогоплательщика // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-zloupotrebleniya-kontseptsii-opredeleniya-dobrosovestnosti-nalogoplatelshchika> (дата обращения: 21.11.2022).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022) ст. 105.1 // КонсультантПлюс// [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/eab507d8eb4d9c9196ed3567f9f3ee98dd0c2f76/ (дата обращения: 20.11.2022)
4. Морозов, А. А. Налоговая система и законодательное регулирование налогового обложения/А. А. Морозов. — М.: Знание, 2020. — 74 с.
5. Черкасова, И. О. Налоги и налогообложение/И. О. Черкасова, Т. К. Жукова. — М.: Вектор, 2019. — 60 с.

Установление международной судебной юрисдикции по частноправовым спорам

Мельник Екатерина Юрьевна, студент

Научный руководитель: Денисенко Светлана Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В данной статье рассматривается понятие международной судебной юрисдикции по частноправовым спорам, ее установление, описание основных видов международной судебной юрисдикции, а также обоснование необходимости разграничения полномочий органов различных государств по вопросу частноправовых дел.

Ключевые слова: международная судебная юрисдикция, частноправовые споры, разграничение полномочий, правоотношения.

Establishment of international judicial jurisdiction in private law disputes

Melnik Yekaterina Yuryevna, student

Scientific adviser: Denisenko Svetlana Vasilyevna, candidate of legal sciences, associate professor, head. department
Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-don)

This article discusses the concept of international judicial jurisdiction in private law disputes, its establishment, description of the main types of international judicial jurisdiction, as well as the justification for the need to differentiate the powers of bodies of different states on the issue of private law cases.

Keywords: international judicial jurisdiction, private law disputes, separation of powers, legal relations.

Вопрос установления международной судебной юрисдикции по частноправовым спорам является важной и дискуссионной темой международного частного права в целом. Прежде всего, от данного вопроса зависит то, что решается, какой правоприменительный орган, и какой страны, будет применять меры по рассмотрению возникшего спорного решения, чьи нормы права будут действовать при рассмотрении дела, и, самое важное: какое решение будет вынесено и в соответствии с законом какой страны.

Все это играет важную роль в сфере международного права, ведь в интересах каждого государства справедливое разрешение любых споров и конфликтов.

Итак, международная судебная юрисдикция — это набор правовых норм, которые определяют [1]:

1) Гражданские дела и их категории, которые рассматриваются судебной системой одного из государств-участников данного дела, в случае, если юрисдикция определена договором или рассмотрение дела находится в ведении судебной системы государства;

2) Свойство конкретного трансграничного гражданского дела, рассмотрение которого находится в ведении суда государства, у которого есть юрисдикция на вышеизложенных основаниях.

Традиционно принято выделять три системы определения международной судебной юрисдикции:

1) Латинская система, которая создана в Кодексе Наполеона в 1804 г — суд имеет компетенцию рассмотреть дело с участием иностранного лица в случае, если одной из сторон является гражданин Франции;

2) Германская система, которая была основана Германским уставом о гражданском процессе 1877 г — суд имеет компетенцию рассмотреть дело с участием иностранного лица в случае, если это место жительства ответчика или место его нахождения.

3) Система англо-американского общего права — английский суд может разрешать любое гражданское дело в случае вручения истца иностранному лицу копию приказа о явке, когда тот был в пределах страны. В США существует правило: если спор возникает из действий ответчика в пределах штата, то эффективнее всего будет рассматривать дело и выносить решение в пределах этого штата.

В процессуальных кодексах РФ нет единого определения разграничения юрисдикции судебных органов различных государств при рассмотрении дел, осложненных участием иностранного элемента. Глава 32 АПК РФ, определяющая условия правомочия арбитражного суда по рассмотрению трансграничных частноправовых споров,

называется «Компетенция арбитражных судов в РФ по рассмотрению дел с участием иностранных лиц» [2].

В ГПК РФ разграничение полномочий между российскими и иностранными судами обозначено как «подсудность дел с участием иностранных лиц судам в РФ» (гл. 44) [3].

Процессуальные правовые отношения возникают не только в отношении споров, а также применяются к другим видам дел частноправового характера с участием иностранных лиц, например, усыновление, признание умершим, признание бесследно пропавшим и так далее.

Таким образом, можно сделать вывод, что иностранное лицо в законодательстве РФ должно иметь более широкое содержание и проявляться не только в ситуациях, связанных со спором, но и в других делах процессуального характера.

Частноправовые споры международной юрисдикции в законодательстве РФ называют многими понятиями: международная компетенция, международная подсудность, международная процессуальная юрисдикция, что значительно усложняет понимание и углубление в суть данного вопроса.

Выделяют следующие виды международной юрисдикции (Рис. 1):

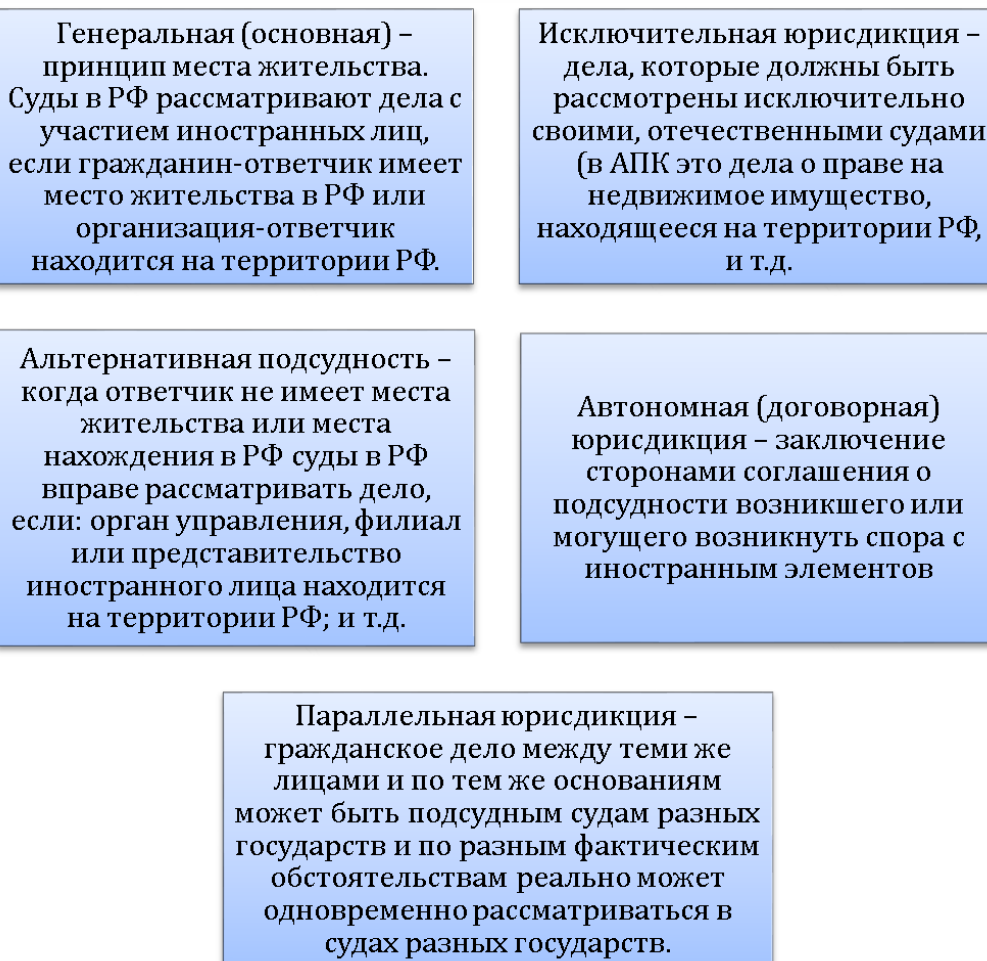

Рис. 1. Виды международной юрисдикции [4]

Нормы Гражданского Процессуального Кодекса РФ и Арбитражного Процессуального Кодекса РФ предусматривают 2 ситуации [5]:

1) В случае вынесения иностранного судебного решения суды РФ общей юрисдикции отказывают в принятии иска либо прекращают производство по делу;

2) Суд общей юрисдикции возвращает иск, либо оставляет без рассмотрения (если в другом государстве дело возбуждено раньше), если дело находится на рассмотрении в иностранном суде.

Таким образом, можно сделать вывод, что существуют различные виды международной судебной юрисдикции, а судебная юрисдикция по разрешению частноправовым спорам должна быть установлена на основе учета правопорядка как места рассмотрения спора, так и правопорядка иностранного государства. Однако, многообразие понятий международной юрисдикции в РФ осложняют задачу понимания и важности данного вопроса.

Литература:

1. Канашевский, В. А. Международное частное право: учебник. — М.: Международные отношения, 2019. — 698 с.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) гл. 32 // КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/6da7ac191818ebaf376645f7b76373cse005702a/ (дата обращения: 17.11.2022).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации гл. 44 от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // КонсультантПлюс // [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/6755760466097b40b09d63281fac56deff5accac/ (дата обращения: 17.11.2022).
4. Терентьева, Л. В. Судебная юрисдикция по разрешению трансграничных частноправовых дел в контексте принципа международного сотрудничества государств // Lex Russica. 2021. № 3 (172). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-yurisdiksiya-po-razresheniyu-transgranichnyh-chastnopravovyh-del-v-kontekste-printsipa-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 18.11.2022).
5. Изменение понятия подсудности в современном гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 6 (131).

Процессуальное использование в доказывании оперативно-розыскной информации

Мингалиев Тимур Алишерович, студент

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются проблемы допустимости информации, полученной в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности, в качестве доказательств по уголовному делу. Исследуются положения уголовного процесса и законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности. Поднимается вопрос статуса оперативно-розыскной деятельности и полученной информации в нормах уголовного процесса.

Ключевые слова: *уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, информация, доказывание.*

Процесс доказывания вины подозреваемых и обвиняемых является ключевой обязанностью следователя и дознавателя при расследовании уголовного дела. Правильная квалификация состава преступления, учет всех имеющихся доказательств и их сопоставление, способствуют принятию решения по делу и привлечению к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, в установленном законом порядке. Доказательствами по уголовному делу являются сведения, полученные следователем и дознавателем, на основании которых должностные лица в процессуальном порядке выявляют обстоятельства совершения преступления.

Прямой запрет на использование доказательств, добытых с нарушением установленного порядка, устанавливается в 50 статье Конституции Российской Федерации [1]. Вопрос отнесения информации, полученной в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, в настоящее время является актуальной темой дискуссии. Среди ученых нет единственного подхода к отнесению указанной информации к числу доказательств. Для исследования вопроса необходимо рассмотреть информацию, получаемую в ходе оперативно-розыскной деятельности, с использованием разных подходов.

Оперативно-розыскная деятельность — вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее — органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств [2]. Результаты проведенной оперативно-розыскной деятельности могут выступать в качестве оснований для процессуальной проверки и возбуждения уголовного дела. Результаты предоставляются в орган власти, в ведении которого находится определенное уголовное дело. Особенность оперативно-розыскной деятельности заключается в том, что она осуществляется путем применения гласных и негласных способов. Соответственно, существуя должностные инструкции по проведению оперативно-розыскных мероприятий, находящиеся в доступе исключительно для служебного пользования. Иными словами, не все участники уголовного процесса могут получить доступ к таким нормативным актам и тем самым убедиться в надлежащем проведении таких мероприятий.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 87 устанавливает, что должностное лицо, ведущее расследование уголовного дела, проводит проверку доказательств, сопоставляя их с иными доказательствами [3]. В проверку входит установление источника полученной информации, а также поиск иных доказательств, которые могут ее подтвердить или опровергнуть. Статья 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает правила оценивания доказательств. В соответствии с указанными правилами, выделяют 4 свойства доказательств:

1. Относимость — означает связь информации с обстоятельствами, имеющими значение для уголовного дела.
2. Допустимость — свойство, позволяющее использовать полученную информацию в качестве доказательств. Это свойство означает, что информация получена в соответствии с нормами процессуального права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ]/Российская Федерация. Конституция (1993) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 439
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. от 18 июля 1997 г., 21 июля 1998 г., 5 января, 30 декабря 1999 г., 20 марта 2001 г., 10 января, 30 июня 2003 г., 29 июня, 22 августа 2004 г.) // «Российская газета» от 18 августа 1995 г.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018)/Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921

3. Достоверность — свойство, означающее соответствие получаемой информации действительности. Для примера, анонимные сообщения не могут быть достоверными доказательствами и требуют их проверки.

4. Достаточность — свойство, означающее, что все собранные доказательства дают основания полагать, что обстоятельства, входящие в предмет доказывания, полностью доказаны.

На основании вышеуказанных свойств, должностным лицом решается вопрос о приобщении доказательств к материалам дела. Статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливается запрет на использование информации, полученной в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, если она не отвечает установленным выше критериям. Таким образом, если информация не нарушает нормы уголовного процесса об использовании доказательств, она может быть использована в процессе доказывания.

В этой ситуации необходимо отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс не придает результатам оперативно-розыскной деятельности, статус доказательств напрямую. Это связано с различной правовой основой оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса, поскольку, как было указано ранее, первая категория сочетает в себе гласные и негласные методы деятельности. Также получение доказательств связано с осуществлением следственных действий, регламентированных Уголовно-процессуальным кодексом. Соответственно, для формирования информации оперативно-розыскной деятельности в доказательство, сведения должны содержать обстоятельства совершения преступления, имеющие значения для уголовного дела, непосредственные обстоятельства, подлежащие доказыванию, и данные, которые можно проверить и подтвердить в рамках уголовного процесса.

Таким образом, информация, полученная в ходе оперативно-розыскной деятельности, может быть использована в уголовном процессе в качестве доказательств, если она получена в соответствии с нормами уголовного процесса и отвечает свойствам относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

История становления и развития института необходимой обороны в уголовном праве России

Минин Роман Викторович, кандидат юридических наук, доцент;
Косарева Софья Романовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье авторы пытаются определить историю развития необходимой обороны в России.

Ключевые слова: необходимая оборона, уголовное право.

В настоящее время в уголовном законодательстве России согласно главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), существует 6 обстоятельств, исключающих преступность деяния, а именно: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск и исполнение приказа или распоряжения [14].

Необходимая оборона как правовой институт в России существует более десяти столетий. Российский юрист Николай Викторович Рейнгардт считает, что право на необходимую оборону началось зарождаться в древней Руси [5]. 15 сентября 911 года князь Олег заключил первый договор с Византией, который определял наказания за уголовные преступления, правила ведения судебного процесса и следования, создавал благоприятные условия ведения торговли, определял права русских купцов. Так, в договоре содержится статья, которая предоставляет право хозяину убить вора на месте преступления, который оказывает сопротивление на месте задержания.

Далее свое развитие необходимая оборона находит в правовом сборнике Киевской Руси — Русская правда. Согласно нормам права, действующим в то время, необходимая оборона допускалась не только при защите личности, но также и при защите собственности. В соответствии со ст. 13, 14 Русской правды, возможно было применение необходимой обороны в случае посягательства на собственность, осуществление которого происходило путем грабежа или разбоя [8]. Профессор В. Р. Долопчев в своем труде отмечал, что в зависимости от расположения тела убитого, можно определить, как именно было совершено убийство: в результате самоуправства или в состоянии необходимой обороны [1].

Также Русская правда допускала убийство человека в ночное время, находившегося в чужом помещении. Сам факт проникновения свидетельствовал о наличии преступного умысла, поэтому его можно было убить, чтобы предотвратить осуществление посягательства. При защите же посягательства на личность, человек мог причинить любой вред и остаться невиновным [8].

Необходимая оборона находит свое отражение в крупнейшем кодифицированном правовом акте того времени — Уложении царя Алексея Михайловича. Статский

советник и профессор Ришельевского лицея Владимир Альбертович Линовский в своем труде отмечал, что с Соборным уложением 1649 года начинается период развития уголовного законодательства России.

Круг объектов необходимой обороны расширился и включал в себя неприкосновенность личности, жилища и чести женщин. Условиями правомерности необходимой обороны было: наличие посягательства, умышленный характер, угроза личности или собственности, необходимость сообщения суду об убийстве нападавшего. Статья 200 главы X Уложения содержала в себе возможность применения необходимой обороны по отношению к тем, кто насильственно совершил проезд во двор дома хозяина. Статья 201 допускала причинение вреда здоровью лицу, который самостоятельно спровоцировал нападение. В этом случае ответственность не предусматривалась. [13]. Однако, анализируя законодательные акты, существовавшие в то время, такой термин, как «необходимая оборона» не использовался и не выделялся в отдельный раздел, а содержался в различных статьях, предусматривающих ответственность за конкретные преступления.

Таким образом, в Уложении 1649 г. предоставлялись довольно широкие права для осуществления необходимой обороны, однако был запрещен самосуд. Можно заметить, как начинается формироваться система определения пределов необходимой обороны, основываясь на принципе соразмерности благ.

Следующий этап формирования института необходимой обороны был во времени правления Петра I. В 1715 году был создан военно-правовой документ — Воинский Устав, а в 1720 году появился Устав морской, которые в последующем именовались Воинскими артикулами. Данный документ являлся основополагающим в реформе юридической системы Российской Империи. Впервые появился термин «нужное оборонение», обособив необходимую оборону как самостоятельное понятие в уголовном законодательстве. Пределы необходимой обороны были ограничены, в соответствии с уставом нельзя было просто ссылаться на необходимую оборону, необходимо было доказать факт нападения.

В соответствии с артикулом 157 необходимая оборона допускалась при наличии следующих условий:

- 1) противозаконность и насильственность нападения;
- 2) беспричинность нападения;
- 3) нападение должно быть только что начавшимся и требующим мгновенного отражения;
- 4) лицо, подвергшееся нападению, должно находиться «в смертном страхе», то есть в самой крайней опасности для жизни.

Если у лица имелась возможность спастись бегством или прибегнуть к помощи, то сослаться на необходимую оборону было невозможно и лицо подлежало ответственности.

Следующим законодательным актом был проект Уголовного Уложения 1754 года, который создан при царствовании Елизаветы I. «Нужное оборонение» было выделено в отдельную главу, но по мнению русского юриста и криминолога Николая Степановича Таганцева, он сохранил в себе постановления Соборного Уложения и Воинских Артикулов [9].

К вопросу о необходимой обороне большое внимание уделено в Своде законов 1832 года. Он также, как и Уголовное Уложение 1754 года заимствовал положения. Положения о необходимой обороне содержались в XV томе главы V «Об освобождении от наказания, отсрочке и отмене онаго» [6]. Законность необходимой обороны признавалась при наличии трех условий:

- 1) своевременное осуществление обороны;
- 2) применение обороны только при вынужденных ситуациях;
- 3) применение оружия при нападении вооруженного, но появилась возможность применять оружие если нападавший обладает большей силой.

В Своде законов впервые была установлена ответственность за убийство человека, которое было совершено в условиях необходимой обороны.

Первым УК России было Уложение о своде уголовных и исправительных 1845 года. Положения об институте необходимой обороны были заимствованы из Соборного Уложения 1649 года и Свода законов 1832 года, но они стали более конкретными. Так, Уложение о своде уголовных и исправительных стало содержать в себе виды вреда здоровью и условия правомерности при осуществлении необходимой обороны. Статья 107 предусматривала условия, исключаящие вину «При необходимой личной обороне употребление силы и каких бы то ни было мер для отражения нападения, и нанесение при том нападающему ран, увечья и самой смерти не вменяются в вину, когда от нападения, при невозможности прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства, действительно подвергались опасности жизнь, здоровье или свобода обороняющегося, или же нападение сделано вором или разбойником, или нападающий вторгся с насильем в жилище обороняющегося. Необходимость обороны признается также и в случае, когда застигнутый при похищении или повреждении какого-либо имущества преступник силой противился своему задержанию

или прекращению начатого им похищения или повреждения...» [13]. Необходимая оборона также могла быть применима в результате насильственного посягательства на половую неприкосновенность женщины (статья 108) [13].

Кроме этого, Уложением о своде уголовных и исправительных было закреплено два требования, касательно необходимой обороны, а именно:

- 1) обязанность сообщить об обстоятельствах и последствиях необходимой обороны;
- 2) превышение необходимой обороны подлежит к уголовной ответственности.

В Уголовном Уложении 1903 года применение необходимой обороны допускалось не только для собственной защиты жизни, здоровья и половой неприкосновенности себя, но также и для защиты других лиц.

Таким образом, институт необходимой обороны в Уложении 1845 и 1903 года стал более детальным и последовательным, но в них по-прежнему не раскрывалось понятие необходимой обороны.

В отечественном уголовном праве советского периода статья 15 Руководящих начал по уголовному праву 1919 года содержала в себе положения о необходимой обороне «Не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения, или средством защиты от насилия над его или других личностью, и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны». Оборона считалась правомерной только в случае защиты от правомерного посягательства личности или других лиц.

В соответствии со статьей 19 УК РСФСР 1922 необходимая оборона допускалась не только при защите личности, но и при защите прав обороняющегося. Также закрепились новая возможность применения необходимой обороны при защите государственных интересов [11]. Существовало одно требование при применении необходимой обороны — не превышении ее пределов. Так статья 145 УК РСФСР гласит «Превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой смерть нападавшего, а также убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер карается» [11].

Значительные изменения произошли после принятия УК РСФСР 1960 года, где в соответствии со статьей 13 преступлением не являлись те действия, которые были совершены в результате необходимой обороны [10]. Данное положение значительно отличалось от положений УК РСФСР 1922 года, в котором действия с применением необходимой обороны расценивались как преступления, но не подлежали к привлечению ответственности. УК РСФСР впервые раскрыл понятие «необходимая оборона», где под необходимой обороной понимались «умышленные действия, явно несоответствующие характеру и опасности посягательства» [12].

В связи с политическими изменениями в России, государство нуждалось в принятии нового уголовного закона, который вступил в законную силу с 1 января 1997 года. Конституция 1993 года в части 2 статьи 45 закрепила право каждого на защиту своих прав и свобод всеми способами, которые не запрещены законом [2]. Данное положение способствовало расширению перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном законодательстве.

Проанализировав историю становления и развития института необходимой обороны в России, мы можем увидеть, что право на необходимую оборону начало зарождаться еще во времена Киевской Руси. Термин необходимой обороны ранее трактовался как «необходимое

оборонение», который содержался в Воинских артикулах. Впервые дефиниция необходимой обороны была закреплена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. Превышение пределов необходимой обороны было законодательно закреплено в УК РСФСР 1922. В настоящее время право на необходимую оборону является естественным правом, которое присуще каждому человеку с рождения, а также субъективным правом, в результате которого лицо вправе самостоятельно решать реализовывать данное право или нет. Институт необходимой обороны играет важную роль в уголовном законодательстве, выступает как средство предупреждения общественно опасных действий и является гарантом прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Долопчев, В. Р. О праве необходимой обороны. Москва: Юридический Вестник, 1874. с. 30
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] — URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 19.11.2022).
3. Линовский, В. А. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, гор. тип., 1847. с. 10
4. Постановление от 12 декабря 1919 года. Руководящие начала по уголовному праву Р.С. Ф. С. Р. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#doZGjNTH8dhKJH1N> (дата обращения: 18.11.2022).
5. Рейнгардт, Н. В. Необходимая оборона. По изданию 1898 г. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum2064/> (дата обращения: 19.11.2022).
6. Свод законов Российской Империи. Издание в 16 томах. [Электронный ресурс] — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 18.11.2022).
7. Соборное Уложение 1649 года [Электронный ресурс] — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#10> (дата обращения: 19.11.2022).
8. Сокращенная Русская Правда (по Толстовскому списку второй половины XV в. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/srp.htm> (дата обращения: 17.11.2022).
9. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. [Электронный ресурс] — URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie38899.html> (дата обращения: 17.11.2022).
10. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) [Электронный ресурс] — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 19.11.2022).
11. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [Электронный ресурс] — URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 18.11.2022).
12. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года [Электронный ресурс] — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 17.11.2022).
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [Электронный ресурс] — URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 17.11.2022).
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) [Электронный ресурс] — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.11.2022).

Исполнение наказов избирателей депутатами законодательных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовой анализ (на примере Тюменской области)

Мишунина Алёна Александровна, доктор юридических наук, профессор;
Арсаева Диана Жакияевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье авторы анализируют правовое регулирование одной из форм взаимодействия региональных депутатов с населением — институт наказов избирателей. Авторы отмечают важность данного института прямого волеизъявления народа и выявляют отдельные правовые пробелы в вопросе конституционно-правового регулирования наказов избирателей. В связи с этим в статье последовательно и аргументировано обосновывается предложения и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: наказ избирателей, избиратель, депутат, Тюменская областная Дума, отзыв депутата, выполнение наказов избирателей

Конституция Российской Федерации в частях 1 и 2 Статьи 3 устанавливает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления [1]. Для реализации указанных положений на практике предусмотрены различные формы взаимодействия народных избранников с гражданами. Среди таких форм особое место занимает, институт наказов, данных депутату избирателями. Посредством данного института избиратели участвуют в управлении делами государства. Прямое участие заключается в праве граждан — избирателей сформулировать наказ и требовать его исполнения, а опосредованное — через обязательность исполнения депутатом полученного от народа поручения.

В научной литературе можно встретить различные точки зрения определения понятия «наказ избирателей». Одно из наиболее полно охватывающих данный термин, на наш взгляд, дает профессор С. А. Авакьян, который определяет наказ, как «поручение избирателей депутату или в целом законодательному органу по вопросу, входящему в компетенцию соответствующего органа» [3, с. 248].

Для современного российского правового поля наказ избирателей является институтом прямого изъявления воли народа, суть которого заключается в установлении обязанности для соответствующих органов государственной власти либо конкретных должностных лиц привести в исполнение и осуществить обоснованную резолюцию избирателей.

Таким образом, наказ приобретает важное общественное значение. В большинстве случаев он нацелен на обеспечение должного уровня финансовых, материальных, общественных, социально-культурного правоотношений и социально-экономическое развитие субъекта РФ в целом или отдельного избирательного округа на его территории.

Наказ избирателей позволяет удовлетворить различные потребности граждан. Рассматриваемый институт представляет большой интерес для научного изучения. Особенно глубоко в научных кругах он исследовался в советское время. Это обусловлено тем, что в тот временной период наказ избирателей был закреплен нормативно на уровне правовых актов советского государства.

В настоящее время, далеко не во всех субъектах РФ приняты законы о наказах избирателей: Северо-Кавказский Федеральный округ: из 6 субъектов РФ, входящих в его состав, только в одном принят такой закон; Приволжский Федеральный округ: из 14 субъектов РФ в трех принят закон; Уральский Федеральный округ: из 6 субъектов РФ только в двух принят закон; Сибирский Федеральный округ: из 10 субъектов РФ только в одном принят закон; Дальневосточный Федеральный округ: из 10 субъектов РФ в четырех принят закон; Центральный Федеральный округ: из 17 субъектов РФ в четырех принят закон.

Анализ регионального законодательства, регулирующего институт наказов избирателей, выявил отсутствие единообразного подхода к дефиниции рассматриваемого понятия. Так в разных нормативных правовых актах наказ избирателей определяется как поручения, обращения и предложения избирателей, а также как предложения по поручениям избирателей.

Рассмотрим особенности правового регулирования наказов избирателей на примере Тюменской областной Думы. Законом Тюменской области «О наказах избирателей, данных депутатам Тюменской областной Думы» от 01.07.1998 № 40 определена организация работы по выполнению наказов избирателей, данных депутатам областной Думы, как одной из форм выражения и реализации воли и интересов населения, непосредственного участия граждан в управлении делами области и обществу, укрепления связи Думы с населением [2].

Вышеуказанным Законом Тюменской области в ст. 1 дано следующее определение понятия наказов избира-

телей — «обобщенные депутатом Думы или одобренные собраниями избирателей, а также полученные на встречах с избирателями в течение созыва предложения избирателей своим депутатам, направленные на улучшение деятельности органов государственной власти области по вопросам экономического, социального и политического развития; по удовлетворению материальных и духовных потребностей жителей области» [2].

Организация работы по выполнению наказов избирателей состоит из следующих этапов:

1. Внесение избирателями предложений;
2. Предварительное изучение предложений по наказам избирателей;
3. Рассмотрение и обобщение предложений по наказам избирателей;
4. Утверждение перечня наказов избирателей;
5. Организация исполнения наказов избирателей;
6. Контроль за выполнением наказов избирателей;
7. Публикация информации о выполнении наказов избирателей.

Тюменской областной Дума составляет перечень наказов, которые будут исполняться за счет средств специального резервного фонда Правительства Тюменской области, а также список наказов обязательных к исполнению депутатами или которые следует направить для реализации в соответствующие государственные органы или органы местного самоуправления.

Принимая во внимание общественные интересы, а также учитывая наличие необходимых материальных, финансовых и трудовых ресурсов, часть наказов может быть признана нецелесообразными.

Наказ избирателей нацелен на восполнение недостатков в работе государственных или муниципальных органов по инициативе населения. Таким образом, наказ позволяет внести дополнения в уже принятые программы развития территории, помочь в решении разнообразных социальных задач, направить публичную власть в те сферы общественной и государственной жизни, которые видятся важными для избирателей.

Анализируя опыт различных регионов России, а также мнения, сложившиеся в научной среде [4, с. 45], можно сделать вывод, что рассматриваемый институт получил признание и высокую оценку не только у избирателей, но и от депутатов.

Часто наказания становятся частью бюджетной системы субъектов РФ и муниципальных образований. На исполнение наказов избирателей ежегодно направляются большие финансовые ресурсы. Посредством данного института прямой демократии корректируются целевые программы развития территорий.

Исследование научной и периодической литературы не выявило какой-либо аргументированной критики института наказов. Напротив, все авторы единогласно высказываются за необходимость и значимость наказов.

Видится, что на сегодняшний день существуют отдельные пробелы и коллизионные моменты в вопросе

конституционно-правового регулирования рассматриваемого института. Так, законодательный орган власти обладает правом признать наказ избирателей нецелесообразными, а, следовательно, не исполнить его. В таких условиях возможна ситуация, когда наказания, нацеленные на перспективу, будут необоснованно признаваться нецелесообразными, поскольку это не требует от депутатов предоставления какой-либо дополнительной аргументации, обоснования или открытого общественного обсуждения с избирателями.

Целесообразность является оценочной категорией, что не способствует обоснованности и однозначности принятия решения для отклонения наказов избирателей. Существует риск подмены демократической сущности наказов, придание им формально-юридического характера.

Конституционно — правовое закрепление общественного обсуждения при принятии решения депутатом о нецелесообразности наказа избирателей и подготовка обоснованной информации о финансово-экономической нецелесообразности наказа, например, путем опубликования данной информации на официальном сайте законодательного органа субъекта РФ или в региональных средствах массовой информации является, на наш взгляд, необходимым звеном в механизме взаимодействия депутата с избирателями и повышения эффективности работы региональных парламентариев. Данная процедура призвана способствовать открытости и гласности со стороны депутатов во взаимоотношениях с избирателями при осуществлении ими функций представления интересов населения.

Резюмируя исследуемый в настоящей статье материал, можно выделить следующее ключевые положения:

1. Принятие и исполнение депутатами наказов избирателей на территории Тюменской области является законодательно урегулированной процедурой с четкой правовой регламентацией, имеющей социально ориентированный характер и являющейся реальным конституционно-обеспеченным механизмом участия населения в управлении делами государства, значимость которого сложно недооценить.

2. Определенным пробелом в вопросе исполнения депутатами наказов избирателей видится отсутствие конституционно — правового закрепления общественного обсуждения при принятии решения депутатом о нецелесообразности наказа избирателей и законодательно закрепленной обязанности по подготовке информации-обоснования о финансово-экономической нецелесообразности наказа, например, путем опубликования данной информации на официальном сайте законодательного органа субъекта РФ или в региональных средствах массовой информации, что является, на наш взгляд, необходимым звеном в гласном (прозрачном) механизме взаимодействия депутата с избирателями и повышения эффективности работы депутатского корпуса по представлению интересов избирателей в органах публичной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»
2. Закон Тюменской области от 01 июля 1998 г. № 40 «О наказах избирателей, данных депутатам Тюменской областной Думы» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс/С. А. Авакьян. — Москва: Инфра-М, Норма, 2014. — 912 с. — Текст: непосредственный.
4. Алимов, Э. В. Проблемы реализации наказов избирателей в субъектах Российской Федерации/Э. В. Алимов. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — с. 42-53.

Конституционно-правовые основы регулирования форм взаимодействия депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации с избирателями на примере Тюменской области

Мишунина Алёна Александровна, доктор юридических наук, профессор;
Арсеева Диана Жакияевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена вопросам правового регулирования форм взаимодействия региональных парламентариев с избирателями на примере Тюменской областной Думы. В статье выделены основные признаки понятия «депутат законодательного органа субъекта РФ», установлена недостаточная правовая регламентация форм взаимодействия депутатов законодательных органов субъектов РФ с избирателями на федеральном уровне и предложено дополнить действующее законодательство, с целью устранения выявленного пробела.

Ключевые слова: избиратель, депутат, формы взаимодействия с избирателями, Тюменская областная Дума

Согласно ч. 1-3 ст. 3 Конституции РФ, непосредственное осуществление власти происходит через участие в референдумах, а также в свободных выборах. Участие же в управлении делами страны народ России реализуется на практике через представителей, право избирать которых, а также быть избранными в их число, закреплен в ч. 1-2 ст. 32 Основного закона РФ.

Все граждане России обладают указанными правами на равных основаниях, независимо от пола, возраста, политических и религиозных взглядов, принадлежности к разным общественным и политическим объединениям.

Слово «депутат» имеет латинские корни и дословно «*deputatus*» означает «посланный». В научной и учебной литературе встречаются разные определения для депутатов. Одно из наиболее объемных предлагает Бондаренко Е. С, который пишет, что под депутатом следует понимать «избранного на основе всеобщего равного и прямого избирательного права представителя народа, уполномоченного осуществлять на региональном уровне законодательные и иные полномочия в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, нормативными правовыми актами субъекта» [8, с. 24].

Вместе с тем, в научной и учебной литературе, равно как и в нормативно-правовых актах отсутствует дефиниция понятия «депутат законодательного органа субъек-

екта РФ», что видится существенным правовым пробелом. Можно предположить, что на региональном уровне в соответствующих законах присутствует единообразное толкование рассматриваемого термина. Обратимся к законодательству Тюменской области.

Так, в Законе Тюменской области от 27 июля 1994 г. № 1 «О статусе депутата Тюменской областной Думы» в ст. 1 закреплено следующее понятие «депутата областной Думы» — избранный народом представитель области, наделенный в законодательном порядке полномочиями осуществлять законодательную власть в областном органе представительной власти [5].

Законом ЯНАО от 27.05.1998 года «О статусе депутата Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа» в ст. 1 установлено, что «депутатом Законодательного Собрания автономного округа является избранный в соответствии с законодательством о выборах граждан РФ, уполномоченный осуществлять в Законодательном Собрании автономного округа законодательные и иные полномочия, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, Уставом (Основным законом) автономного округа, вышеуказанным Законом и иными нормативными правовыми актами автономного округа» [6].

Как видно, определения разнятся. Исходя из дефиниции понятия «депутат» и норм региональных законов, можно выделить следующие признаки понятия «депутата законодательного органа субъекта РФ»:

— представитель народа, избранный в соответствии с законодательством о выборах;

— осуществляет (на постоянной основе или на профессиональной основе в определенный период без отрыва от основной деятельности) законодательные полномочия на региональном уровне, а также иные полномочия, предусмотренные нормативными правовыми актами.

Поскольку депутат является народным избранником, на первый взгляд кажется очевидным, необходимость его взаимодействия с этим народом. Вместе с тем, конституционное законодательство современной России прямо не регулирует отдельные аспекты взаимодействия региональных парламентариев с избирателями.

Правовые нормы, закрепленные в пункте «н» ч. 1 ст. 72, а также ч. 2 и 5 ст. 76 Основного закона РФ устанавливают, что определение специальной правосубъектности депутатов законодательных органов субъектов РФ осуществляется как на федеральном уровне законодательства, так и на региональном, основываясь на требованиях Конституции РФ по вопросу разделения законодательной функции.

Среди основных нормативных актов федерального уровня, которые не только устанавливают правовой статус регионального законодательного органа, но и содержат перечень специальных прав и депутата стоит отметить два закона. С 1999 года и до конца 2022 года действует Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее по тексту — Федеральный закон № 184-ФЗ) [3]. С 2023 года рассматриваемые аспекты будут регулироваться Федеральным законом от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее по тексту — Федеральный закон № 414-ФЗ) [4].

В указанном нормативном правовом акте только одна статья посвящена вопросам взаимодействия депутатов с избирателями. Согласно ч. 4-7 ст. 11 Федерального закона № 414-ФЗ народные избранники могут непосредственно встречаться и общаться с гражданами для обсуждения имеющихся социально-экономических и иных сложностей, а также проблемы и вопросы регионального значения.

Особо оговаривается, что встречи депутата с избирателями должны иметь открытый характер и проводиться строго с требованием законов, устанавливающих порядок проведения публичных мероприятий.

Однако на данных формах деятельность депутата регионального уровня по взаимодействию с избирателями, безусловно, не ограничивается.

Например, для депутатов Государственной Думы Федерального собрания РФ нормативно определены и дополнительные формы взаимодействия с гражданами. Статья 8 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [1] определяет правовые основы взаимоотношений депутата Государственной Думы с избирателями. В первой части рассматриваемой статьи перечислены обязанности депутата, в число которых также входит и поддержание связи с избирателями, а также определен механизм ее исполнения.

В комментируемой статье речь идет о следующих формах взаимодействия депутатов с избирателями: рассмотрение обращений и проведение личного приема избирателей. При этом последний должен осуществляться с периодичностью не менее одного приема в два месяца.

Личный прием граждан подразумевает не только непосредственное общение с избирателями, но и работу с их обращениями. Встречи с избирателями, которые должны проводиться не реже чем один раз в полгода, могут проходить в разных форматах:

— личный прием, непосредственное общение с депутатами, в ходе которого они нередко отчитываются о проделанной ими работе;

— информирование избирателей о своей деятельности во время встреч с ними, а также через средства массовой информации, на которые распространяется Федеральный закон от 13.01.1995 года № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» [2];

— иные формы, обеспечивающие связь с избирателями. Например, участие депутата в «круглых столах», конференциях, совещаниях, семинарах и др.

Исходя из уже рассмотренных выше норм пункта «н» ч. 1 ст. 72, а также ч. 2 и 5 ст. 76 Конституции РФ, можно сделать вывод, что система различных форм взаимодействия региональных парламентариев с избирателями, определяется на уровне субъекта РФ. Данный вопрос является предметом ответственности соответствующего законодательного органа, который может самостоятельно, согласно действующему законодательству, регламентировать указанную сферу депутатской деятельности.

Поскольку установлено, что формы взаимодействия депутатов законодательных органов субъекта РФ с избирателями регламентируются региональными нормативными правовыми актами, для примера обратимся к опыту Тюменской области.

Особенностью статуса Тюменской области в отличие от других субъектов РФ является то, что она является сложноустроенным субъектом РФ, в состав которого входят два равноправных субъекта Федерации — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ (далее по тексту — ХМАО-Югра, ЯНАО).

Законодательным органом Тюменской области является Тюменская областная Дума, которая выполняет законодательную функцию и отвечает за регулирование правовых общественных отношений на территории Тюменской области в пределах полномочий, определенных Конституцией РФ, руководствуясь положениями федеральных нормативно-правовых актов, Уставом Тюменской области региональными законами, договорами, заключенными с федеральными законодательными органами и органами ХМАО-Югры и ЯНАО, а также с другими субъектами РФ [7].

В статье 10 Закон Тюменской области от 27.06.1994 года №1 «О статусе депутата Тюменской областной Думы» установлено, что избранник народа должен руководствоваться законными интересами граждан по проблемам, отнесенным к компетенции областной Думы [5].

Депутату следует поддерживать коммуникацию с избирателями, чтобы в полной мере обеспечить их соблюдение и реализацию их прав, конституционных свобод и законных интересов.

Из анализа регионального законодательства можно выделить следующие формы взаимодействия депутатов с избирателями:

— рассмотрение обращений избирателей (предложения, заявления, жалобы), которые могут направляться посредством почтовой связи или в интернет-приемную областной Думы;

— прием граждан депутатами — регламентируется аналогичными нормативно правовыми актами, что и обращения граждан.

— изучение общественного мнения;

— регулярное оповещение избирателей о проделанной работе в ходе совместных встреч, а также посредством официальных публикаций и выступлений;

— формирование наказов избирателей, полученных депутатом областной Думы. Закон Тюменской области «О наказах избирателей, данных депутатам областной Думы» закрепляет организацию работы по выполнению наказов избирателей, данных депутатам областной Думы.

Таким образом, формы взаимодействия депутатов законодательных органов Тюменской области регулируются положениями разных региональных нормативных актов и предлагают их перечень намного шире, чем установлено Федеральными законами № 184-ФЗ и № 414-ФЗ.

Законодательные органы субъектов РФ самостоятельно определяют формы и порядок взаимодействия с избирателями. С одной стороны, данный вопрос относится к предмету ведения региональных органов власти, ведь им принадлежит вся полнота регулятивных, исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий на уровне субъекта (предметы ведения субъектов РФ). С другой стороны, сложившийся в настоящее время порядок правового регулирования имеет свои спорные моменты:

— предоставление большой свободы усмотрения в определении порядка взаимодействия с избирателями,

что в свою очередь может порождать ущемление прав избирателей;

— отсутствуют принципы оценки деятельности депутатов регионального парламента (оценка уровня доверия избирателей);

Таким образом, видится, что нормативное закрепление форм взаимодействия региональных парламентариев с избирателями по аналогии с положениями ч. 2 ст. 8 Федерального закона № 3-ФЗ, позволит избежать риска ущемления прав избирателей. При этом количество, порядок и сроки реализации могут устанавливаться на региональном уровне.

Целесообразно дополнить ст. 17 Федерального закона № 414-ФЗ п. 8 в следующей редакции:

«Депутат законодательного органа субъекта Российской Федерации обязан рассматривать обращения избирателей, лично вести прием граждан, проводить встречи с избирателями, а также осуществлять предусмотренные законодательством Российской Федерации иные меры, обеспечивающие связь с избирателями. Порядок, сроки и периодичность указанных мероприятий определяется законом субъекта Российской Федерации».

Подводя итог исследованию конституционно-правовых основ регулирования форм взаимодействия депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации с избирателями, проведенному в настоящей статье, можно сформулировать следующие выводы.

1. На федеральном уровне отсутствует нормативное закрепление значения понятия «депутат законодательного органа субъекта РФ», а также форм взаимодействия депутатов регионального парламента с избирателями, что создает основу для различных правовых подходов на уровне субъекта РФ и потенциально может способствовать ущемлению прав избирателей.

Под депутатом законодательного органа субъекта РФ следует понимать представителя народа, избранного в соответствии с законодательством о выборах, который осуществляет законодательные, представительные и контрольные полномочия на региональном уровне, а также иные полномочия, предусмотренные нормативными правовыми актами. Данное определение может дополнить существующие подходы в науке конституционного права

2. Проведенный анализ правового регулирования форм взаимодействия депутатов законодательных органов субъектов РФ на федеральном уровне показал, что правовая регламентация на данном уровне недостаточно проработана и нуждается в дальнейшем правовом регулировании и детализации.

3. На региональном уровне (на примере, Тюменской области) было выявлено несколько нормативных правовых актов, совокупность положений которых регулирует формы взаимодействия депутатов Тюменской областной Думы и избирателей, при этом к таким формам отнесены:

— рассмотрение обращений,

— прием граждан,

- изучение общественного мнения,
- систематическое информирование депутатом избирателей о своей деятельности,
- формирование наказов избирателей.

Полагаем, что система правового регулирования взаимодействия депутатов законодательных органов субъекта

РФ с избирателями на федеральном уровне нуждается в дальнейшей регламентации, в том числе предлагается законодательно установить общие правила (формы) взаимодействия депутатов с избирателями по аналогии с нормами Федерального закона № 3-ФЗ, путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон № 414-ФЗ.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.09.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 17.07.2022 г.) // СЗ РФ. 1994. № 2. Ст. 74.
2. Федеральный закон от 13.01.1995 № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» (в ред. от 12.03.2014 г.) // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 170
3. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в ред. от 21.12.2021 г. 1, с изм. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
4. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 14.03.2022 г.) // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
5. Закон Тюменской области от 27 июля 1994 года № 1 «О статусе депутата Тюменской областной Думы» // Вестник Тюменской областной Думы. 1994. № 6.
6. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 18 июня 1998 года № 34-ЗАО «О статусе депутата Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа» // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа. 1998. Май. № 5.
7. Закон Тюменской области от 12 марта 2001 г. № 276 «Об основах организации и деятельности Тюменской областной Думы» // Официальный сайт Тюменской областной Думы: [сайт] URL: http://www.duma72.ru/ru/about/legal_principles/zakon_tod/ (дата обращения 10.10.2022).
8. Бондаренко, Е. С. Особенности правового статуса депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации/Е. С. Бондаренко. — Текст: непосредственный // Философия социальных коммуникаций. — 2021. — № 1 (54). — с. 24-31.

Лишение родительских прав: основания

Нагимова Миляуша Самиуллиловна, студент;
 Никогосян Стелла Андраниковна, кандидат юридических наук, доцент
 Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань)

Одной из актуальных проблем развития России на современном этапе является проблема защиты прав и интересов детей. Действия, которые государство направляет на решение этой проблемы, не подтверждаются на практике в достаточной мере.

Ученые и специалисты, работающие в различных областях, отмечают, что у российских семей ослабевают традиционные семейные устои, семья теряет свой авторитет. «Традиционные, защитные функции семьи сходят на нет или превращаются в свою противоположность, перерождаясь в угрозу для незрелой личности ребенка» [2, с. 3]

Для поддержки, защиты интересов и прав детей на федеральном и региональном уровне применяются различные нормативно — правовые акты. На сегодняшний день имеется более 140 законодательных и иных актов

правовой защиты, которые прямо или косвенно направлены на защиту прав и интересов детей.

Основополагающим нормативно — правовым актом, регулирующим правовые отношения внутри семьи, является Семейный кодекс Российской Федерации. Семейный кодекс обеспечивает соблюдение прав детей, не достигших совершеннолетия.

В Российской Федерации каждый год выявляется более 100 тыс. детей, который остались без родительского попечения [3, с. 143]. Большинство из них составляют «социальные сироты», т. е. дети, которых бросили родители, либо они были отобраны у них соответствующими государственными органами за невыполнение родительских обязанностей.

Исходя из Семейного кодекса РФ, лишение родительских является крайней мерой в отношении лиц, не

надлежащим образом выполняющих родительские обязанности или злостно уклоняющихся от них. Ежегодно российскими судами рассматриваются более 21 тыс. дел о лишении родительских прав [1, с. 52].

По сведениям, предоставленными Федеральной службой государственной статистики в РФ, количество детей, родители которых лишены родительских прав составляет:

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество детей, родители которых лишены родительских прав, человек	74493	72021	64591	58797	52211	46755	42899	40028	41299	37970	48291	44430

Согласно ст. 69 СК РФ, уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе злостное уклонение от уплаты алиментов, является основанием для лишения родителей их прав на воспитание детей.

В случае уклонения отца от выплаты алиментов, лишить его родительских прав в отношении ребенка невозможно. Для лишения отца ребенка родительских прав, в процессе судебного разбирательства адвокату необходимо доказать, что отец преднамеренно отказывается от выплаты алиментов, и тем самым совершает преступление (ст. 157 УК РФ — «Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей...»).

Когда со стороны родителей отсутствует забота о воспитании, обучении детей, можно говорить об уклонении родителей от выполнения своих прямых обязанностей.

Для лишения родительских прав существуют шесть основополагающих причин, которые должны быть доказаны неопровержимыми подтверждениями:

1. Уклонение от выполнения родительских обязанностей, в том числе злостное уклонение от уплаты алиментов (ст. 69 СК РФ), Для лишения родителей их прав, достаточно доказать суду, что родитель постоянно стремится уклониться от воспитания своих детей и отказывается материально их поддерживать.

2. Отказ без уважительной причины забрать ребенка из родильного дома или другого медицинского, образовательного, социального или аналогичного учреждения.

3. Нарушение и злоупотребление родительскими правами (создание условий, препятствующих полноценному развитию и обучению ребенка, приучение его к употреблению алкогольных напитков, наркотиков, использование ребенка при совершении преступления).

4. Жестокое обращение с детьми (жестокое обращение с детьми — это не только физическое, но и психологическое насилие над ними. Физическое насилие — это избиение, причинение любых физических страданий. Психическое насилие — это угрозы, внушение чувства страха, подавление воли ребенка).

5. Хронический алкоголизм или наркомания родителей (хронический алкоголизм или наркомания родителей должны быть подтверждены специальным медицинским заключением). Лишение родительской ответственности на этом основании может быть осуществлено независимо от признания судом обвиняемого ограниченно дееспособным.

6. Совершение умышленного преступления против жизни или здоровья ребенка либо против жизни и здоровья супруга (в этом случае для иска необходим приговор суда, подтверждающий совершенное преступление).

Поскольку лишение родительских прав не освобождает родителя от обязанности содержать своего ребенка, суд при рассмотрении дела о лишении родительских прав также решает вопрос о взыскании алиментов на ребенка независимо от того, предъявлен ли такой иск.

При лишении родительских прав одного из родителей и передаче ребенка на воспитание другому родителю, опекуну или попечителю или приемным родителям алименты взыскиваются в пользу этих лиц.

Лишение родительских прав по своей природе является исключительной (крайней) мерой, которая одновременно является способом защиты прав ребенка и мерой родительской ответственности, имеет срочный характер и сложные юридические последствия для правовых отношений между родителями и детьми.

Литература:

1. Государственный доклад о положении детей в РФ. 2000. с. 52
2. Нечаева, А. М. Защита прав ребенка: законодательство и правоприменительная практика // Защита прав ребенка в современной России. М, ИГП РАН. — 2005.
3. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права/И. А. Покровский; МГУ им. М. В. Ломоносова. — М.: Статут, 1998. — 353 с.

Уголовно-процессуальные и уголовно-правовые меры преодоления противодействия следователю в СССР и в современной России

Осипов Владислав Вадимович, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Статья посвящена проблеме преодоления противодействия в России с периода СССР и до наших дней. В ней рассматриваются уголовно-процессуальные меры преодоления противодействия и уголовно-правовые меры преодоления противодействия.

Ключевые слова: преодоление противодействия следователю, уголовно-процессуальные меры преодоления противодействия, уголовно-правовое противодействие.

Уголовно-процессуальные методы преодоления противодействия следствию и уголовно-правовые методы преодоления противодействия следствию — это методы, которые позволят следователю преодолеть противодействие, которое оказывается стороной, в отношении которой производится предварительное расследование.

Уголовно-процессуальные методы преодоления противодействия уголовному преследованию, предусмотренные нормами УПК РФ — это способы пресечения, устранения и нейтрализации актов противодействия.

По мнению Р.С. Белкина противодействие предварительному расследованию — умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по делу [1].

Преодоление противодействия уголовному преследованию — деятельность лиц, осуществляющих уголовное преследование, направленная на предупреждение прогнозируемого противодействия, распознавание его признаков, пресечение, устранение, либо нейтрализацию актов противодействия [2].

Одним из способов уголовно-процессуального преодоления противодействия является разъяснение содержания норм УПК РФ участникам уголовного процесса при проведении следственных действий [3].

В уголовный процесс не допускаются участники процесса, которые заинтересованы в исходе дела ч. 2 ст. 61 УПК РФ [4], это может стать причиной создания препятствий при производстве расследования по уголовному делу. Поэтому, например, понятой — это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо ст. 60 УПК РФ.

Меры безопасности применяются в УПК в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также в отношении их близких родственников и близких лиц. При осуществлении предварительного расследования применяются следующие меры безопасности: возможно не приводить данные лица в протоколе следственного действия ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Следователь выносит постановление на имя руководителя, где приводит причины принятия решения о сохранении в тайне личных данных лица, указывает псевдоним. УПК предусматривает при предъявлении для опознания исклю-

чение визуального наблюдения опознающего опознаваемым ч. 8 ст. 193 УПК РФ. При наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников ст. 186 УПК РФ позволяет осуществлять контроль и запись переговоров. УПК позволяет применить меры пресечения если обвиняемый или подозреваемый могут скрыться от следствия ст. 97 УПК РФ. Следователь может взять обязательство о явке, осуществить привод. Участники уголовного процесса обязаны явиться по вызову следователя. Так же следователь предупреждает об ответственности свидетеля или потерпевшего за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний ст. 56 УПК. Предупреждается так же об ответственности специалист и переводчик. Обвиняемые, вызванные по одному и тому же делу, допрашиваются порознь.

Если сторона защиты явно затягивает время для ознакомления с материалами уголовного дела, то на основании решения суда может быть установлен срок ознакомления с материалами уголовного дела ч. 3 ст. 217 УПК РФ.

Следственные действия помогают следователю в формировании доказательственной базы по делу, это может помочь в преодолении противодействия. Тактические приемы должны осуществляться в рамках уголовно-процессуального законодательства и быть направлены на преодоление противодействия.

Уголовно-правовые меры вытекают из норм уголовного законодательства. Такие нормы закрепляют прежде всего признаки состава конкретного преступления, обозначая в общем виде объекты, с которыми связано активное умышленное противодействие, воспрепятствование, являющееся в целом ряде случаев уголовно наказуемым деянием. К данным нормам УК РФ относятся: ст. (ч. 2, ч. 3 ст. 294), ст. 295, ст. 296, (ч. 2 ст. 298), ст. 303, (ч. 1 ст. 304), ст. 306, ст. 307, ст. 308, ст. 309, ст. 310, ст. 311, ст. 313, ст. 316. [5].

Следователи предупреждают участников об уголовной ответственности, предусмотренной по данным статьям, и это так же является одним из способов преодоления противодействия.

Данные нормы аналогичным образом были предусмотрены в УПК РСФСР (Глава 4 Обстоятельства, исключающие возможность участия в судопроизводстве, Глава 6

Меры пресечения) и УК РСФСР (Глава 8 Преступления против правосудия).

Именно уголовно-процессуальные и уголовно-правовые меры преодоления противодействия помогают

следователю уравновесить баланс сил при производстве расследования. Проблема уголовно-процессуального и уголовно-правового противодействия является актуальной и недостаточно изученной в научной сфере.

Литература:

1. Белкин, Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // учебник/под ред. Т.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. М.: Новый Юрист, 1997. 990 с.
2. Гармаев, Ю.П., Ким Д.В. Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействия уголовному преследованию // https://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Papers/2020/Garmaev_2020_3.pdf
3. Бабаев, Э.У. Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления. М.: Щит-М, 2001. с. 164.
4. УПК Российской Федерации.
5. УК Российской Федерации.

К вопросу о необходимости мотивированных судебных решений по гражданским делам

Панченко Полина Анатольевна, студент магистратуры

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

Научный руководитель: Никитина Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой Хабаровский государственный университет экономики и права

В статье автор поднимает вопрос необходимости составления мотивированных судебных решений по гражданским делам. Анализируя положения законодательства, правоприменительную практику, а также исследования ученых, автор приходит к выводу о необходимости внести изменения в действующее гражданско-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: судебное решение, гражданское дело, мотивированные судебные решения, мотивировочная часть судебного решения.

On the question of the need for reasoned court decisions in civil cases

In the article, the author raises the question of the need to draw up reasoned court decisions in civil cases. Analyzing the provisions of legislation, law enforcement practice, as well as research by scientists, the author comes to the conclusion that it is necessary to amend the current civil procedure legislation

Keywords: court decision, civil case, reasoned court decisions, the reasoning part of the court decision

В 2013 году законодатель внес изменения в ст. 199 ГПК РФ, полностью реформировав ее, при этом предусмотрев возможность мировому судье не составлять мотивировочное решение [1] (аналогичное положение действует в АПК РФ).

В научной литературе новеллы гражданско-процессуального законодательства незамедлительно оценили негативно. Так, Д.Б. Абушенко пишет: «...надо учитывать, что логика внутренней структуры этого документа детерминирована основной целью — вынесением итоговой резолюции по материально-правовому требованию. И отступление от универсальной схемы простого кате-

горического силлогизма будет просто губительно для самого института судебного решения. Поэтому так опасны любые «эксперименты» в этой области.... В качестве примера крайне неудачной попытки корректировки нормативно-правового регулирования института судебного решения можно привести нормы ч. 3, 4 ст. 199 ГПК РФ» [4]. Другие исследователи на тот момент также восприняли нововведение негативно [10].

Спустя время новеллы гражданско-процессуального права также подвергаются критике: «данная попытка законодателя упростить гражданскую процессуальную форму в виде «сокращенного» судебного решения, выно-

симого мировыми судьями, явилась неудачной» [8]. Некоторые исследователи предлагали законодателю определить в ч. 3 ст. 199 ГПК РФ перечень споров, по которым составление мотивировочной части судебного решения необязательно [7]. Присоединяясь к позиции ученых, отмечу, что изменения, внесенные в ст. 199 ГПК РФ, умаляют сущность и значение судебного решения по гражданским делам, как акта правосудия.

В 2017 году Верховный Суд предпринял попытку еще больше расширить возможности судов не составлять мотивированное судебное решение, внося в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором предлагалось закрепить исчерпывающий перечень дел, по которым обязательно составление мотивированного судебного решения по делам, рассмотренным в порядке заочного производства, и при рассмотрении дел: 1) по спорам о детях; 2) о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью; 3) о правах граждан на жилое помещение; 4) о восстановлении на работе (службе); 5) о защите пенсионных прав; 6) о защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц; 7) по корпоративным спорам; 8) связанных с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации; 9) с участием иностранных лиц, в том числе иностранного государства [2].

Однако, как наблюдаем, предложения не были приняты, изменения не были внесены. Как следует из Пояснительной записки к законопроекту, Верховный Суд обосновывал предлагаемые изменения увеличением количества рассматриваемых судами дел по первым и проверочным инстанциям и, как следствие, повышением финансовых затрат на осуществление правосудия.

Считаю, однако, что экономические детерминанты не могут служить основанием для лишения граждан права на законные и обоснованные судебные решения. Снижение нагрузки на суд можно достичь иными методами, в противном случае, стоит ставить под сомнение всю систему правосудия. Предоставление судам возможности составлять немотивированные решения неизбежно ведет к нарушению прав граждан на справедливое судебное разбирательство, а также к утрате значения преюдициальности судебного решения.

Возможность не составлять мотивировочную часть судебного решения не снижает нагрузки на судебную систему. Судья, вынося резолютивную часть решения, уже имеет четкое представление о будущем содержании его мотивировочной части. В этой связи отсроченное изготовление решения в полном объеме не позволяет суду сэкономить время, а наоборот, влечет дополнительную нагрузку. При этом в п. 4 ст. 199 ГПК РФ предусмотрено

право лиц, участвующих в деле, и их представителей подать заявление о составлении мотивированного решения суда. Соответственно, участники дела пользуются предоставленными возможностями. Однако, в случае, если участники дела подали апелляционную жалобу, при этом не обращались к мировому судье с заявлением о составлении мотивированного решения, то мировой судья должен составить мотивированное решение, что следует из обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года (Разъяснения, возникающие по вопросам судебной практики, вопрос № 4) [3].

Представляется, что разъяснение, указанные в обзоре судебной практики, при этом от 2013 года, не имеют значительного влияния на практику судей составлять мотивированное решение.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 постановления от 26.06.2018 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» обращает внимание судов на необходимость изложения в тексте судебного решения полного мотивированного и ясного ответа на требование истца и возражение ответчика, что соотносится с требованиями ст. 195 и 198 ГПК РФ о законности и обоснованности судебного решения по гражданским делам.

Мотивированность судебного решения является отражением его законности и обоснованности. Отечественные ученые также придерживаются данной позиции. Так, к примеру, И. Г. Фильченко пишет, что мотивированность судебных решений — это «форма таких требований, как законность и обоснованность решения» [11]. Е. В. Халалаева отмечает, что мотивированность судебного решения должна отражать в изложенном тексте самого решения все результаты деятельности суда по исследованию и оценке доказательств, имеющих значение для дела, указывая на принятые и отвергнутые доказательства и мотивы принятых решений [12]. В современной научной литературе высказывается схожая позиция [9].

Как отмечает С. А. Алехина, «если же мотивировочная часть отсутствует, получается, что суд принимает некое решение, но никак не объясняет свою позицию. В таком случае решение суда больше похоже на некую отписку, из которой едва ли можно что-то понять» [6].

Несоставление мотивировочной части судебного решения ставит под сомнение законность и обоснованность судебного решения и, как следствие, приводит к принятию необоснованных судебных решений, которые нельзя принять в качестве законных и обоснованных. Тяжело переоценить значимость мотивировочной части судебного решения, она является изложением фактических и правовых выводов суда по делу, однако законодатель, как видим, смог добиться возможности не составлять мотивированное судебное решение.

Полагаю, правовое и практическое аргументирование важности мотивированного судебного решения и кри-

тика ученых предоставленного судам права не составлять такое решение, обосновывает необходимость пересмотреть принятые изменения. Следует согласиться с подавляющим мнением ученых о том, что отсутствие мотивировочной части судебного решения приводит к принятию необоснованных решений и нарушению прав и законных интересов лиц, участвующих в деле.

Исходя из вышеизложенного представляется очевидной необходимость пересмотреть положения ст. 199 ГПК РФ. Предлагается исключить ч. 3 и ч. 4 из ст. 199 ГПК РФ и дополнить ст. 325.1 ГПК РФ частью 1.1., предусматривающей отдельное основание для возвращения дела судом апелляционной инстанции, изложив ее в следующей редакции: «Суд апелляционной инстанции возвращает дело, поступившее с апелляционной жалобой, представлением, в суд первой инстанции, если судом первой инстанции не было изготовлено мотивированное решение». Так как мотивированное решение позволяет грамотно аргументировать апелляционную жалобу.

Либо, в качестве компромисса, сохраняя ч. 3 и ч. 4, предусмотреть в ч. 3 ст. 199 ГПК РФ закрытый перечень споров, по которым судья может не составлять мотивированное решение. Так, к примеру, секретарь пленума Верховного суда Виктор Момотов заявил, что до 99% судебных тяжб о налогах и коммунальной задолженности проходит без ответчиков, они не возражают против заявленных требований и вообще не проявляют хоть какой-нибудь процессуальной активности. В итоге 98% исков удовлетворяется. С этим связано предложение Верховного суда освободить судей от обязанности мотивировать подобные решения [5]. Тем самым, одним из видов споров, по которым возможно не составлять мотивированное решение могут стать споры о налогах и коммунальных задолженностях.

Сформулированные предложения по изменению действующего процессуального законодательства не претендуют на единственно верное решение вопроса, однако могут послужить основой для дальнейшего развития дискуссии по вопросу изготовления мотивированного судебного решения.

Литература:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 20-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 872.
2. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 г. № 30 // Документ опубликован не был. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.11.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 1 (извлечение).
4. Абушенко, Д. Б. Об общих подходах к реформированию процессуального законодательства сквозь призму системного влияния материального права на цивилистический процесс и «частных вкраплений» материального права в процессуальную ткань/Д. Б. Абушенко // Вестник гражданского процесса. — 2013. — № 5. — с. 21-33.
5. Алехина, М. Верховный Суд объяснил отказ мотивировать судебные решения/М. Алехина [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrfl.ru/press_center/mass_media/26522/ (дата обращения 01.11.2022)
6. Алехина, С. А. О немотивированном решении в гражданском судопроизводстве/С. А. Алехина // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 4. — с. 86-90.
7. Бахарева, О. А. Мотивированность судебного решения в гражданском судопроизводстве/О. А. Бахарева // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 18 февраля 2016 года/Редколлегия: А. В. Герасимов, Д. Б. Данилов, М. В. Жаботинский, И. К. Харитонов, Н. В. Жукова, А. И. Макаренко. — Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. — с. 165-169.
8. Казарина (Маслова), Т. Н. О недостатках статьи 199 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 20-ФЗ/Т. Н. Казарина (Маслова), Ф. А. Емтыль // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3 (76). — с. 154-159.
9. Павлова, М. В. Отмена обязательного составления мотивированных решений судов. Аргументы «против»/М. В. Павлова, И. К. Лавринюк // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: Сборник статей по материалам XVI международной научно-практической конференции. Том 3 (16): Общество с ограниченной ответственностью «Международный центр науки и образования». — 2018. — с. 56-63.
10. Сенцов, И. А. ГПК РФ: десять лет в движении (анализ изменений и дополнений с 2003 по 2013 гг.)/И. А. Сенцов // Вестник гражданского процесса. — 2013. — № 4. — с. 229-253.

11. Фильченко, И. Г. Процессуальные гарантии принятия обоснованного судебного решения в гражданском процессе: автореферат дис. . . . канд. юрид. наук/И. Г. Фильченко. — Воронеж, 2010. — 26 с.
12. Хахалева, Е. В. Обоснованность решения суда общей юрисдикции: дис. . . . канд. юрид. наук/Е. В. Хахалева. — Саратов, 2005. — 193 с.

К вопросу о принципе справедливости в гражданском судопроизводстве

Панченко Полина Анатольевна, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

Научный руководитель: Никитина Анна Васильевна, доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Хабаровский государственный университет экономики и права

В статье автор обращается к дискуссионному вопросу о закреплении и реализации принципа справедливости в гражданском судопроизводстве, в том числе применительно к судебным решениям. Анализируя положения законодательства, правоприменительную практику, а также исследования ученых, автор приходит к выводу о необходимости внести изменения в действующее гражданско-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: судебное решение, гражданское дело, справедливость, принцип справедливости.

On the question of the principle of justice in civil proceedings

Panchenko Polina Anatolyevna, student master's degree
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice (Khabarovsk)

Scientific adviser: Nikitina Anna Vasilevna, doctor of legal sciences, associate professor, head. department
Khabarovsk State University of Economics and Law

In the article, the author addresses the debatable issue of the consolidation and implementation of the principle of justice in civil proceedings, including in relation to judicial decisions. Analyzing the provisions of legislation, law enforcement practice, as well as research by scientists, the author comes to the conclusion that it is necessary to amend the current civil procedure legislation.

Keywords: judicial decision, civil case, justice, principle of justice.

Анализ научной литературы позволяет заключить, что одним из дискуссионных вопросов сущности и содержания судебного решения по гражданскому делу, да и в целом гражданского судопроизводства, является вопрос о месте принципа справедливости в Гражданском процессуальном кодексе (далее по тексту — ГПК РФ) [4], его значении для принятия судебных решений по гражданским делам и реализация его на практике.

Исследование принципа справедливости в процессуальном законодательстве актуально, так как единое понимание данного принципа отсутствует в доктрине, а также он не закреплен в Конституции РФ (не считая, что в преамбуле отражена вера в справедливость). Однако сразу отметим, что отсутствие принципа справедливости на законодательном уровне не означает его отсутствие в действительности, так как справедливость заложена в основу цивилизованного общества. При этом Конституционный Суд РФ в своих постановлениях не раз ссылается на принцип справедливости [6; 10]. Также хотим отметить, что вопрос о принципе справедливости в гражданском процессе не должен исследоваться

оторвано от общеправового и конституционного принципа справедливости, но, в рамках темы исследования затронем только одну сторону этого многогранного феномена, а в контексте общеправового принципа — фрагментарно.

Справедливость может занимать разное место в обществе, она может быть представлена в качестве правового принципа, цели или задачи и т.д. И ограничиваться одними рамками нельзя. Еще в советское время ученые обращались к вопросу о принципе справедливости, его месте в системе права, проблемах практической реализации [15]. Так, к примеру, В. Н. Карташов выделял четыре проявления принципа справедливости: 1) она заложена в содержании права; 2) деятельность правоприменителя должна быть пронизана идеями о справедливости; 3) вынесенные решения и правоприменительные акты должны быть по форме и существу справедливыми и служить средством для полной реализации принципа социальной справедливости [14]. И в начале 2000-х [13] и сегодня [16], вопрос о принципе справедливости актуален среди ученых.

Невольно возникает вопрос, необходимо ли закрепление принципа справедливости на законодательном уровне, либо достаточно общего содержания правовых норм и правоприменительной практики? Полагаем, принцип справедливости должен быть закреплен в законе. Попытаемся это обосновать.

Принцип справедливости правосудия (или судопроизводства) закреплен в актах как международного, так и национального уровней. Ярким тому примером служит ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [1].

Полагаем, что право на справедливое судебное разбирательство предполагает право на справедливое судебное решение. Являясь участниками международных договоров, страны имплементируют их положения в национальное законодательство.

Стоит отметить, что ранее (до выхода России из Конвенции о защите прав и основных свобод) Россия лидировала в списке по количеству обращений граждан РФ в Европейский Суд по правам человека, где граждане ссылались именно на нарушение ст. 6 вышеуказанной Конвенции, т. е. на нарушение справедливости судебного разбирательства. Отчет ЕСПЧ о своей работе за 2021 год демонстрирует, что по количеству жалоб Россия немного уступала Турции — 9432 жалобы против 9548 жалоб [17]. Конечно, Россия более не подпадает под юрисдикцию ЕСПЧ, однако представленная информация подтверждает актуальность проблемы.

Понятие справедливости соотносится с базовыми ценностями общества и в наибольшей степени отражает общесоциальную сущность права. С точки зрения общесоциальной сущности российского права справедливость, как принцип, занимает важное место, однако реализация данного принципа усложнена его абстрактным пониманием, так как единой позиции о принципе справедливости нет ни в доктрине права, ни в законодательстве. Более того, ситуация усложнена тем, что само понятие «справедливость» является оценочным, так как в основу понимания этого феномена заложено субъективное содержание. Если на национальном уровне еще имеются туманные перспективы определить содержание справедливости, то на международном уровне это задача кажется почти невозможной, так как у каждого народа свой менталитет, историческое развитие, культура, нравственные институты, форма сознания, обычаи и взгляды — все то, что имеет непосредственное влияние на наполняемость справедливости. Представляется, что справедливость — это явление, которое реагирует на изменение общественных отношений, общества, права и законодательства, правосознания граждан. Тем самым, справедливость не статичное, а динамичное явление, подверженное влиянию определенных социально-правовых детерминантов.

При этом стоит отметить, что само понятие справедливость в европейском понимании отличается от российского. Так, «Justitia» (лат. «справедливость») происходит от слова «jus» — право. В английском языке «право»

и «справедливость» обозначены одним словом «justice». Это говорит о том, что в западном устройстве справедливость и право в лице закона тождественны и при этом успешно реализуемы. Стоит также отметить и достаточно высокий уровень законопослушности многих граждан Европы, что обусловлено их менталитетом и строгим соблюдением закона, за которым и признается справедливость.

В качестве правового принципа справедливость может быть закреплена как в материальном, так и в процессуальном праве. Однако закрепление в законодательстве универсального понятия весьма проблематично. Сложность возникает еще и на уровне разных отраслей права. Представляется, что на общеправовом уровне (Конституция РФ) принцип справедливости должен быть определен обобщенно, а конкретизироваться на отраслевом уровне с учетом особенностей регулируемых общественных отношений.

Анализ практики Конституционного Суда РФ позволяет выявить следующие подходы к пониманию и определению принципа справедливости:

1) принцип справедливости тесно связан с принципом равенства, что подтверждается использованием следующих фраз: «согласно конституционным принципам равенства и справедливости», «базовые конституционные принципы справедливости и равенства» [10]. Полагаем, что Конституционный Суд вполне обоснованно ставит в один ряд два принципа, так как они взаимосвязаны, нарушение принципа равенства приводит к нарушению принципа справедливости;

2) определение принципа справедливости в качестве принципа вынесения судебных актов, как необходимого условия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина [9];

3) определение принципа справедливости критериями допустимости ограничения основных прав, пропорциональностью законодательного регулирования условий и порядка их реализации и соразмерностью юридической ответственности [8].

Как следствие, Конституционный Суд *de facto* признает принцип справедливости конституционным, однако *de jure* данный принцип не получил законодательного закрепления. Конституционный Суд не раз связывал принцип справедливости с вынесением судебного акта, указывая, что:

— судебная защита должна быть полной, что предполагает не только возможность для каждого обратиться в суд, но и обязанность суда вынести справедливое и обоснованное решение [7];

— суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т. е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу» [12];

— правосудие как важнейший элемент правопорядка по самой своей сути является таковым, если обеспечивает справедливое разрешение дела и эффективное восстановление в правах [11].

В Арбитражном процессуальном кодексе РФ справедливость определена как одна из задач судопроизводства (п. 3 ст. 2 АПК РФ) и еще дополнительно упоминаются четыре раза — в п. 2 ст. 98, п. 4 ст. 174, п. 10 ст. 248.2, п. 1 ст. 308.10 [3].

В Уголовно-процессуальном кодексе справедливость определена как одно из основополагающих требований к приговору суда (ст. 297 УПК РФ) и, помимо этого, упоминается дополнительно пять раз — в ч. 2 ст. 6, ч. 4 ст. 226.9, ч. 1 ст. 332, ст. 389.9, ч. 4 ст. 389.28; три раза — в контексте приговора суда, один раз — в части назначения уголовного наказания и один раз — применительно к присяжным заседателям [2].

В Кодексе административного судопроизводства РФ справедливость определена в качестве принципа судопроизводства в п. 3 ст. 6 и ст. 9 КАС РФ [5].

Лишь в Гражданском процессуальном кодексе РФ о справедливости упоминается дважды — в п. 3 ст. 206: «... в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения», и в п. 1 ст. 391.11: «... в том числе права на доступ к правосудию, права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон, либо существенно ограничили эти права».

Как видим, справедливость никак не определена в ГПК РФ в качестве принципа, цели или задачи судопроизводства, за исключением двух случаев, где в первом — в качестве принципа, но точно, во втором — в качестве права участника процесса, связанного с судебным разбирательством.

Однако все указанные процессуальные кодексы объединяет одно — отсутствие критериев, позволяющих определить судебный акт как справедливый. Исключение составляет лишь УПК РФ, в котором содержится требование к судебному акту в виде справедливости его вынесения. Представляется, что наличие в УПК РФ данного требования обусловлено стремлением суда установить объективную истину, так как раскрытие преступления и привлечение лица к ответственности имеет общественную значимость.

Проблема содержания принципа справедливости возникает при сопоставлении его с принципом законности, который содержится в процессуальном законодательстве.

По объему и содержанию данные понятия не совпадают, т.е. с точки зрения закона, формально принятое решение является верным, однако одновременно может быть несправедливым, чего, конечно, в правовом поле не может быть, ведь если решение законно, то и справедливо. Но коллизия двух принципов очевидна. Так, судья, имея два законных варианта решения дела, может столкнуться с выбором между ними ввиду отсутствия сложившейся практики, а также их отличия с точки зрения справедливости. Так как само понятие справедливости не определено законом, то непонятно, какими соображениями стоит руководствоваться судье. В этой ситуации

судья должен отдавать предпочтение тому варианту решения, который будет отвечать общепринятым представлениям о справедливости, исходя также из своей субъективной оценки.

Отсутствие в ГПК РФ требования о справедливости судебного решения не исключает необходимость его соблюдения, что логично. Конституционный Суд РФ не раз в своих постановлениях обращал внимание на необходимость вынесения справедливого решения. Следовательно, правоприменительной практики достаточно, чтобы признать наличие и необходимость соблюдения принципа справедливости, но, полагаю, что требования, предъявляемые к судебному решению, должны быть определены законодательно. Причем п. 4.1 ст. 198 ГПК РФ не предполагает возможность ссылаться на практику Конституционного Суда, что следует из абзаца 3 указанной нормы. В этой связи хочется положительно оценить работу законодателя над ч. 2 ст. 297 УПК РФ, так как в ней определено требование о справедливости судебного акта, наравне с законностью, а также предпринята попытка раскрыть справедливость в общих чертах.

Приходим к выводу, что принцип справедливости имеет формальную и содержательную сторону. В первом случае все сведено к формальной отсылке к норме, закрепляющей данный принцип в нормативных правовых актах. Во втором случае принцип сведен: к взаимодействию с другими правовыми принципами и требованиями (равенство всех перед законом, разумный срок судопроизводства, гласность разбирательства, законность и обоснованность и т.д.), где при вынесении решения необходимо их неукоснительное соблюдение; к отсутствию фанатичной привязанности судьи к судебной практике, так как с течением времени, одни и те же споры могут быть решены по-разному.

Полагаем, что в гражданском процессуальном понимании справедливость должна быть сведена к задаче гражданского судопроизводства, к принципу гражданско-процессуального права и к требованию, предъявляемому к судебному решению.

Подводя итог, сформулируем следующие предложения по внесению изменений в процессуальное законодательство.

Во-первых, принцип справедливости должен быть отражен в ключевых положениях ГПК РФ — если в качестве задачи гражданского судопроизводства, то в ст. 2 ГПК РФ нужно внести изменения, а именно, исключить союз «и» между словами «правильное и своевременное», разделить их запятой и после слова «своевременное» добавить фразу «и справедливое». Данные изменения напрямую закрепят положения о справедливости в гражданском судопроизводстве и исключат различия между процессуальными кодексами, так как законодатель стремится к унификации процессуального законодательства и к концепции единого ГПК РФ и АПК РФ.

Во-вторых, п. 1 ст. 195 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «Решение суда должно быть законным, обосно-

ванным и справедливым». Наименование ст. 195 ГПК РФ изложить в следующей редакции: «Статья 195. Законность, обоснованность и справедливость судебного решения».

Что касается собственно содержания «справедливости» в ст. 195 ГПК РФ, то, для начала, стоит по примеру принципов законности и обоснованности изложить базовое понимание справедливости в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Данные изменения позволят напрямую закрепить требование справедливости для судебных решений в гра-

жданском процессе и будут отражать задачи гражданского судопроизводства.

Сформулированные предложения по изменению действующего процессуального законодательства не претендуют на единственное и верное решение вопроса, однако могут послужить основой для дальнейшего развития дискуссии по вопросу сущности и содержания принципа справедливости в гражданском судопроизводстве и его выражении в качестве требования к судебному решению.

Литература:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
6. По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А. Д. Чулкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П // Российская газета. — 2001. — 6 июня.
7. По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.2002 № 3-П // Российская газета. — 2002. — 7 февраля.
8. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаяна и К. С. Рожкова: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П // Российская газета. — 2003. — 31 октября 2003 г.
9. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П // Российская газета. — 2003. — 23 декабря.
10. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. С. Агаева, А. Ш. Бакаяна и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П // Российская газета. — 2014. — 9 апреля.
11. По жалобе открытого акционерного общества «Большевик» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2002 № 22-О // Экономика и жизнь. — 2002. — № 16.
12. По жалобе гражданина Передерия Максима Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 47 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.2004 N 359-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2005. — № 2.
13. Аширова, Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореферат дис... канд. юрид. наук/Л. М. Аширова — Уфа, 2006. — 26 с.

14. Правоприменительная практика в социалистическом обществе: Учеб. пособие/В.Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т. — Ярославль: ЯрГУ, 1986. — 86 с.
15. Справедливость и социалистическое право/А.И. Экимов. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. — 120 с.
16. Сухорукова, О.А. Эффективность гражданского судопроизводства. Коммуникативный аспект: монография/О.А. Сухорукова. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 149 с.
17. The European court of human rights in facts & figures 2021: Статистика ЕСПЧ — факты и цифры, обзор [Электронный ресурс] // URL: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports/factsfigures&c=> (дата обращения 09.11.2022).

История аннексии в международном праве

Плотникова Татьяна Викторовна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье автор пытается раскрыть понятие аннексии для понимания проблемы отрицания международным сообществом данной категории, обосновывая данный факт нормами международного права.

Ключевые слова: аннексия, международное право, международное сообщество.

Квалификация того или иного исторического процесса позиций международного права наталкивается на целый ряд проблем. К ним следует отнести как проблемы, носящие политический, так и исторический характер, кроме того, никто не отменял определённый субъективизм со стороны исследователей и действующих политиков, которые через призму собственного восприятия тех или иных событий, дают им соответствующую оценку.

Проблема адекватной квалификации происходящих в настоящее время событий на уровне буквы международного права стоит весьма остро, поскольку от этого во многом зависит последующий миропорядок и само существования человеческой цивилизации. Геополитическая напряжённость, сопряжённая, в том числе, с нежеланием мирового сообщества признать очевидные процессы, также усугубляется позицией международных организаций, призванных служить гарантом стабильности и мира, однако, в настоящее время не выполняющих в достаточной степени своих функций.

И, тем не менее, именно международное право располагает необходимым инструментарием для урегулирования отношений между государствами. Это тот свод правил, который признаётся большинством мирового сообщества, он даёт возможность находить пути для налаживания сотрудничества для наиболее безболезненного решения накопившихся проблем.

Полагаем, что для оценки генезиса проблематики аннексии в международном праве следует обратиться к раскрытию понимания данной категории.

Понятие аннексия имеет латинское происхождение и в дословном переводе означает присоединённый.

Обращаясь к мнению по данному вопросу отечественных исследователей, приведём точку зрения А.Я. Сухарева и В.Е. Крутских, изложенную ими в Большом эн-

циклопедическом словаре. Они полагают, что ключевыми характеристиками данного понятия является, во-первых, насильственное присоединение территории одним государством, территории или его части другим государством, во-вторых, ещё одним стержневым признаком данного понятия, является, по их мнению, односторонний характер данного процесса [1].

Анализ работ зарубежных исследователей, позволяет выделить позицию немецкого исследователя В. Бергмана, который также, как и российские учёные подчеркнул односторонность данного процесса, а также отсутствие доброй воли стороны государства, территория или часть которого отторгается в пользу другого государства [2].

Таким образом, позиции как отечественных, так и зарубежных исследователей в отношении данного понятия практически не отличаются.

Следует отметить, что современное нам право, регулирующее международные отношения, закрепляет неприемлемость аннексии с юридической точки зрения, в силу того что подобного рода отторжение территории противоречит основополагающим установлениям относительно недопустимости применения силы или угрозы силой в международных отношениях. Данные положения нашли своё закрепление в статье 2 Устава Организации Объединённых Наций [3].

Итак, в настоящее время аннексия не может быть тем фундаментом, на котором можно было бы, с правовой точки зрения, обосновать утрату независимости (суверенитета) территории одного государства (либо её части) в целях перехода её в состав другого государства.

В силу этого, если аннексия произошла, то после устранения обстоятельств, её вызвавших, следует восстановить суверенные права пострадавшего государства. Примером, в частности, может служить восстановление территориальной целостности Австрийской республики, произо-

шедшей 15 мая 1955 года в соответствии с австрийским Государственным договором.

Однако, полагаем, что следует обратиться к истории данного вопроса, чтобы понять, почему в настоящее время международное сообщество отвергает аннексию, обосновывая данный факт нормами международного права.

Апеллируя к классическому международному праву, следует отметить, что аннексия, как результат военных действий, рассматривалась как приемлемый способ и возможность приобретения территории (либо её части) побеждённого государства государством-победителем. Путь данного приобретения мог выражаться либо через заключение мирного договора, либо посредством заявления, носившего односторонний характер.

Особенность данного права государства состояла в том, что военные действия должны были быть прекращены и заключён мирный договор между воюющими сторонами. В обратном случае, отторгнутая территория рассматривалась не как результат аннексии, а как территория, которая находится в состоянии оккупации.

Рассматривая современное понимание категории «оккупация», следует отметить, что данное понятие, как и «аннексия» имеет латинское происхождение и обозначает захват [4], однако, ключевой характеристикой данного захвата является его временность и, как следствие, невозможность отторжения у государства данной, оккупированной территории.

Тем самым, международное право устанавливает один из важнейших принципов — принцип территориальной целостности государства и неизыблемости его суверенитета [5].

Обращаясь к Уставу ООН, следует отметить, что любые действия направленные на расчленение территории государства, предпринятые одним государством в отношении другого неприемлемы, кроме случаев, если они происходят с соответствующей санкции и/или одобрения ООН.

Юридическим подтверждением данных выводов служат положения Резолюции Совета Безопасности ООН № S/RES/242 (1967), в которой подчёркивается факт недопустимости приобретения территории посредством оккупации.

Интересным представляется мнение относительно понимания оккупации в международном праве ряда исследователей, в частности, Н.И. Васильевой, согласно которому, оккупация может произойти и без наличия военного конфликта. В частности, спорным является в этом ключе момент ввода миротворцев, с целью прекращения конфликта на той или иной территории. Связан данный противоречивый момент с тем, что миротворческая операция обладает всеми признаками оккупации. Таким образом, отсутствие враждебности в данной ситуации говорит о том, что она не является неперенной характеристикой оккупации [6].

Литература:

1. Устав Организации Объединённых Наций (Сан-Франциско, 26 июня, 1945 г.) // <https://base.garant.ru/2540400/?ysclid=18ihmlxks980869428> (дата обращения 26.09.2022)

Итак, возвращаясь к истории проблематики развития в международном праве юридического отношения к вопросам возможности аннексирования территорий, следует отметить, принятый в 1920 году Устав Лиги Наций, статьи которого опосредованно указывают на невозможность данного процесса. В частности, в статье 10 содержатся гарантии, направленные на утверждение территориальной целостности и независимости государства. В статьях с 12 по 16 закреплены серьёзные ограничения для возможности государства развязать войну.

1928 год ознаменовался вступлением в силу пакта Келлога — Бриана. В данном документе был сделан акцент на запрете войны, которая не могла теперь рассматриваться как средство, благодаря которому государство могло бы реализовать свои политические потенциалы.

Следствием вышеназванных документов стало утверждение в международном праве неправомерности военной агрессии, которая рассматривалась в них как не законная и не соответствующая международному праву.

И, как мы уже отмечали выше, завершающим этапом в процессе развития запрета аннексии в международном праве, стало вступление в силу Устава ООН. В нём подчёркивается, что споры между государствами должны решаться исключительно посредством дипломатии, угроза применения силы или её реализация рассматриваются международным правом как не легитимные. Как следствие, появился общий запрет на аннексию, которую международное право рассматривает как противоречащую закону процедуру.

Помимо Устава ООН, следует отметить ещё целый ряд документов международного уровня, в которых подчёркивается неприемлемость аннексии, в частности, это и резолюции резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН, и в Декларации о дружественных отношениях 1970 г.

Помимо актов международного права, инициированных в данной области ООН, следует также отметить акты регионального уровня, коим является Хельсинкский Заключительный акт 1975 г., в котором подчёркивается, что аннексия не находится в легитимном поле международного права.

Кроме того, следует отметить, что третьи государства, согласно нормам международного права, не вправе признавать результаты аннексирования территорий [2].

Таким образом, на современном этапе развития международного права, не признаётся применение процедуры аннексии. Эволюция к данному правовому состоянию исследуемой категории говорит о стремлении мирового сообщества к недопущению конфликтов между государствами и инициирование решение конфликтов международного уровня путём дипломатии.

2. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 года № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные действия» // <https://base.garant.ru/2540400/?ysclid=18ihmlxks980869428> (дата обращения 26.09.2022)
3. Борисов, А. Б. Большой юридический словарь. — М.: Книжный мир, 2010.
4. Большой юридический словарь/ [В. А. Белов и др.]; Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — 2. изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.).
5. Большой юридический словарь/ [В. А. Белов и др.]; Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — 2. изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.).
6. Васильева, Н. И. Аннексия и сецессия в контексте международного права и мировой политики: теория и исторический опыт // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anneksiya-i-setsessiya-v-kontekste-mezhdunarodnogo-prava-i-mirovoy-politiki-teoriya-i-istoricheskii-opyt> (дата обращения: 26.09.2022).
7. Международное право/Сост. В. Бергман. Кн. 2. М.; Берлин, 2011.
8. Скрипкина, Ю. Г. Принципы территориальной целостности государств и самоопределения народов и их роль в обеспечении международной безопасности и международного правопорядка // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-territorialnoy-tselostnosti-gosudarstv-i-samoopredeleniya-narodov-i-ih-rol-v-obespechenii-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-i> (дата обращения: 26.09.2022).

Активизация познавательной деятельности в процессе изучения трудового права в учреждениях среднего профессионального образования

Позднякова Юлия Андреевна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Сычева Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
 Шадринский государственный педагогический университет

В статье изучены подходы методики преподавания курса «Трудовое право», а также сделан акцент на активизацию познавательной деятельности обучающихся. Подчеркивается, что инновационная методика реализуется в рамках общей трансформации образовательной парадигмы и отвечает современным тенденциям процессов, происходящих в системе высшего образования.

Ключевые слова: трудовое право, проблемы преподавания, познавательная деятельность, интерактивная технология, среднее профессиональное образование, методика.

Activation of cognitive activity in the process of studying labor law in institutions of secondary vocational education

Pozdnyakova Yuliya Andreevna, student master's degree
 Scientific adviser: Sycheva Natalya Viktorovna, candidate of legal sciences, associate professor
 Shadrinsky State Pedagogical University

The article explores approaches to teaching the Labour Law course and focuses on intensifying the cognitive activities of students. It is emphasized that the innovative methodology is implemented within the general transformation of the educational paradigm and responds to the current trends of the processes taking place in the higher education system.

Keywords: labour law, teaching problems, cognitive activity, interactive technology, secondary vocational education, methodology.

Вопросы активного обучения относятся к числу наиболее актуальных проблем современной педагогической науки и практики. Реализация принципа активности в обучении имеет определенное значение, поскольку обучение и развитие носят активный характер, а каче-

ство обучения как деятельности определяет результат обучения, развития и воспитания обучающихся. Ключевой проблемой в решении задачи повышения эффективности и качества учебного процесса является активизация учебной деятельности обучающихся. Ее особая

значимость заключается в том, что обучение, являясь рефлексивно-преобразующей деятельностью, направлено не только на восприятие учебного материала, но и на формирование отношения обучающегося к самой познавательной деятельности. Решение проблемы повышения эффективности процесса обучения требует научного осмысления проверенных практикой условий и средств активизации обучающихся.

Активизация познавательной деятельности — это совершенствование методов и организационных форм познавательной деятельности, обеспечивающих активную и самостоятельную теоретическую и практическую деятельность студентов на всех этапах учебного процесса.

Одной из актуальных проблем профессиональной педагогики является активизация мыслительной деятельности студентов в процессе обучения. Освоение особенностей профессии будет эффективным только в том случае, если студент сам целенаправленно участвует в формировании необходимых компетенций. Существует несколько способов активизации мыслительной деятельности студентов. К ним относятся активизация мышления через использование нетрадиционных педагогических методов, методов проблемного обучения, методов, основанных на включении в учебный процесс деловой игры. Задача преподавателей — построить свою работу таким образом, чтобы заинтересовать в обучении, помочь сформировать убеждения и установки в соответствии с общечеловеческими ценностями, создать условия для развития личности обучающихся.

Для активизации мыслительной деятельности можно использовать фронтальный опрос с проблемными вопросами; логический диктант, когда преподаватель зачитывает вопрос, а студенты дают краткий ответ; графический диктант, когда студенты отвечают на поставленные преподавателем вопросы графически: если «да» — линия, если «нет» — дуга. Это позволяет быстро проверить правильность ответов, в том числе с помощью обмена студентами своими работами. Развитие познавательного интереса имеет особое значение на парах трудового права. Этот предмет содержит в основном новый для студентов, тесно связанный с их будущей профессией и поэтому потенциально интересный как теоретический, так и фактический материал. [1]

Помимо усвоения значительного объема разнообразных знаний, студенты должны приобрести определенные компетенции, непосредственно связанные с их будущей профессиональной деятельностью. Следует учитывать и другую особенность содержания этих предметов — их органическую связь с производственной практикой. Поэтому формирование познавательных интересов — это в значительной степени формирование профессиональных и общих компетенций студентов.

Под правовым образованием можно понимать совокупность обучающих и воспитательных действий, применяемых в процессе формирования у обучающихся современных правовых ценностей, направленных на уважение по отношению к праву, правовым ценностям, а также формирование правовой культуры. Совокупность ука-

занных действий предполагает усвоение учащимися системных знаний в сфере трудового права, в качестве основы для развития соответствующих ценностных ориентаций, необходимых каждому человеку.

Правовые знания, преподаваемые на уроках трудового права, а также предлагаемые для изучения и самостоятельной работы обучающихся нормативно-правовые акты, должны носить актуальный характер, т.е. соответствовать нынешнему положению законодательства РФ. Тем не менее, зачастую, в ходе обучения обучающимся предоставляется неактуальные законодательные акты или устаревшие редакции кодексов и т.д., что, несомненно, является одной из актуальных проблем.

Тем не менее, указанная проблема имеет достаточно простое решение. Педагог, преподающий трудовое право и работающий с правовой информацией, должен перед проведением урока проверить актуальность предоставляемой информации. Для этого существуют различные правовые базы — КонсультантПлюс и Гарант. В ходе преподавания особое значение для обучающихся имеет практическая направленность изучаемых вопросов. [5]

Современный студент при изучении правового материала должен четко представлять цели изучения, зачем изучается учебный материал, и для чего он должен его изучать. Студентам не нужны знания об абстрактном трудовом праве, им необходимо знать, где, когда и как они будут иметь возможность их применять, зачем это нужно лично им. Только в этом случае можно добиться положительного результата. Сегодня преподаватели все чаще сталкиваются с проблемой правового нигилизма, который мешает развитию критического правового мышления у студентов. Правовой нигилизм как массовое явление требует все большей мобилизации сил и ресурсов, выделенных на борьбу с ним. Это необходимо не только для объективной оценки обучающимися правовой ситуации в стране, но также и для более глубокого осмысления противоречивой природы права, обучения принятию студентами решений в сложных жизненных ситуациях в правовых рамках, осмыслению ими своих действий.

В ходе преподавания юридических дисциплин используются различные способы, приемы и средства обучения. Так общедидактические применяются без привязки к каким-либо конкретным учебным дисциплинам. Отраслевые, напротив, отражают специфику конкретных предметов.

Среди наиболее востребованных назовем активные и интерактивные инновационные методики обучения. С учетом роста творческого фактора в образовании важна активная роль всех участников учебного процесса и формирование самостоятельности обучающихся. Именно поэтому развитие диалога обучающегося с преподавателем становится первостепенной составляющей успешности обучения. Решая творческие и проблемные задания, либо в ходе дискуссий с преподавателем или с другими сокурсниками, обучающийся развивает способность анализа и критического восприятия 5 проблем. Одновременно осуществляется сотрудничество преподавателя с обуча-

ющимися. Понятие «инновационные методики преподавания» является многогранным. Оно объединяет в такие способы обучения, которые уже доказали свою эффективность, позволили интенсифицировать и модернизировать учебный процесс, либо потенциал которых признан практиками для развития творческого подхода и активизации личностного потенциала участников.

Практика преподавания юридических дисциплин в среднем профессиональном учебном заведении является лучшим критерием для проверки эффективности тех или иных методов, форм и приемов педагогической деятельности. Поэтому без оговорок действенными следует признать разбор коллизий и казусов; деловые игры с предварительным распределением ролей обучающихся по трудовому праву.

Навыки коллективного взаимодействия и умение работать в коллективе лучше всего приобретаются в ходе решения заданий в малых группах, а также при сочетании индивидуальных и групповых тренингов.

Чрезвычайно полезными представляются факторы воздействия на обучающихся авторитетом приглашенных действующих юристов, в частности, при проведении мастер-классов и дискуссий с ними.

Преподаватель, безусловно, является главным сценаристом и режиссером при подготовке игры, однако вполне допустимо, чтобы некоторые эпизоды отдавались для разработки обучающимися, причем как отдельно, так и малыми группами.

Оптимизация учебного процесса будет эффективной при комплексном соблюдении принципов. Рассмотрим педагогические условия как основной компонент принципа относительности оптимизации процесса обучения, которые условно можно разделить на две группы:

1) педагогические мероприятия по оптимизации учебного процесса;

2) условия, оптимизирующие учебный процесс.

В свою очередь, к первой группе можно отнести:

— оценка и анализ преподавателем собственных знаний и деятельности;

— анализ преподавателем своего педагогического опыта;

— совместное обсуждение достигнутых результатов оптимизации со студентами с целью выявления причин трудностей и перегрузок студентов, обмен опытом, использование индивидуального подхода к обучению.

Условиями оптимизации учебного процесса являются следующие:

— Преподаватель определяет оптимальный тип урока, учитывая его тематику, место в учебном плане и новизну;

— Применение дифференцированного подхода к обучению с учетом индивидуальных особенностей каждого обучающегося;

— Создание доброжелательной и комфортной обстановки в группе;

— Поддержание равновесия и самоконтроля во время урока и, при необходимости, своевременная корректи-

ровка и поправка преподавателя в соответствии с конкретной учебной ситуацией;

— Учет преподавателем санитарно-гигиенических норм во время учебного занятия и перегрузки обучающихся.

Последнее условие является важным критерием в повышении эффективности учебного процесса.

Подготовка и проведение деловой (ролевой) игры включает несколько основных этапов: определение ядра, основы игры (формирование конкретной юридической ситуации); отработка конкретики юридической ситуации; указание нормативно-правовой базы для разрешения спора; распределение ролей между участниками; составление юридических документов в обоснование позиций сторон спора; сбор материалов судебного дела; действия участников; анализ и подведение итогов.

Важным элементом педагогического воздействия на обучающихся в деловых играх является распределение ролей между участниками. Критериями являются знание преподавателем уровня подготовки и личностных особенностей обучающихся, а также содержание и задачи самого проводимого мероприятия. При этом вполне продуктивно использовать обучающихся в разных ролях. Например, в ходе имитации судебных процессов обучающиеся могут чередовать роли судьи, прокурора, защитника, экспертов, специалистов, представителей государственных органов, профсоюзных или иных общественных организаций и др.

Проведение деловой игры мотивирует обучающихся, поскольку позволяет им понять уровень собственной готовности к профессиональной деятельности, а также сравнить его с сокурсниками.

Учитель при преподавании предмета трудового права с помощью таких методов, как кластер, разбор конкретных ситуаций и дебаты, может повысить эффективность урока. При использовании кластерной методики следует давать такие юридические термины, как правовое регулирование трудовых отношений, рабочее время, время отдыха, оплата труда, трудовая дисциплина, пенсионное обеспечение. Американский психолог Ф. С. Келлер предложил систему личностного обучения в педагогических технологиях.

Специфика плана Ф. С. Келлера заключается в следующем:

— освоение требований предыдущего раздела, направленное на полное усвоение содержания темы, рассматривается как непосредственная предпосылка для перехода к следующему разделу;

— индивидуальная работа студентов в соответствии с их темпом обучения;

— использование лекций только в целях призвания и общего направления студентов;

— использование опубликованных учебников — направляющее представление учебной информации;

— постоянная оценка усвоения учебных тем с помощью привлеченных ученых. [2]

Кейс-стади — одна из образовательных технологий (англ. case — точное положение, множество, stadi — образование). Впервые она была использована в 1870 году в Гарвардской школе права. Педагогический кейс-паспорт является его организационно-методическим сопровождением. Он включает в себя следующие компоненты:

- педагогический конспект;
- методические указания студенту;
- вариант решения кейса преподавателем — специалитом по кейсам;
- образовательные технологии. [3]

Способы представления проблемы на кейс-стади:

1-й способ — проблема излагается преподавателем — специалистом по кейсам.

2-й способ — проблемный случай четко выражен, но один из необходимых элементов проблемного случая не информирован.

3-й способ — конфликт между действующими лицами выражен в тексте абстрактно.

Особое значение здесь имеет использование в качестве источника информации законодательных документов по трудовому праву. [4]

Использование интерактивных методов — это ориентация на совместное творчество студентов, их способность работать над проектом в кооперации, распределять обязанности и осуществлять взаимоконтроль в малых группах. Это направление тесно связано с проектным методом работы, который в наши дни набирает популярность. Совместная работа над проектом сближает и социализирует студентов, помогает им самостоятельно научиться отбору материала, хорошо закрепляет знания, поскольку является практическим видом работы, и знания, примененные на практике, прочнее усваиваются, чем теоретическое объяснение. В сфере использования интерактивных методов работа преподавателя в основном является консультативной, он разрешает слишком сложные для студента вопросы, направляет его исследование, когда оно зашло в тупик, указывает, на какие источники информации обратить внимание.

Следует отметить, что все перечисленные методы не обязательно должны использоваться в чистом виде. Зачастую удобно сочетать их, закрепляя практической работой лекционный материал. Таким образом в нужной мере обучающимся подается теоретическое знание, но и не происходит усталость от абстрактного материала, поскольку он сразу проверяется практикой. Отдельно необходимо упомянуть технические средства обучения. Прошедший и новый учебный годы поставили перед педагогами нетривиальные задачи, выдвинув на первый план дистанционное обучение, и можно сказать, что и педагоги, и студенты оказались не в полной мере готовы к такой работе.

Специфика методической инноватики, на наш взгляд, должна быть связана, прежде всего, с наполнением используемых методов конкретным юридическим материалом и алгоритмом его использования в системе приме-

няемых методов, т.е. учебный материал и используемый для его усвоения метод должны быть взаимообусловленными.

При подготовке будущих судей преподаватель должен исходить из того, что главное в их деятельности в рамках трудового права — рассмотрение и разрешение трудовых споров.

Учитывая специфику этого профиля юридического образования, необходимо постоянно обращаться к судебной практике по трудовым спорам. При этом практика должна быть диаметрально противоположной по своему содержанию, то есть не содержать простые решения. Должен провозглашаться принцип состязательности как основа будущей профессиональной деятельности адвоката.

На наш взгляд, наиболее ярким примером в этом отношении является вопрос о возможности продления срока срочного трудового договора не только со специальными субъектами, но и со всеми работниками.

Ввиду чего акцент на практических занятиях по трудовому праву должен приходиться на следующие моменты:

1. Изучение трудовых процессуальных норм.
2. Постоянный анализ норм гражданского процессуального права.
3. Установление связей между материальными, процессуальными нормами трудового права и нормами гражданского процессуального права.
4. Постоянное изучение судебной практики по трудовым спорам с особым уклоном на рассмотрение трудовых споров в судах апелляционной инстанции.

Отмечается, что в этих учебных заведениях традиционно акцент делается на сугубо правовые вопросы (например в области трудового права). Вместе с тем необходимо учитывать и то, что преподавание предполагает владение определенными педагогическими приемами, которые вырабатываются педагогикой. Их игнорирование неизбежно приводит к более низкому уровню усвоения знаний студентами. Требуется обеспечение оптимального баланса между правовыми знаниями и способом их подачи в форме практических занятий, исходя из того, чтобы не пострадало ни качество получаемых студентом знаний, ни механизм их усвоения. Критерии оценки качества практического занятия по трудовому праву должны базироваться на специфических характеристиках определенной юридической специальности, подготовка к которой осуществляется в рамках структурного подразделения.

Разработка и внедрение интерактивных и инновационных форм и методов обучения, хотя и содержит определенные риски, является чрезвычайно важной составляющей научно-методической и учебно-методической работы преподавателя, так как способствует поддержанию его профессионализма и педагогической компетентности на уровне современных требований. Профессионализация современного преподавателя невозможна без его активного участия в разработке содержания современного образования, внедрения инновационных техно-

логий обучения и воспитания, нахождения в режиме постоянного инновационного поиска в целом.

Применение интерактивных и инновационных форм и методов в образовательном процессе побуждает преподавателя осваивать новые средства обучения, в частности наглядные, технические, компьютерные, пробовать новые формы и виды работы, привлекать других специалистов и студентов к разработке оптимальных средств и инструментов обучения.

Для оказания квалифицированной информационной, научно-методической и педагогико-дидактической помощи преподавателям, готовым к внедрению интерактивных и инновационных форм и методов обучения, целесообразно создать в образовательных организациях юридического профиля и на юридических факультетах специальную научно-методическую структуру, например, центр инновационных методов юридического образования.

Литература:

1. Макаренко, Г.И. Инновационные методы преподавания юридических дисциплин в высшей школе // Современное педагогическое образование. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-metody-prepodavaniya-yuridicheskikh-distiplin-v-vysshey-shkole> (дата обращения: 12.11.2022).
2. Морозов, П.Е. Совершенствование преподавания трудового права в образовательных организациях высшего образования // Lex Russica. 2015. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-prepodavaniya-trudovogo-prava-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 12.11.2022).
3. Морозов, П.Е. Трудовое право и управление персоналом: проблемы преподавания // Образование и право. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovoe-pravo-i-upravlenie-personalom-problemy-prepodavaniya> (дата обращения: 12.11.2022).
4. Олейник, С.С. Подходы к преподаванию юридических дисциплин на современном этапе развития профессионального образования/С.С. Олейник. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 48 (390). — с. 304-306. — URL: <https://moluch.ru/archive/390/86112/> (дата обращения: 12.11.2022).
5. Паршакова, Т.Ю. Активизация познавательной деятельности обучающихся на уроках теоретического обучения профессиональных дисциплин/Т.Ю. Паршакова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 10 (90). — с. 1249-1252. — URL: <https://moluch.ru/archive/90/18607/> (дата обращения: 12.11.2022).

Наказание в уголовном праве и современном уголовном законодательстве: понятие и признаки

Приданников Григорий Борисович, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье раскрывается понятие «наказание» в истории отечественного уголовного законодательства и на современном этапе. Автором анализируются различные подходы, сформированные в научной среде относительно сущности и содержания понятия «наказание». Также исследованию подлежат признаки уголовно-правового института «наказание».

Ключевые слова: законодательство, кара, мера, наказание, принуждение, уголовное право.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что институт наказания наряду с институтом преступления является фундаментальным, на нем базируется в целом уголовное право. В этой связи, огромное практическое значение имеет его детальная и проработанная за-

Необходимо отметить, что критерии оценки качества практического занятия по трудовому праву должны базироваться на специфических характеристиках определенной юридической специальности, подготовка к которой осуществляется в рамках структурного подразделения.

В образовательном процессе с применением интерактивных и инновационных форм и методов обучения предусматривается преобразование не только преподавания как участника педагогической деятельности с использованием всех его средств и механизмов, но и существенно пересматриваются его целевые установки и ценностные ориентации: направленность в будущее; построение нового типа отношений между педагогом и студентом (эти отношения теряют характер принуждения и подчинения и приобретают характер сотворчества, равного взаимодействия, взаиморегуляции, взаимопомощи).

конодательная регламентация, исключающая наличие неразрешенных проблем и пробелов.

В нормах ныне действующего УК РФ уголовно-правовому институту наказания законодателем отведен самостоятельный раздел III «Наказание», в рамках которого

регулируются понятие, цели, виды и назначение наказания.

Законодательная дефиниция понятия «наказание» раскрывается в рамках ст. 43 УК РФ. В отличие от ранее действовавшего УК РСФСР от 27 октября 1960 г., где сущность и содержание исследуемого правового института раскрывалось через кару, в нормах ныне действующего уголовного закона наказание представляет собой «меру государственного принуждения, назначаемую по приговору суда».

Официальная дефиниция понятия «наказание» впервые была раскрыта законодателем в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г., где в ст. 7 сказано, что «наказание — это те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)» [1, с. 245].

Законодательное определение исследуемого уголовно-правового института также было закреплено и в нормах первого уголовного закона советского периода — УК РСФСР 1922 г. Понятие «наказание» в данном кодифицированном акте раскрывалось через его цели. Иной подход был воспринят законодателем в УК РСФСР 1926 г. Вместо понятия «наказания» в УК РСФСР 1926 г. было закреплено понятие «меры социальной защиты». В научной среде данный подход советского законодателя подвергся справедливой критике. Замена термина «наказание» на «меры социальной защиты» было связано с желанием законодателя исключить возмездие, как сущность уголовно-правового института наказания. Однако, данную цель можно было достичь и без замены терминологии в нормах уголовного закона [6, с. 84].

В научной среде советского времени понятие «наказание» также являлось предметом глубоких доктринальных исследований. Однако, большинство представителей научного сообщества рассматривали его содержание через цели. Во многом это было связано с подходом законодателя, представленным в ст. 20 УК РСФСР 1960 г. Так, если в ныне действующем УК РФ ст. 43 именуется «Понятие и цели наказания», то ст. 20 УК РСФСР 1960 г. именовалась только, как «Цели наказания». Соответственно, такой подход законодателя был воспринят и представителями научного сообщества. Понятие «наказание» рассматривалось через следующие цели: кара, исправление, перевоспитание осужденного, общая и частная превенция.

В современной научной среде учеными также уделяется пристальное внимание исследованию понятия «наказания». Анализ доктринальных источников позволил прийти к выводу о многообразии подходов ученых к раскрытию сущности и содержания исследуемого уголовно-правового института. Так, одни авторы разделяют общий подход законодателя к раскрытию понятия «наказание». Другие ученые обращают внимание на недостатки законодательной дефиниции данного понятия. Так, А. А. Палий в рамках диссертационного исследования отмечает, что официальное определение не содержит в себе социальных аспектов термина «наказание». По мнению

ученого «под наказанием следует понимать наиболее жесткую меру воздействия к лицам, совершившим преступление, которая имеет карательный характер и применяется только государством и состоит в лишении или ограничении осужденного его прав и свобод в соответствии с действующим законодательством» [3, с. 24].

В научной среде также выделяются следующие подходы к раскрытию сущности и содержания понятия «наказание»: наиболее строгая мера государственного принуждения; реакция государства на факт совершения преступления; правовое последствие совершенного преступления; кара за совершенное преступление; лишения и ограничения, которые вынужден нести осужденный, совершивший преступление (в том числе, душевная боль, страдания и др.) [2, с. 10].

Значительный вклад в развитие учения об институте наказания внес С. В. Познышев. Ученым разработано авторское определение понятия «наказание», которое не только указывает на правовую природу наказания, как в его законодательной дефиниции, но также и содержит в себе перечень отличительных признаков. По мнению С. В. Познышева «наказание — это «принудительное воздействие на личность, назначаемое законом в качестве невыгодного последствия за совершаемое деяние, соизмеримое с характером этого деяния и виной действующего лица и определяемое судебными органами государственной власти в особо установленном порядке, а в исключительных случаях — главой государства» [4, с. 67].

По результатам анализа вышеуказанного доктринального определения можно выделить следующие признаки понятия «наказание»: законный характер, принудительное воздействие на личность, государственность наказания, личный характер, назначение в интересах государства, неблагоприятное последствие на совершенное преступление.

Уголовное наказание может быть назначено только в установленном законом порядке, что свидетельствует о его законности. Кроме того наказание назначается только судом, что подтверждает его государственность. Также необходимо обратить внимание на то, что наказание назначается не в интересах потерпевшего, а в государственных интересах, в целях обеспечения законности и правопорядка на территории страны.

По своему характеру уголовное наказание является принудительным воздействием, оказываемым в отношении преступника. Наказание всегда персонафицировано, то его назначается в отношении конкретного лица и носит личный характер.

Несмотря на измененный подход законодателя к раскрытию сущности наказания через меру государственного принуждения, а не через кару (как это было в советском уголовном законодательстве), тем не менее, многие ученые выделяют кару в качестве основы правовой природы исследуемого уголовно-правового института. Как отмечает Т. Б. Гнеушева кара является сущностью уголовного наказания, без нее наказание потеряло бы принудительный характер. Лишения и ограничения, возлагаемые на осужденного, делают его наказание карой. Именно кара явля-

ется одним из элементов возмездия, на достижение которого, в целом, направлен исследуемый уголовно-правовой институт [1, с. 246].

Ф.Р. Сундуrow, напротив, критикует подход ученых к признанию кары в качестве сущности наказания. Как отмечает ученый современный законодатель раскрывает понятие «наказание» в более прогрессивной форме, нежели советский законодатель. Признание кары, как основного элемента института наказание, отбросит законодательство и уголовно-правовую науку на несколько столетий назад, когда господствовала данная концепция [5, с. 497]. Безусловно, некоторые признаки кары необходимы, они сохранены в современном уголовном законе. Так, одним из проявлений кары является соразмерность наказания совершенному преступлению. Одним из обязательных признаков наказания является его справедливость, о которой, в частности, свидетельствует его соответствие характеру и тяжести совершенного преступления.

Таким образом, несмотря на наличие в нормах действующего УК РФ законодательной дефиниции понятия «наказания», тем не менее, в научной среде не утихают споры о его сущности и содержании. В зависимости от выбранной концепции учеными формулируются различные авторские дефиниции термина «наказание», включающие перечень его отличительных признаков. По результатам анализа различных подходов, сформированных в научной среде, предложим следующее определение исследуемого понятия, которое, на наш взгляд, наиболее точно и полно раскрывает правовую природу и признаки уголовного наказания: предусмотренная уголовным законом мера государственного принуждения, назначаемая приговором суда и выносимая от имени государства человеку, признанному виновным в совершении преступления, и заключающаяся в лишении или ограничении прав и свобод осужденного по обвинительному приговору суда и влекущая судимость.

Литература:

1. Гнеушева, Т.Б. Понятие и правовая природа наказания/Т.Б. Гнеушева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. - № 2 (2). — с. 245-249.
2. Дворянсков, И. В. Институт наказания в перспективе развития уголовной политики России/И. В. Дворянсков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2020. - № 9. — с. 10-17.
3. Палий, А. А. Сущность и цели наказания в российском уголовном праве и средства его достижения: дис.... канд. юрид. наук/А. А. Палий. — Ростов-на-Дону, 2001. — 216 с.
4. Познышев, С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания: монография. - М.: Лань, 2013. - 180 с.
5. Сундуrow, Ф. Р. Природа и проблемы систематизации мер в уголовном праве/Ф. Р. Сундуrow // Ученые записки Казанского университета. — 2019. - № 2. — с. 497-506.
6. Шеслер, А. В. Почему уголовное наказание должно быть карой/А. В. Шеслер // Вестник Кузбасского института. — 2019. - № 1 (38). — с. 84-97.

Банкротство наследственной массы

Приходько Дина Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Боер Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования, не позволяющие эффективно использовать банкротство наследственной массы и ставит перед правоприменителем больше вопросов, чем дает ответов. Автором изучаются нормы о банкротстве наследственной массы и наследовании. Анализируется закон о банкротстве, гражданское законодательство, закон о нотариате и судебная практика его применения.

Ключевые слова: наследственная масса, банкротство, конкурсная масса, наследник, наследодатель, наследственные правоотношения, кредиторы.

Bankruptcy of the hereditary mass

Prikhodko Dina Anatolyevna, student master's degree

Scientific adviser: Boyer Anna Aleksandrovna, candidate of legal sciences, associate professor
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article deals with the problems of legal regulation that do not allow the effective use of bankruptcy of the hereditary mass and poses more questions to the law enforcement officer than it gives answers. The author studies the rules on bankruptcy of the hereditary

mass and inheritance. The article analyzes the law on bankruptcy, civil legislation, the law on notary and judicial practice of its application.

Keywords: hereditary estate, bankruptcy, bankruptcy estate, heir, testator, hereditary legal relations, creditors.

Современное отечественное законодательство исходит из того, что наследство (наследственная масса) считается перешедшим к наследникам от умершего (наследодателя), но лишь при принятии ими наследства. Все изменения, происходящие в составе наследства, не существенны, поскольку считаются изменениями имущества самих наследников. Статьей 1112 ГК РФ предусмотрено, что в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Новеллой российского гражданского законодательства в 2015 года стало введение в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон) ст. 223.1, регуливающей процедуру банкротства гражданина в случае его смерти или объявления его умершим. Банкротство наследственной массы основано на принципе сепарации, пришедшем из римского частного права, согласно которому имущество умершего обособляется от имущества наследников, предъявлять права на которое кредиторы умершего наследодателя-банкрота не имеют права. Это и является ключевой характеристикой банкротства наследственной массы, которая предопределяет специфику регулирования данного института в целом.

Целью института банкротства наследственной массы является справедливое удовлетворение интересов кредиторов с использованием специальных процедур за счет имущества умершего лица.

«При наследовании имущество наследодателя переходит к его наследникам как единое целое в один момент в соответствии с общим правилом об универсальности наследственного правопреемства» [10].

Согласно п. 1 ст. 1175 ГК РФ наследник, который принимает наследство, отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего наследства. Таким образом, при отсутствии наследственного имущества ответственность наследников по долгам наследодателя исключается. Однако при наличии имущества наследники, принявшие наследство, должны отвечать по требованиям кредиторов.

Согласно Закону 2002 года, банкротство наследственной массы обозначено как специальный случай банкротства гражданина, но данный процесс наследодателя не касается, а объявленной в положении банкротства должна быть сама наследственная масса. Основным условием возбуждения дела о банкротстве гражданина согласно п. 2 ст. 213.6 Закона 2002 года является доказанная неплатежеспособность гражданина.

А в Законе 2015 № 154-ФЗ был включен параграф, который регулирует особенности банкротства умершего (объявленного умершим) гражданина. В соответствии

со ст. 25 ГК РФ гражданин, который не может исполнять обязательства по кредитным договорам и платить обязательные платежи, может быть признан банкротом по решению арбитражного суда.

«Закрепление механизма банкротства физических лиц обсуждалось на протяжении десяти лет и вызывало множество споров между юристами, экспертами, законодателями, работниками банковского сектора, при этом многие подчеркивали, что рыночная экономика не может эффективно функционировать без института банкротства граждан» [9].

По своей правовой природе банкротство умершего гражданина является банкротством наследственной массы. В ст. 223.1 Закона регламентировано правило, согласно которому смерть лица не является основанием для прекращения дела о банкротстве физического лица. Как отмечают специалисты, данная статья призвана урегулировать ситуацию, когда дело о банкротстве было возбуждено при жизни гражданина, именно эту направленность ст. 223.1 Закона отметил ВС РФ в Постановлении Пленума от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

«Первый этап процедуры банкротства наследственной массы начинается с подачи заявления в арбитражный суд. К заявлению должны прилагаться соответствующие документы: свидетельство о смерти, решение суда, копия наследственного дела» [12].

Наследники принимают участие в рассмотрении дела о банкротстве наследодателя как заинтересованные лица, должниками они при этом не являются. Если же дело о банкротстве гражданина было возбуждено до его смерти или сразу после его смерти, то наследование не открывается в силу отсутствия наследственного имущества.

Банкротство наследственной массы прекращает наследование, в соответствии со ст. 223.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» права и обязанности гражданина в деле о его банкротстве в случае смерти гражданина (объявления его умершим) по истечении срока, установленного законодательством для принятия наследства, осуществляют принявшие наследство наследники гражданина. В таких случаях нотариус должен представить по запросу суда копию наследственного дела лицам, участвующим в деле о банкротстве гражданина.

Таким образом, Закон устанавливает процессуальное правопреемство в тех правоотношениях, в которых с позиции законодательства о наследовании правопреемство недопустимо. Кроме того, возникает вопрос, может ли суд или участники производства о банкротстве отменять принятие наследниками наследства и прекращать возникшее

у наследников в соответствии со ст. 1164 ГК РФ право собственности на наследственное имущество.

Для реализации имущества с торгов с целью удовлетворить требование кредиторов имущество предварительно нужно сформировать в конкурсную массу, а для этого наследников необходимо лишить права собственности на него. В соответствии с действующим законодательством сделать это невозможно, так как ни ГК РФ, ни Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не предоставляют подобного права ни суду, ни кредиторам. В данной ситуации, в таких случаях следует прекратить дело о банкротстве в связи с отсутствием имущества, которое подлежит реализации.

«Когда наследство может составить конкурсную массу, если наследники не приняли наследство в установленный срок или отказались от наследства, в этом случае наследственное имущество не становится выморочным, а включается в конкурсную массу» [11, с. 185-192]. Но поскольку нет наследников, принявших наследство, то они не могут привлекаться к участию в деле о банкротстве умершего гражданина.

Главная задача института банкротства наследственной массы заключается в сепарации имущества наследодателя с целью удовлетворить требования кредиторов, цель сепарации при процедуре банкротства заключается в обособлении наследственного имущества от имущества наследников. «Имущество наследников, которое принадлежало им до момента вступления в права наследования, не может быть включено в общую конкурсную массу и реализовано на торгах. Некоторые эксперты процесс банкротства наследственной массы называли персонализацией, когда наиболее целесообразным способом удовлетворения требований кредиторов является конкурсный процесс» [13].

При выдаче свидетельства о праве на наследство нотариусы просят предоставить документы об имуществе наследодателя, данный перечень может быть включен в свидетельство о праве на наследство, но даже при наличии перечня имущества в свидетельстве о праве на наследство нельзя гарантировать, что нотариус учел все имущество, некоторое имущество может быть не учтено, в таких случаях нотариус выдает дополнительное свидетельство о праве на наследство.

Гражданское законодательство не содержит правил оценки наследственного имущества, некоторые разъяснения по этому поводу содержатся в Постановлении Пленума ВС РФ от 29 мая 2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», согласно которому ответственность наследника по долгам наследодателя ограничивается рыночной стоимостью перешедшего к нему наследственного имущества. Оценивается имущество на момент открытия наследства, изменения стоимости имущества не учитываются, даже если судебное разбирательство происходит на протяжении нескольких лет. Согласно подп. 6 п. 1 ст. 333.25 Налогового кодекса Российской Федерации

оценка стоимости наследственного имущества производится также на день открытия наследства.

При процедуре банкротства наследственной массы возможно проведение единственной процедуры — реализации наследственного имущества с целью удовлетворения требований кредиторов. Нотариус передает финансовому управляющему информацию о наследственном имуществе, ставшую ему известной в связи с исполнением своих полномочий, кроме того, нотариус, как указано в ст. 223.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», заявляет в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве гражданина, ходатайство о переходе к реализации имущества, если в деле о банкротстве гражданина применяется реструктуризация долгов.

В состав реализуемого имущества при банкротстве наследственной массы должно быть включено все имущество наследодателя на момент смерти, включая недвижимость, которая являлась единственным жильем наследодателя. Но есть исключение из данного правила, например, единственное жилье наследодателя не может быть реализовано для удовлетворения требований кредиторов, если наследник (наследники) имеет обязательную долю в наследственной недвижимости либо если наследник принял наследство и недвижимость стала его единственным жильем и др. Таким образом, круг наследников, которые проживают в жилом помещении, являющемся для них единственным жильем, зависит от принятия наследства: если наследство принято, а среди наследников нет наследника, имеющего право на обязательную долю, имущество должно быть включено в конкурсную массу, но данный вывод противоречит п. 3 ст. 213.25 Закона, в соответствии с которой из конкурсной массы должно быть исключено имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии со ст. 446 ГПК РФ.

Из выше сказанного следует, что если наследники проживают в жилом помещении наследодателя и оно является для них единственным жильем, то даже при банкротстве наследственной массы выселить наследников из него нельзя и включать его в конкурсную массу не следует.

Важнейшим фактором, связанным с получением информации об открывшемся в отношении должника наследстве, является необходимость правового обеспечения взаимоотношений финансового управляющего и нотариата.

Вопросы включения имущества, составляющего наследственную массу, в конкурсную массу при банкротстве гражданина еще не до конца урегулированы действующим законодательством. В настоящее время не хватает прямых норм, позволяющих финансовому управляющему принимать наследство за должника-гражданина с целью включения наследственного имущества в конкурсную массу для удовлетворения требований кредиторов, а также положений, устанавливающих негативные последствия для должника-гражданина, скрывшего информацию об открытии в отношении себя наследства.

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1 (ред. от 14.07.2022 с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022) // Российская газета, № 49, 13.03.1993.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета, № 233, 28.11.2001.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета, № 220, 20.11.2002.
6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 28.06.2022, с изм. от 21.07.2022) // Российская газета, № 209-210, 02.11.2002.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета, № 127, 06.06.2012.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Российская газета, № 235, 19.10.2015.
9. Гаврилов, В.Н. Ответственность наследников по российскому и зарубежному законодательству // Наследственное право. 2010. № 3. с. 23-31.
10. Казанцева, А.Е. О соответствии положений о банкротстве умершего гражданина гражданскому законодательству // Нотариус. 2016. № 3. с. 99.
11. Комиссарова, Е.Г., Пермяков А.В. Эволюция кредиторских прав в отношениях с наследниками, принявшими наследство // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. N 2. с. 185-192. Наследственное право/М.С. Абраменков, П.В. Чугунов; отв. ред. В.А. Белов. М.: Юрайт, 2015. с. 144.
12. Наследственное право/М.С. Абраменков, П.В. Чугунов; отв. ред. В.А. Белов. М.: Юрайт, 2015. с. 144.
13. Останина, Е.А. Банкротство наследственной массы: пробелы гражданского законодательства и возможности их восполнения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 12. с. 74-81.
14. Петров, Е.Ю. Ответственность наследника по долгам наследства // Актуальные вопросы наследственного права: Сборник/Ю.Б. Гонгало, П.В. Крашенинников, И.Б. Миронов и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016. с. 88.
15. Якупов, А.Г. Принцип процессуальной добросовестности в российском праве // Инновационные технологии в образовании и науке: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 10.09.2017)/Редкол. О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. с. 414-416.

Реализация осужденными к лишению свободы права на принятие наследства

Радыш Анастасия Александровна, студент;

Фаталиева Гюльзада Умметовна, студент

Научный руководитель: Иванова Наталия Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Данная статья посвящена реализации права на наследство для лиц, которые приговорены к лишению свободы. Право на наследство гарантируется Конституцией РФ для всех в равной мере. Специфика статьи заключается в том, что осужденные к лишению свободы имеют ряд проблем при вступлении на право наследования, поскольку некоторые их действия ограничены законодательством. Поэтому возникает необходимость проанализировать современное законодательство и выдвинуть решение проблемы.

Ключевые слова: право на наследство, осужденные к лишению свободы, ГК РФ, УИК РФ, судебная практика.

Реализовывать свои права, связанные с наследством, может каждый гражданин, об этом сказано в Конституции РФ. Ввиду этого возникает вопрос, каким образом реализуется данное право для особых лиц и какие

могут возникнуть трудности. Для изучения данного вопроса взяты права осужденных, поскольку права осужденных и их реализация всегда являлось актуальной темой. Согласно ст. 10 УИК РФ при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан РФ с изъятиями и ограничениями. Из этого следует, что права осужденных остаются за ними закреплёнными в том числе право на получение и передачу наследства, но это не отменяет того факта, что при процедуре реализации данных прав возникает ряд сложностей на практике.

Так, обращаясь к обзору информации ФСИН за 1 квартал 2021 года в исправительных учреждениях взрослых осужденных содержится 370102 человека, которые в свою очередь, несмотря на своё правовое положение являются участниками гражданского оборота [1]. Согласно ст. 1116 ГК РФ к наследованию как по закону, так и по завещанию могут призываться граждане, в том числе и осужденные. Сложность заключается в том, что осужденный должен пройти процедуру принятия наследства, так как согласно ст. 1152 ГК РФ наследник должен принять наследство. В течении шести месяцев осужденному необходимо выяснить, оставлено ли завещание или необходимо вступить в наследство в порядке очерёдности, а в дальнейшем обратиться в нотариус. Очень часто на практике возникает проблема с пропуском сроков, поскольку осужденного намеренно могут не оповещать о смерти родственника, в связи с чем он пропускает право наследовать имущество [2].

Например, согласно решению Савеловского районного суда, г. Москвы от 25 мая 2018 года, истец обратился в суд о восстановлении срока принятия наследства. Свои требования истец обосновал тем, что на момент смерти бабушки являлся несовершеннолетним, а затем оказался в местах лишения свободы и у него не было паспорта. О смерти бабушки узнал только в 2017 году, после чего обратился в нотариус, где ему отказали в принятии наследства из-за пропуска срока. Суд внимая разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» посчитал причины истца уважительными и удовлетворил иск о восстановлении срока. Из этого вытекает другая проблема, что не у всех осужденных есть возможность выезжать из места заключения для реализации своих прав [3]. Согласно ст. 97 УИК РФ, осужденным предоставляется возможность на краткосрочный или длительный выезд. При этом разрешение на выезд за пределы исправительного учреждения дается начальником исправительного учреждения с учетом характера и тяжести совершенного преступления, отбытого срока, личности и поведения осужденного. Из чего можно сделать вывод, что не всегда предоставляется возможность покинуть исправительное

учреждение, что во многом затрудняет принятие наследства самим осужденным.

Осужденному необходимо обратиться к представителю, но и здесь возникает ряд сложностей, поскольку в п. 1 абз. 2 ст. 1153 ГК РФ сказано, если заявление наследника передается нотариусу другим лицом или пересылается по почте, то подпись наследника на таком заявлении должна быть засвидетельствована в установленном законом порядке: нотариусом или должностным лицом, уполномоченным совершать нотариальные действия. Начальник исправительного учреждения не относится к лицам, которые имеют право удостоверить данное действие. Альтернативой в данном вопросе может стать вызов нотариуса по месту нахождения лица, но в силу ст. 22 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» в таком случае транспорт и услуги нотариуса должны быть оплачены осужденным. На наш взгляд — это затруднительно для лиц, отбывающих наказание, поскольку у данных лиц низкая платёжеспособность [4]. Из этого следует, что процедура принятия наследства для лиц, отбывающих наказание, затруднена, а иногда и невозможна, что напрямую нарушает права граждан на наследование имущества.

В силу Постановления Пленума №9 «О судебной практике по делам о наследовании» предоставляется возможность лицу принять наследство самостоятельно, так и другими лицами. В связи с этим лицо может оформить доверенность на другого лица и согласно ст. 185.1 ГК РФ у начальника исправительного учреждения есть право заверять доверенности от лиц, содержащихся под стражей во вверенном ему учреждении. Доверительный документ, составленный в СИЗО, приравнивается к нотариально заверенному. Поэтому данный документ будет считаться действительным, при этом у осужденного есть право в любой момент отменить доверенность, но уже в нотариальном порядке, поскольку начальник исправительного учреждения наделён только удостоверить её, что опять же может вызвать трудности [5].

Для решения подобного рода проблемы целесообразно наделить начальника исправительного учреждения полномочиями, которые бы расширили бы возможность заключенных при реализации своих прав на вступление в наследство. Нахождение в местах лишения свободы не ограничивает осужденных в осуществлении их прав на наследование. При этом определенные сложности в процессе принятия наследства у осужденных могут возникнуть, в связи с этим необходимо совершенствовать нормы, регламентирующие данный процесс.

Подводя итог, можно сказать, что реализация права на принятие наследства для лиц, осужденных к лишению свободы является затруднительной. В целях реализации данного права необходимо принять ряд изменений в законодательстве, которые бы гарантировали право на принятие наследства для всех лиц в равной мере.

Литература:

1. ФСИН. Обзор информации ФСИН России за 1 квартал 2021 года // [Электронный ресурс] // <https://fsin.gov.ru/statistics/obzor-informatsii-fsin-rossii-za-i-kvartal-2021-goda/> (Дата обращения 07.11.202).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. № 233. 28.11.2001 г.
3. Судебная практика. Как не опоздать наследнику, который находится в местах лишения свободы // [Электронный ресурс] // <https://kmcon.ru/articles/jurist2/kak-ne-opozdat-nasledniku-kotoryj-nahoditsya-v-mestah-lisheniya-svobody.html> (Дата обращения 07.11.202).
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2022) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 11 марта 1993 г. N 10. ст. 357.
5. Белова, С. Н. Реализация осужденным к лишению свободы права на принятие наследства // Проблемы в Российском законодательстве. № 4. 2017 г. ст. 111-112.

Юридическая ответственность как способ обеспечения требований земельного законодательства в сфере охраны земель

Рогачева Валерия Николаевна, студент;

Кожич Ирина Сергеевна, студент

Научный руководитель: Чмыхало Елена Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

Проблемы охраны земли не перестают быть актуальны, поскольку земля является одним из важнейших природных объектов и природных ресурсов, являющейся основой жизнедеятельности человека. Охрана земли преследует цель предотвращения загрязнения, деградации, захламления, нарушения земель, обеспечение улучшения земель и др., что определяется в п. 2 ст. 12 Земельного кодекса Российской Федерации [1] (далее ЗК РФ). За несоблюдение требований охраны земель существует юридическая ответственность, которая подразделяется на несколько видов: уголовная, административная, дисциплинарная, гражданско-правовая, земельно-правовая. Юридическая ответственность влияет на формирования правосознания граждан, предупреждая о наказании за совершение противоправного деяния.

Как показывает статистика на 01.01.2022 год к административной ответственности за нарушения земельного законодательства было привлечено 2980 юридических лиц, 35666 граждан и 2044 должностных лиц, об этом гласит отчет Росреестра о государственном земельном надзоре [2]. Из этого можно сделать вывод, что чаще всего совершаются административные правонарушения. Составы правонарушений, за которые предусмотрены административные санкции, определены в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее — КоАП РФ). Например, невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв, а также использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению зе-

мель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению и многое другое (ст. 8.8 КоАП, ст. 8.7 КоАП). Юридическая ответственность обеспечивает эффективное функционирование всей системы права, в том числе и земельного, так как у государства возникает право привлекать виновного к ответственности за совершенное правонарушение.

Нередко виновные лица привлекаются к ответственности за порчу земли. Под порчей земли понимается отравление, загрязнение и иная порча земель вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности, использование которых влечёт причинение вреда здоровью человека или окружающей среде. Ввиду новых штрафов, например, за мытьё машин на земельном участке возникает и определённого рода сложность в доказывании вреда. Поскольку напрямую наказание за мытьё машин не прописано в законодательстве, и судебная практика по данному вопросу ничего не говорит, так как возникает и сложность в доказывании вреда. На поверхности машины скапливается грязь, которая состоит из продуктов нефтепереработки, вредных химических элементов, изопропилового спирта, копоти, пыли от шин, которые могут навредить окружающей среде, почве, людям. Обращаясь к ФЗ от 30.03.1999 № 52 (ред. от 04.11.2022) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [4] согласно которому почвы городских и сельских поселений, промышленных площадок должно отвечать санитарным правилам, то есть компоненты, вредящие людям и окружающей среде не должны превышать предельной концентрации. Вредные компоненты предусмотрены в Рас-

поряжение Правительства РФ от 08.07.2015 N 1316-р (ред. от 10.05.2019) «Об утверждении перечня загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры государственного регулирования в области охраны окружающей среды» [5] и опираясь на данный перечень, можно сделать вывод, что компоненты выделяемые при мытье машины в землю несомненно наносят ей вред. Сложность заключается в том, что большинство не акцентирует на этом внимание, так как для выяснения причинённого ущерба земли необходимо проводить экспертизы. В случае доказывания вины граждан следует привлекать по ст. 6.3 КоАП «нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения».

Штраф за мытьё машины прямо предусмотрен в некоторых субъектах РФ. Например, в Законе г. Москвы от 21.11.2007 N 45 (ред. от 08.06.2022) «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» (с изм. и доп., вступающими в силу с 27.06.2022) ст. 8.8 согласно которой загрязнение территории города Москвы, связанное с эксплуатацией и ремонтом транспортных средств, мойка транспортных средств вне специально отведенных мест и др., влечет предупреждение или наложение административного штрафа. Размер штрафа будет составлять от 1 до 3 тысяч на граждан и от 5 до 10 тысяч для должностных лиц [6]. Предусмотренный Закон в данном субъекте способствует охране земель, поскольку за это пред-

усмотрена юридическая ответственность. В данном случае не придётся проводить экспертные работы для доказывания вреда нанесённого почве, так как санкция уже предусмотрена.

Анализируя земельное законодательство, можно сделать вывод, что действующее законодательство за правонарушения в области охраны и использовании земель является недостаточным и требует доработок. Связано это с тем, что федеральных законах не предусмотрена места, в которых запрещено мыть машину. КоАП ограничивает только мойку у водоемов и в лесах, а остальные места перечислены в региональных кодексах. В целях обеспечения сохранности земель, можно предложить ввести ответственность за мытьё машины в неположенных местах во всех субъектах РФ на примере московского КоАП. Также в целях предотвращения последствий гражданам, которые моют машины на своих участках необходимо установить канализационные стоки с фильтрами и следить, чтобы вода не вытекала за территорию — это будет прямым нарушением закона.

Несомненно, охрана пользования земель является актуальной темой, так как земля основной ресурс РФ и развитие исследуемого института остаётся важной задачей в контексте развития правовой системы РФ в целом [7]. Институт юридической ответственности является гарантом сохранности и правового использования земли.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ..2001. N 44. Ст. 4147.
2. Отчет о государственном земельном надзоре по состоянию на 01.01.2022 // [Электронный ресурс] // <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvenny-nadzor/gosudarstvennyy-zemelnyy-kontrol-nadzor/statistika/> (Дата обращения 08.10.202).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002, N 1 (часть I). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 30.03.1999 N 52-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства РФ. 05.04.1999. N 14. ст. 1650
5. Распоряжение Правительства РФ от 08.07.2015 N 1316-р (ред. от 10.05.2019) «Об утверждении перечня загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры государственного регулирования в области охраны окружающей среды» // Собрание законодательства РФ от 20 июля 2015 года. № 209 (ч. 2). ст. 4524.
6. Закон, г. Москвы от 21.11.2007 N 45 (ред. от 08.06.2022) «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» (с изм. и доп., вступающими в силу с 27.06.2022) //опубликованы на официальном сайте Московской городской Думы // [Электронный ресурс] // <http://www.duma.mos.ru> — 16.06.2022 Дата обращения (14.11.2022)
7. Пиров, К.Р. Институт юридической ответственности в земельном законодательстве Российской Федерации // Молодой ученый. — 2020. — № 7 (297). — с. 121-124.

Двойственность правовой природы ответственности государственных гражданских служащих и иные аспекты

Савина Юлия Николаевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Темой данной статьи является привлечение государственного гражданского служащего к ответственности за нарушение законодательства, регламентирующего порядок рассмотрения обращений граждан.

Данная тема является актуальной, поскольку порядок рассмотрения обращений граждан является одной из ключевых гарантий реализации конституционных прав граждан, а соответственно одной из гарантий поддержания публичного порядка. Исходя из этого задачей административного права является обеспечение соблюдения данного порядка. Для чего и используется инструмент в виде административной ответственности.

В настоящей статье данный вопрос будет всесторонне рассмотрен с точки зрения действующего законодательства и юридической теории.

Если говорить о законодательном регулировании данного вопроса, то можно выделить несколько ключевых аспектов.

Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» содержит лишь косвенное упоминание данного вопроса в статье 15 [1]. В этой статье содержится бланкетная норма, содержание которой говорит об ответственности за нарушение закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», установленной другими Федеральными законами Российской Федерации. В данном случае важно отметить, что специальный закон устанавливает возможность применения мер государственного принуждения в качестве наказания за нарушение установленного им порядка. При этом специальный закон не устанавливает конкретную меру и даже вид государственного воздействия на государственного гражданского служащего, допустившего нарушение порядка рассмотрения обращений граждан Российской Федерации. Вопрос определения вида и меры наказания специальный закон оставляет в области регулирования иных законодательных актов, которые, на мой взгляд, целесообразно рассмотреть далее.

Для более детального рассмотрения данного вопроса необходимо обратиться к законодательству Российской Федерации, непосредственно регулиющему административную ответственность за правонарушения. Примером такого законодательного акта, безусловно, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2], поскольку именно данный кодекс устанавливает основные начала привлечения к административной ответственности, специальные нормы о привлечении к административной ответственности государственных служащих. Также этот кодекс устанавливает

перечень конкретных юридических составов, за которые лицо привлекается к административной ответственности.

Применительно к теме настоящей статьи данный кодекс содержит в своей особенной части статью 5.59 «Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан» [2]. Указанная статья предусматривает административную ответственность за нарушение установленного законодательством Российской Федерации порядка рассмотрения обращений граждан, как например, нарушение сроков рассмотрения обращения, отсутствие ответа заявителю, направление ответа не уполномоченному на его получение лицу и иные подобные нарушения. Также в данной статье содержится бланкетная отсылка к Федеральному Закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Таким образом, исходя из данного факта, я могу сделать вывод о том, что, данные нормативные акты связаны между собой. Закон, регулирующий порядок рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации, устанавливает факт противоправности нарушения данного порядка, оставляя определение меры ответственности за такое нарушение в пределах сферы действия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

На основании вышеизложенного, я могу утверждать, что нарушение порядка рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации государственным гражданским служащим является административным правонарушением и соответственно влечёт применение мер административной ответственности.

Если же говорить о теоретическом аспекте данной проблемы, то тема административной ответственности государственных гражданских служащих раскрывается в ряде исследовательских работ по административному праву.

Так, например данная тема затрагивается в научной работе Медведева П. С. и Ратаева Д. П. [3]. В данном исследовании выражается позиция, согласно которой совершение государственным гражданским служащим административного правонарушения в рамках профессиональной деятельности, обладает двойственной правовой природой, являясь, по своей сути, одновременно административным и дисциплинарным правонарушением.

В работе Старилова Ю. Н. [4] говорится о том, что совершение подобного правонарушения должно вести к параллельному применению двух видов ответственности, а именно административной и дисциплинарной.

Данный подход имеет право на существование, так как данный вид правонарушения действительно можно считать, одновременно и дисциплинарным проступком,

поскольку в должностные обязанности государственного гражданского служащего входит в том числе и рассмотрение обращений граждан с соблюдением установленного законом порядка данного рассмотрения.

Так, например, такая обязанность установлена в пункте 2 статьи 15 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», исходя из чего можно сделать вывод о том, что, нарушение законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан действительно обладает двойственной правовой природой, являясь одновременно административным и дисциплинарным правонарушением и соответственно должно влечь за собой применение двух видов ответственности, как административной, так и дисциплинарной.

Также в пользу теории о возможности применения двух видов ответственности говорит особая юридическая и социальная значимость правоотношений, связанных с рассмотрением обращений граждан. Эта значимость обусловлена тем, что право на обращение в органы государственной власти и в государственные органы, как федерального уровня, так и уровня субъекта, является одним из фундаментальных конституционных прав гражданина Российской Федерации. Из высокой значимости данного порядка, на мой взгляд, следует, что применение к нарушителю двух видов ответственности в наибольшей степени способствует эффективной защите прав граждан.

С другой стороны, возникает вопрос о соответствии такого решения общеправовому принципу справедливости, в силу которого, как правило, не одобряется наказание за одно правонарушение дважды, но на мой взгляд в данном случае подобная аргументация не применима, поскольку административная и дисциплинарная ответственности очевидно имеют разную правовую природу, относятся к принципиально разным отраслям права и направлены на решение разных юридических задач.

Административная ответственность направлена на пресечение деяний, наносящих вред обществу. Дисциплинарная же ответственность налагается за нарушение правил внутреннего трудового распорядка и иных актов,

устанавливающих трудовые обязанности работника и государственного гражданского служащего, в частности. Таким образом, в данном случае речь идёт не об одном правонарушении, а о двух разнородных правонарушениях, материально воплощённых в одном деянии. Данная позиция также подтверждается тем фактом, что отрасль трудового права, которая регулирует дисциплинарную ответственность, относится к праву частному, в то время как право административных правонарушений является отраслью публичного права, что подтверждает разнородность административной и дисциплинарной ответственностей в целом и применительно к государственным гражданским служащим, в частности.

Резюмируя написанное выше, можно сделать следующие выводы.

Соблюдение порядка рассмотрения обращений граждан является одной из фундаментальных основ правовой защиты личности, из чего следует необходимость особо тщательного юридического регулирования и применения мер государственного принуждения за нарушение данного порядка. Именно поэтому законодательство о порядке оказания государственных услуг содержит указание на возможность применения мер ответственности, а законодательство об административных правонарушениях устанавливает конкретные вид и меру ответственности.

Также я могу утверждать, что нарушение законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан является по своей сути административным правонарушением. Это находит отражение в соответствующем законодательстве. Но в то же время данный вид правонарушения обладает сложной правовой природой. Так в юридической науке существует мысль о возможности применения в этой и подобных ситуациях норм о дисциплинарной ответственности, наряду с нормами об ответственности административной. Данная мысль действительно обоснована и имеет право на существование.

В заключение я могу сказать, что данный правовой институт является сложным и неоднозначным, но при этом безусловно важен для обеспечения прав граждан и публичного порядка.

Литература:

1. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 N 59-ФЗ.
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195 ФЗ (ред. от 04.11.2022)
3. Медведев, П. С., Ратаев Д. П. Административная ответственность государственных служащих// Вопросы рос. И междунар. права. 2017. Т. 7. N 5А. с. 540
4. Стариков, Ю. Н. Курс общего административного права: В 3-х т. Т. 2. М., 2002. с. 540.

Проблематика развития электронного правосудия на примере системы мировых судов

Сафиуллина Саида Ленаровна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье автор раскрывает один из проблемных аспектов развития электронного правосудия в РФ на примере мировых судов.

Ключевые слова: электронное правосудие, мировой суд, видео-конференц-связь.

Аксиоматично, что любая система, в том числе система электронного правосудия имеет проблемы в реализации. Обуславливается это различными факторами. В случае с электронным правосудием, конечно, можно с одной стороны говорить о том, что данная сфера является относительно новой для судебной системы России, далеко не всегда есть возможность обеспечить стопроцентный охват данного правосудия — речь идет, например, об абсолютно неинформативной системе электронного правосудия в мировых судах (за исключением мировых судов г. Москвы, где создана единая удобная система), также об ограниченных возможностях видео-конференц-связи в отдаленных уголках России, где часто либо отсутствует возможность хорошего проведения видео-конференц-связи либо ограниченной возможности, при которой имеется оборудованный зал судебного заседания, но его занимают, например, разбирательства по уголовным делам, а на гражданские дела фактически не остается времени.

В случае с электронным правосудием в России следует отметить то, что большую роль в нивелировании имеющихся организационных и прочих проблем является совершенствование правовой основы электронного правосудия. Рассматривая в общем цивилистический процесс, следует отметить и то, что электронное правосудие в арбитражном процессе и в гражданском процессе имеет свои процедурные особенности, соответствующую специфичную проблематику. Несмотря на то, что в арбитражном процессе электронное правосудие более развито, нежели в гражданском процессе, проблемы электронного правосудия детерминированы различными обстоятельствами.

Одной из существенных практических проблем в электронном правосудии в судах общей юрисдикции является отсутствие единой электронной системы мировых судов. Да, имеются сайты судов, например, в Республике Татарстан функционирует общая система мировых судов.

Но проблема в том, что каждый регион создавая свою систему, имеет различную заинтересованность, финансовую и организационную возможность, в связи с чем не всегда обеспечивается надлежащая информированность. Даже на сайтах мировых судов РТ зачастую ин-

формация не обновляется, в отличие, например, от районных судов общей юрисдикции.

Кроме того, мировые суды не подключены к системе ГАС «Правосудие», что снижает эффективность документооборота. На практике, при рассмотрении дел в мировых судах допускается отправлять заявления, ходатайства по электронной почте суда. Вместе с тем, можно отметить, что данный способ является не до конца урегулированным, полуполитимным. В случае, если сторона спора направит имеющее значение для дела ходатайство и заявление по электронной почте, а суд его не примет, дальнейшее оспаривание будет проблематично.

Не предусмотрен четкий порядок подачи подобных ходатайств в электронной форме, не предусмотрен обязательный перечень документов, который необходимо прикладывать к жалобе. Кроме того, сложно даже идентифицировать сторону процесса по электронной почте — наименование почты может не совпадать с ФИО заявителя и понять, что документ отправлен уполномоченным лицом не представляется возможным. Представляется, что одним из направлений совершенствования электронного правосудия может стать создание единой системы мировых судов.

Подобным образом будет обеспечиваться большой охват электронного правосудия, и, соответственно, доступности правосудия для больших слоев населения.

Кроме единой электронной системы судов необходимо обеспечить возможность участия сторон в судебных заседаниях посредством участия с использованием видео-конференц-связи

На практике возникают ситуации, особенно это характерно для дел в категории защиты прав потребителей, при которых истец — потребитель может подавать исковое заявление по месту регистрации. А ответчик — лицо, занимающееся предпринимательской деятельностью в большинстве случаев не имеет возможности участвовать в судебных заседаниях посредством видео-конференц-связи. При этом возникает ситуация при которой, например, потребитель услуг прописан в глубинке России, а предприниматель зарегистрирован, например, в Москве, Казани.

Само по себе право потребителя подавать исковое заявление по месту регистрации не может быть рассмо-

тreno как норму, нарушающей права и законные интересы исполнителя, оказавшего спорную услугу. Подобным образом законодатель балансирует между различными по своему правовому статусу и возможностям сторонам спора, при котором потребитель является слабой стороной спора. Вместе с тем, эта возможность не должна лишать права участвовать в процессе исполнителя. С учетом масштабов страны, на практике часты случаи, когда исполнитель зарегистрирован и оказывает услуги в большом городе, а потребитель прописан в маленьком городе в нескольких тысячах километрах от исполнителя. При данной ситуации предприниматель не имеет экономической целесообразности участвовать в суде лично. В случае, если сумма иска не превышает 100000 рублей по делам о защите прав потребителей, исковое заявление рассматривается в мировом суде. Декларативно, у сторон есть право участвовать на судебном заседании с исполь-

зованием видео-конференц-связи. Вместе с тем, организационно, мировые суды часто не обеспечены подобными возможностями, особенно в небольших городах. А с учетом плохой системы обновлений сайтов мировых судов, когда даже в больших городах, например, г. Казань, зачастую информация о деле просто не обновляется, узнать о ходе дела, активно доказать свою позицию не представляется возможным.

Для повышения доступности к институтам отправления правосудия законодателю еще предстоит создать оптимальную, транспарентную, эффективную систему, при которой будут минимизированы имеющиеся недостатки системы электронного правосудия. Развитая система электронного правосудия является важнейшей составляющей развитого гражданского общества, поскольку позволяет обеспечить большую доступность судебной системы для граждан и юридических лиц.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.12.1998 N 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации» // «Российская газета», № 242, 22.12.1998.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.06.2022) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532
3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3, ст. 140

Договорные отношения государственного заказчика и поставщика в сфере закупок

Семенова Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В данной статье анализируется позиция заказчика в контрактной системе государственных закупок. Были выявлены основные сложности, с которыми приходится сталкиваться заказчику и поставщику при оформлении и исполнении контрактов.

Ключевые слова: заказчик, поставщик, государственные закупки, контракт, договорные отношения, контрактная система, обеспечение исполнения обязательств, недобросовестный поставщик.

Государственные закупки, обеспечивающие потребности государственных учреждений, — уникальный механизм государства, который регулирует рыночную экономику. Развитие производственных мощей, появление новых изобретений, технологический прогресс и другие немало важные явления способствуют внесению изменений и усовершенствований законодательных актов, механизмов регулирования тех или иных отношений. Несмотря на наличие развитой системы правового государства, в законодательстве существуют пробелы, которые необходимо пополнять и совершенствовать из года в год. Можно говорить о том, что и в законодательной сфере государственных закупок есть пробелы и упущения, с которыми мы и ознакомимся.

Вся деятельность в сфере государственных закупок строго описана в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ, в том числе и обязанности государственного заказчика. Как и во многих других законодательных актах там содержится информация, как о правах, обязанностях, так и об регламентированной отчетности. Кроме того, есть и санкционная часть, и за нарушение положений данного закона предусмотрена, в основном, административная ответственность, но есть случаи и уголовной.

В первую очередь, необходимо разобраться в том, кто или что такое государственный заказчик — субъект договорных отношений в сфере государственных закупок.

Законодательными актами прописаны и ограничены условия формирования и существования самой системы государственных закупок. В данном случае заказчиками могут выступать государственные и муниципальные организации, основное условие (прим. только в рамках 44-ФЗ) — финансироваться они должны за счет средств, выделяемых им из бюджета того или иного государственного уровня. Всеобъемлющий список организаций, которые выступают в роли заказчика, можно узнать в статье 3 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок».

В связи с тем, что необходимо было поставить четкие границы в правах и обязанностях заказчиков, в 44-ФЗ их поделили на группы по видам. Такие как: государственные органы, в их числе и органы государственной власти; орган управления внебюджетным фондом; казенное учреждение; бюджетное учреждение; унитарные предприятия; корпорация «Росатом»; корпорация «Роскосмос».

Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ был принят в 2013 году, на тот момент он был совершенен и не нуждался в глобальных доработках. Еще на протяжении 2013 года в данном законодательном акте содержались основные положения, которые позволяли организовать и провести государственную закупку.

Но в нашем мире все не вечно, и впоследствии заказчики и поставщики стали сталкиваться с многочисленными проблемными моментами, которые были напрямую связаны с контрактной системой.

В данной статье рассмотрим некоторые из существующих проблем. Например, в договорных отношениях существует проблема в определении размера обеспечения исполнения обязательств по контракту.

В ч. 6 ст. 96 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, «В случае установления заказчиком в соответствии с настоящей статьей требования обеспечения исполнения контракта размер такого обеспечения устанавливается в соответствии с настоящим Федеральным законом в извещении об осуществлении закупки, документации о закупке, проекте контракта, приглашении в размере от одной второй процента до тридцати процентов начальной (максимальной) цены контракта» [5, ст. 96].

Есть мнения, что обеспечение обязательства по контракту — это эффективная процедура, ведь заказчику нужны гарантии и защита от недобросовестных поставщиков, но, к сожалению, на практике очень часто

встречаются случаи, когда заказчик, на основании фактически безграничных дозволений заказчика устанавливает чрезмерно большие размеры авансового платежа, и в связи с большим объемом поставок поставщик может даже отказаться от участия в закупке и исполнения контракта, дабы не обанкротиться [4, с. 178]. Кроме того, есть мнения, что данная мера является и коррупционной, ведь ограничивается круг участников закупки, не все поставщики могут располагать такими большими финансами, чтобы заморозить их в счет гарантии надлежащего исполнения контракта. [1, с. 285]

Для того, чтобы решить данную проблему, предлагается либо вовсе убрать обеспечение исполнения обязательств, либо понизить процент. Это значительно улучшит конкуренцию среди поставщиков, а также избавит от коррупционной составляющей заказчиков. [3, с. 126]

Кроме того, закон, регулирующий государственные закупки, в данный момент не содержит в себе норм, которые бы оценивали соотношению цены и качества товара. Сейчас заказчики обязаны выбрать максимально низкую цену из предложенных, а также сэкономить государственные деньги, но в то же время, очень сильно, при выборе самой низкой цены страдает и качество поставляемого товара, либо услуги.

В законе нет понимания подробных разъяснений, которые бы позволяли оценить заказчиком лучшие условия для исполнения контракта и степень его выгодности. В ст. 5344-ФЗ п. 7 и п. 8 дает понятия степени выгодности и лучшим условиям. Перед заказчиком стоит задача, путем не менее трех коммерческих предложение сравнить рыночную стоимость товара или услуги, и установить цену не ниже данной стоимости. Но подробным характеристикам данные термины не располагают.

Предлагается также, создать специализированный государственный орган на базе Правительства РФ, которые бы полностью единолично контролировал и регулировал сферу государственных закупок. В этом есть плюс с точки зрения того, что будут выделены новые рабочие места, а еще данный орган станет фундаментом для развития новой эффективной системы государственных закупок и договорных отношений заказчика и поставщика. [2, с. 186]

Из вышесказанного можно сделать выводы о том, что в наше время договорные отношения в сфере государственных закупок имеют свои проблемы и законодательные пробелы. Существует необходимость внести изменения в положения об обеспечении исполнения обязательств по контракту, кроме того — повысить качество поставляемых товаров за минимальную цену.

Литература:

1. Галанов, В. А. Государственные закупки и конкуренция: учебное пособие / В. А. Галанов, О. А. Гришина, С. Р. Шибаетов; ред. В. А. Галанов. М.: ИНФРА-М, 2010.
2. Ковалева, Е. А. Положительные и отрицательные эффекты института государственных закупок // Вестник Челябинского государственного университета, 2010. № 5.

3. Медведева, А. М. Проблемы договорных отношений государственного заказчика в контрактной системе в сфере государственных закупок // Сборник трудов. — Симферополь: Крым, 2020.
4. Примачек, Е. В. Договорные отношения в сфере государственных закупок // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2021. № XVII.
5. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «Консультант Плюс».

Практика внедрения института примирения сторон в арбитражном процессе

Склярова Алиса Вячеславовна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В современном процессуальном законодательстве институт примирения в судопроизводстве получил толчок к развитию. В основном примирение сторон в арбитражном процессе выражено тремя основными процедурами. Это переговоры, посредничество, в том числе медиация и судебное примирение. Вместе с тем, законодатель не исключает существование иных примирительных процедур. Приоритетность разрешения спора посредством применения примирительных процедур отражена в арбитражном процессуальном кодексе РФ [1], Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ [2]. Стоит отметить что тексты норм в указанных нормативных актах применительно к примирительным процедурам коррелируется между собой и разногласий при его трактовке не возникает. Так, процессуальный закон вменяет судам в обязанность «...принимать меры для примирения сторон, содействовать в урегулировании споров» (п. 1 ст. 138 АПК РФ), как на этапе подготовки дела к судебному разбирательству (п. 2 ст. 135 АПК РФ), так и в последующем, например, при вынесении каждого определения, арбитражный суд указывает на возможность сторон примириться. С учетом того, что примирение возможно также при исполнении судебного акта, разъяснения и предложение могут быть включены в решение, постановление арбитражного суда [3]. При этом на суды возложена обязанность соблюдать баланс частных и публичных интересов, так, суды обязаны учитывать интересы сторон и задачи судопроизводства при рассмотрении дела. Учитывая загруженность арбитражных судов, разумно предположить, что суд всегда заинтересован в подобном окончании судебного процесса, поскольку это снижает их нагрузку, а также сводит к нулю возможность последующего обжалования принятого по делу судебного акта [4].

Арбитражный процессуальный кодекс предусматривает более расширенный, чем в гражданском процессе, перечень правовых механизмов для урегулирования спора, а именно: переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение, также могут использоваться иные примирительные процедуры, не противоречащие законо-

дательству РФ. Участие сторон в примирительных процедурах не всегда означает окончательное примирение между ними и прекращение дела в виду устранения спора. Итогом примирительных процедур могут быть: мировое соглашение, отказ от иска, как в части, так и по всем исковым требованиям, либо продолжение рассмотрения спора и вынесение решения или постановления арбитражным судом.

К наиболее проблемным аспектам можно отнести в первую очередь высокий уровень эмоциональной конфликтности сторон. Что в свою очередь может привести к злоупотреблению правом недобросовестной стороной. При необходимости затягивания процесса, недобросовестная сторона может заявить о своем намерении урегулировать спор мирным путем, после чего судом будет вынесено определение об отложении судебного заседания. Срок проведения процедуры примирения может занять вплоть до 60 дней, также имеется возможность продлить срок в виду сложности спора. По истечении указанного срока, процедура примирения будет окончена. Либо же итогом проведения процедуры примирения может стать отказ посредника в дальнейшем проведении процедуры примирения в виду бесперспективности дальнейшего проведения переговоров. Таким образом вынесение итогового судебного акта будет отложено на два и более месяца. По мнению исследователей, экономическая выгода от затягивания рассмотрения дела и, впоследствии, от ненадлежащего исполнения, вступившего в законную силу решения/постановления, для недобросовестных участников процесса представляется более привлекательной, чем быстрое и правильное разрешение судебного спора и проведение примирительных процедур. До тех пор, пока существует множество процессуальных возможностей для недобросовестной стороны процесса по затягиванию рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции при минимальных затратах (ч. 2 ст. 111 АПК РФ), отсутствие четкой регламентации в АПК РФ судебного штрафа за непредставление доказательств по указанию суда, продолжающаяся практика принятия дополнительных (новых) доказательств в арбитражном суде апелляционной инстанции, а после вступления в законную силу судебного акта возможность его длительного неис-

полнения — все это для недобросовестной стороны будет выгодней, чем проведение примирительных процедур [5].

Кроме того, примирительные процедуры не являются распространенным видом разрешения экономических споров, стороны порой не обладают достаточной информацией о преимуществах примирительных процедур перед судебным разбирательством. Несмотря на то, что арбитражный суд принимает со своей стороны меры для примирения сторон, в том числе информирует их о наличии возможности использования альтернативных способов разрешения спора, основную роль в повышении информативности сторон следует возлагать на повышение правовой грамотности, что следует поручить профессиональным представителям в сфере примирения (медiators, судебных примирителей) [6].

Мы уже упомянули, что прибегнуть к процедурам примирения, заключив мировое соглашение, могут истец и ответчик. С учетом принципов диспозитивности и добровольности примирения при рассмотрении дела арбитражным судом результатом примирения могут быть

соглашения между лицами, если такие соглашения фактически приводят к урегулированию спора.

Таким образом, примирение можно рассматривать как комплексный правовой институт, объединяющий предусмотренные действующим законодательством примирительные процедуры и как особый способ воздействия на общественные отношения, включающий психологические и юридические элементы. Внедрение института примирения сопровождается сложностями, выраженными в основном в том, что у граждан нет осведомленности относительно проведения процедуры примирения, соответственно не возникает доверия к указанным процедурам, нет авторитета коим обладает суд. Это возможно устранить, во-первых, путем повышения уровня правовой грамотности населения, во-вторых, некоторыми исследователями предлагается предоставление медиаторам и иным посредникам возможности рассказывать о своей деятельности, сделать ее открытой для граждан. В целом институт примирения предстоит изучать в дальнейшем как на теоретическом уровне, так и на практическом.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» Собрание законодательства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 31 ст. 4162
3. Постановление Пленума ВАС РФ «О примирении сторон в арбитражном процессе» от 18.07.2014 № 50 // «Вестник экономического правосудия РФ». 2014. № 9
4. Бельтюкова, И. М. Проблемные вопросы заключения мирового соглашения по экономическим спорам, вытекающим из административных и иных публичных правоотношений/И. М. Бельтюкова // Молодой ученый. 2016. № 3 (107). с. 684-686.
5. Гиззятов, Т. Р. К вопросу о современных способах разрешения конфликта в арбитражном процессе // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. с. 140-145
6. Солохин, А.Е. Примирение сторон в гражданском и арбитражном процессе: история, итоги и перспективы/А.Е. Солохин // Третейский суд. 2014. № 5. с. 55-66.

Судебное примирение: нововведение в арбитражном процессуальном законодательстве

Склярова Алиса Вячеславовна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Внедрение и активное использование различных форм примирительных процедур обусловлено стремлением снизить нагрузку на судебную систему. Развитие положений, регулирующих возможность обращения сторон за разрешением спора к посреднику на законодательном уровне, имеет определённые преимущества. В мировой практике, в том числе и в России, исторически сложился и прочно закрепился опыт разрешения спорных ситуаций при помощи посредников.

Важным направлением института примирения является то, что, будучи приоритетным направлением развития государственной политики, он не только помогает согласовывать интересы субъектов права, снижает уровень взаимных претензий сторон, агрессивность в социуме, но и способствует развитию и сохранению отношений, в которых заинтересованы как субъекты права, так и государство.

В настоящее время на законодательном уровне выделяются три вида примирительных процедур: переговоры,

медиация и судебное примирение. При этом судебное примирение является новым для российского права институтом, нуждающимся в дальнейшем исследовании и совершенствовании.

В юридической литературе часто обращается внимание на тождественность процедур медиации и судебного примирения. Так, А.Н. Левушкин и В.В. Воробьев указывают, что «медиация и судебное примирение, хотя и разделены законодательно, всё же по своей сути принципиальной разницы не имеют» [1]. Е.С. Смагина в своей работе полагает, что судебное примирение сложно отличить от интегрированной медиации.

Однако существуют и противоположные позиции, согласно которым процедуры судебного примирения и медиации являются разными [2], судебное примирение всё же имеет существенные отличительные черты, позволяющие выделить его в качестве самостоятельного способа разрешения споров, несмотря на очевидное сходство с правовой природой медиации.

Процедура судебного примирения была введена Федеральным законом от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Общие положения проведения такой процедуры в арбитражном процессе, а также требования, предъявляемые к судебному примирителю и его права, закреплены в ст. 138.5 АПК РФ. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 г. № 41 [4] утверждён Регламент проведения судебного примирения (далее — Регламент).

Судебное примирение является примирительной процедурой с участием судебного примирителя. Порядок назначения кандидатур судебных примирителей предусмотрен Регламентом. Судебным примирителем может стать судья в отставке, включённый в список, который утверждается Пленумом Верховного Суда РФ. Оплата за проведение процедуры судебного примирения не предусмотрена. Тот факт, что судебным примирителем выступает судья в отставке, в юридической науке был воспринят неоднозначно.

К примеру, некоторые исследователи акцентируют внимание на том, что наделение судебного примирителя полномочиями разъяснять положения законодательства и практику его применения, давать сторонам рекомендации и предлагать варианты урегулирования спора является недопустимым и подлежит исключению из Регламента. Исследователи предполагают, что не исключается возникновение ситуаций, когда обладающий для сторон авторитетом судья в отставке, выступая в роли судебного примирителя и предлагая варианты решения спора без учёта последних изменений законодательства, «может привести стороны к заключению соглашения на невы-

годных для них условиях». Также в качестве недочетов института судебного примирения исследователи отмечают что у судей в отставке с течением времени формируется шаблонное мышление, которое не позволяет оценить возникшую спорную ситуацию более объективно [5].

В противовес перечисленным недостаткам, с другой стороны, судебные примирители, имея за плечами длительный судейский опыт, в отличие от медиаторов являются профессионалами в сфере осуществления правосудия и в этой связи могут дать более квалифицированную оценку ситуации и определить возможные перспективы развития дела.

Говоря о процедурных аспектах реализации судебного примирения, необходимо отметить следующее. Судебное примирение возможно, как по инициативе суда при согласии сторон, так и по ходатайству сторон. Основанием для проведения судебного примирения является определение суда, рассматривающего возникший спор. Суд также устанавливает сроки примирения, которые по ходатайству сторон могут быть изменены (сроки могут быть продлены либо возможно досрочное прекращение процедуры судебного примирения). Также важно указать, что суд может назначить одного и того же судебного примирителя по нескольким взаимосвязанным спорам с участием одних и тех же сторон при условии их согласия. Судебное примирение можно назвать составной частью правосудия, исходя из субъекта, осуществляющего судебное примирение. Если бы деятельность судьи-примирителя не являлась правосудием, она бы регулировалась не АПК РФ, а иными правовыми актами, как это имеет место при реализации судами хозяйственных, организационных и иных «вспомогательных» функций.

Итогом судебного примирения может стать соглашение о примирении, мировое соглашение или соглашение по фактическим обстоятельствам. Если же примирение не достигнуто или истекли сроки судебного примирения, судебный примиритель должен информировать об этом суд.

Таким образом, судебное примирение для российского законодательства относительно новый институт, в связи с чем он нуждается в доработке. Представляется, что судебное примирение в будущем станет одним из ведущих видов примирительных процедур в арбитражном процессе и поэтому в настоящее время заслуживает отдельного, комплексного научного исследования. В целях более широкого применения судебного примирения необходимо повышать уровень правовой грамотности населения, поскольку в настоящее время при разрешении споров, стороны крайне редко прибегают к судебному примирению из-за того, что им незнакома сама процедура судебного примирения.

Литература:

1. Левушкин, А. Н., Воробьев В. В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. с. 135-143.

2. Давыденко, Д. Л. Вопросы юридической терминологии в сфере «альтернативного разрешения споров» // Третейский суд. 2009. № 1. с. 50-53.
3. Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 166.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» от 31 октября 2019 г. № 41 // Российская газета. 2019. № 254.
5. Худойкина, Т. В., Ситкина А. Д. Перспективы развития медиации в связи с введением института судебных примирителей/Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва. 2021. с. 188-190 International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 5-4 (56). 2021

Искусственный интеллект как объект уголовно-правовой охраны

Сокова Александра Андреевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В представленной статье рассматриваются особенности искусственного интеллекта, как объекта уголовно-правовой охраны. В исследовании раскрываются проблемные моменты отнесения данной технологии к уже имеющимся составам преступлений в сфере компьютерной информации, а также устанавливается необходимость признания искусственного интеллекта самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, ввиду его значимости и распространенности в общественной жизни, а также привлекательности для преступного контингента.

Ключевые слова: искусственный интеллект, объект преступления, преступное посягательство, причинение вреда.

Artificial intelligence as an object of criminal legal protection

Sokova Aleksandra Andreevna, student
Saratov State Law Academy

In the presented article, it is proposed to consider the features of artificial intelligence as an object of criminal law protection. The study reveals the problematic aspects of attributing this technology to the existing offenses in the field of computer information, and also establishes the need to define artificial intelligence as a separate object of criminal encroachments, due to its importance and prevalence in public life, as well as its attractiveness to the criminal contingent.

Keywords: artificial intelligence, object of crime, criminal assault, causing harm.

Объект преступления является обязательным элементом его состава, определяющим социальную и юридическую значимость преступного деяния. По общему правилу, объект преступления представляет собой уголовно-правовую категорию, обозначающую общественные отношения, которым причиняется вред преступным деянием.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) охраняет наиболее значимые общественные отношения. При этом следует брать во внимание тот факт, что общественные отношения не являются чем-то постоянным и неизменным. Их поддержание и развитие становится объективной необходимостью человеческого общества. Общественные отношения постоянно изменяются в зависимости от экономической, общественно-политической или социально-культурной обстановки, в связи с чем, для удовлетворения текущих потребностей общества подвергаются изменениям действующие нормативно-правовые акты.

Поэтому вполне логично возникает вопрос о том, подлежит ли уголовно-правовой охране искусственный интеллект в качестве отдельного объекта [1].

XXI век характеризуется стремительным технологическим прогрессом. Искусственный интеллект уже не является чем-то необычным. В настоящее время множество процессов контролируется именно благодаря использованию подобных технологий. Так, например, он используется в сферах здравоохранения, обороны, промышленности и др. Искусственный интеллект способен самостоятельно обучаться и совершать действия, для которых он и создавался. С каждым днем роль искусственного интеллекта возрастает. Постоянно появляются все новые сферы его применения. Постепенно искусственный интеллект внедряется и в деятельность органов власти. Так, уже неоднократно появляются новости о том, что в органах МВД искусственный интеллект будет самостоятельно выявлять признаки серийных преступлений [1]. Данную позицию поддержал Зампред Совета

безопасности РФ Д. А. Медведев, не исключая тот факт, что расследование преступлений целесообразно осуществлять посредством использования искусственного интеллекта. Более того, на текущем этапе вполне целесообразно предполагать, что он будет внедрен в «сугубо человеческие» сферы деятельности, что ранее было трудно представить [3].

Исходя из сказанного, в современном мире искусственный интеллект может выполнять действительно важные функции, из чего следует, что нарушение порядка его деятельности может причинить вред общественным отношениям в той сфере, в которой он функционирует. Например, следствием воздействия на беспилотный автомобиль может являться смерть множества лиц и причинение вреда имуществу. В таком случае, во-первых, причиняется вред самому искусственному интеллекту, во-вторых, посредством воздействия на него причиняется вред иным общественным отношениям [4, с. 93]. Само воздействие на искусственный интеллект и его деятельность может иметь серьезные последствия и неизмеримые масштабы, как минимум, для его создателя или лиц, которые его используют в своей деятельности (например, на производствах, где искусственный интеллект самостоятельно руководит множеством процессов).

Проблема воздействия на искусственный интеллект становится все более актуальной, появляются новые методы осуществления кибератак с целью выведения системы искусственного интеллекта из строя. Производители постоянно пытаются усовершенствовать способы защиты от неправомерного и несанкционированного доступа к ним.

Наиболее характерными способами воздействия на искусственный интеллект является перепрограммирование или заражение вирусом, например, беспилотных автомобилей, либо роботов, которые используются в промышленности. Перепрограммирование заключается в изменении алгоритмов, по которым действует искусственный интеллект, вследствие которого происходит неправильное выполнение предназначенных ему функций. По этой причине может появляться брак в продукции, либо отклонения в маршрутах, если речь идет о беспилотных транспортных средствах. Вирус же, как правило, выводит из строя сам искусственный интеллект, в результате чего он полностью перестает выполнять свою функцию. При этом необходимо брать во внимание и то, что посяга-

тельство может быть осуществлено на искусственный интеллект с целью его повреждения либо его использования с целью причинения вреда иным общественным отношениям. На наш взгляд, в обоих описанных случаях, как минимум, нарушается порядок запрограммированной деятельности, а соответственно осуществляется негативное воздействие на объект (искусственный интеллект). Иные вопросы квалификации достойны отдельного обсуждения [5, с. 105].

Исходя из действующих норм УК РФ, не совсем ясно, какие конкретно общественные отношения затрагивает такое воздействие. С одной стороны, текущее его развитие является недостаточным для того, чтобы, как минимум, поставить искусственный интеллект в один ряд с человеком, как объектом уголовно-правовой охраны. С другой же стороны, вполне обоснованным является тот факт, что искусственный интеллект не совсем подходит в качестве объекта общественных отношений в сфере компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Так, в примечании к ст. 272 УК РФ говорится, что под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Как представляется, искусственный интеллект в современных реалиях является чем-то большим, нежели просто «сведения», так как способен самостоятельно обучаться и выполнять функции, для которых и был создан [6, С. 12].

Исходя из всего вышеописанного, негативное воздействие на искусственный интеллект, как на объект преступного посягательства, необходимо определить как один из значимых вопросов уголовного права. Оставить без внимания новый плацдарм для совершения преступлений, значит, оставить без должного регулирования общественные отношения, которые возникают в результате создания, внедрения и применения искусственного интеллекта.

Целесообразно согласиться с мнением А. В. Шульги, который утверждает, что необходимо введение отдельной главы в УК РФ «Преступления против интеллектуальной собственности» [6, С. 17], что позволит определить искусственный интеллект как отдельный объект преступления и будет способствовать эффективному регулированию отношений, которые связаны с искусственным интеллектом.

Литература:

1. В России будут раскрывать преступления с помощью искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // URL: https://www.cnews.ru/articles/2021-02-15_v_rossii_budut_raskryvat_prestupleniya (дата обращения: 01.09.2021)
2. В России разработана первая концепция закона о робототехнике [Электронный ресурс] // URL: <https://hightech.fm/2016/12/19/robotics-law> (дата обращения: 31.08.2021).
3. Медведев не исключил, что расследование преступлений будет вести искусственный интеллект [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/9348437> (дата обращения: 01.09.2021)
4. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права/А. И. Редькина, И. В. Понкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — № 1. — 2018. — с. 91-109.

5. Фокин, М. С., Рязанов М. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств/М. С. Рязанов, М. С. Фокин // Актуальные проблемы государства и права. Серия: Юридические науки. — № 1. — 2018. — с. 103-110.

Роль международных организаций в области международного культурного сотрудничества. Влияние процесса глобализации на культурный обмен

Спиридонова Юлия Олеговна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Взаимодействие культур в условиях глобализации и социокультурной дифференциации становится активным проводником национальных и транснациональных политических интересов. «Культура была и остается основой международного сотрудничества, одним из самых действенных средств духовного развития общества и государства» [1].

Необходимо отметить, что культура как сочетание материальных и духовных ценностей, сложный и противоречивый результат социальной деятельности, как в материальных благах, так и в человеческом существовании.

Таким образом, можно отметить, что регулирование культурного сотрудничества является важной составляющей международно-правовых отношений, а международное культурное сотрудничество является основой мира и согласия во всем и цивилизованном понимании. Международное сотрудничество в сфере культуры в условиях глобализации и социокультурной дифференциации призвано создать благоприятные условия для развития культурных связей и культурного обмена между странами, а также театрального, музыкального, изобразительного, разнообразия и цирковое искусство, кино, телерадиовещание, библиотечное и музейное дело, охрана и рациональное использование памятников и других объектов культурно-исторического наследия, самодеятельное народное творчество, народные промыслы и другие формы социально-культурной деятельности.

Глобализация — это глобальная взаимосвязанность структур, культур и институтов. «На сегодняшний день она является одной из важных тенденцией развития цивилизации, которая оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности общества: культуру, политику, образование, науку, экономику» [2]. Другими словами, глобализация зависит от научного, технологического и экономического развития страны. Наиболее важные перемены будут происходить в сфере культуры.

Однако если глобализация объективна и необходима, то как человечеству преодолеть эти угрозы? На мой взгляд, ответ нужно искать на уровне изменения характера глобализации.

Культурному обмену в современном обществе в значительной степени способствуют современные средства

коммуникации. Влияние современных информационных технологий на искусство идет по двум направлениям. С одной стороны, этот прием применяется к творчеству художников и скульпторов, художников и композиторов. С другой стороны, современные медиа делают высокую культуру доступной для всех.

Современное общество Организации Объединенных Наций, рассматривающее культурный и научный обмен, межкультурное общение как ключевые элементы движения к международному миру и развитию, играет важную роль в искоренении двусмысленности, присущей отношениям между культурами. Помимо своей главной деятельности в области образования Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) сосредоточивает внимание на трех других областях — науке на службе развития; культурном развитии, а также на коммуникации, информации и информатике.

В рекомендациях ЮНЕСКО «О международном обмене культурными ценностями» (Найроби, 26 ноября 1976 года) говорится, что Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры напоминает, что культурные ценности являются основными элементами цивилизации и культуры народов. В Рекомендациях также подчеркивается, что расширение и укрепление культурных обменов, обеспечивая более полное взаимное ознакомление с достижениями в различных областях культуры, будет содействовать обогащению различных культур при уважении самобытности каждой из них, а также ценности культур других народов, составляющих культурное наследие всего человечества. Взаимный обмен культурными ценностями является мощным средством содействия взаимопониманию и взаимоуважению между людьми, обеспечения правовых, научных и технологических условий для предотвращения незаконной торговли и уничтожения этих ценностей.

В то же время под «международным обменом» ЮНЕСКО понимает владение, пользование или владение культурными ценностями — в виде ссуды, хранения, продажи или дарения — между государствами или культурными учреждениями разных стран на условиях, согласованных между заинтересованными сторонами [3].

Культурный обмен между людьми является важной характеристикой человеческого развития. Ни одно политически и экономически сильное государство не может удовлетворить культурные и эстетические потребности своих граждан без обращения к культурному наследию мира, духовному наследию других стран и народов.

Несмотря на внимание государства к проблемам культурного обмена, культурная сфера в последние годы находится в строго рыночных рамках, и ее положение весьма уязвимо. Резко сократились бюджетные вложения в культуру. Ухудшилось физическое состояние работников культуры в целом и творческих работников в частности. Все чаще учреждения культуры стремятся заменить бесплатные формы работы платными. В процессе потребления предоставляемых обществу культурных благ начинают преобладать домашние формы; как следствие, происходит снижение посещаемости публичных культурных мероприятий [4].

По мнению Старыгиной Г.М. — «впервые интеллектуальное и художественное творчество на уровне международных отношений перерастает национальные рамки и приобретает интернациональный характер» [5]. Это новое качество культурного обмена проявляется в фор-

мировании многочисленных международных научных ассоциаций, появлении международных ассоциаций творческой интеллигенции и организации международного интеллектуального сотрудничества. Впервые международный культурный обмен стал предметом целенаправленной политики. Он предполагает в значительной степени расширение его высшего порядка организации и материальных возможностей сотрудничества в области духовного творчества.

Подводя итоги, стоит отметить, что глобализация в сфере культуры, безусловно, имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Культурная глобализация еще больше вытесняет высокую культуру и отрицает общее господство массовой культуры, демонтируя и сводя на нет культурное разнообразие. Это и является отрицательной стороной данного исследования.

Положительным аспектом глобализации является создание культурных связей с помощью универсального информационного пространства. С помощью информационных технологий различные культуры перемещаются в каждую точку нашей планеты, соответственно, к сближению государств и росту национальных экономик.

Литература:

1. Г.В. Головина Основные направления международного сотрудничества в области культуры в условиях глобализации и социокультурной дифференциации. с. 1.
2. Мамедов, Н. М. Глобализация как современное состояние общественного развития/Эпоха глобальных перемен. М., 2004. с. 10.
3. <http://pravo2002.by.ru/intern/09/med01309.html>.
4. Наточий, В.В. Культурная политика в условиях рыночных отношений // Евразийское ожерелье. — Оренбург, 2001. с. 132-138.
5. Старыгина, Г.М. «Межкультурная коммуникация»: уч. пос. — Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2014. — 112 с.

Полномочия и роль председательствующего при отправлении правосудия по уголовным делам в суде первой инстанции

Суханова Татьяна Андреевна, студент магистратуры
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Ключевые слова: полномочия, правосудие, председательствующий, роль, суд, судья, уголовное дело.

Актуальность данной темы обусловлена осуществляемыми в России изменениями в законодательстве, которое регулирует деятельность председательствующего в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на то, что проблемам отправления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции посвящены работы многих ученых, они освещали лишь отдельные стороны деятельности председательствующего при отправлении правосудия по уголовным делам и не ис-

черпывали всех аспектов данной проблемы, что и не исключает необходимости дальнейшего углубленного исследования.

Председательствующий является самостоятельным участником отправления правосудия по уголовным делам. Основным его полномочием, согласно ст. 243 УПК РФ, является установление порядка проведения судебного заседания и руководство этим процессом, а также использование всех предусмотренных законом мер по обе-

спечению состязательности и равноправия сторон. Не зря М. С. Строгович утверждал, что «состязание сторон проводится при руководящей роли суда» [1], и в том числе отмечал, что «в состязательном процессе сохраняется активная руководящая роль; именно суд направляет исследование дела в сторону, благоприятствующую раскрытию истины, и восполняет пробелы, допущенные сторонами в исследовании обстоятельств дела» [2].

На основе норм УПК РФ (в частности, п. 26 ст. 5, ч. 5 ст. 30, ч. 5 ст. 241, ч. 3 ст. 258, ч. 2 ст. 271, ч. 4 ст. 274, ч. 1 ст. 275, ч. 4 ст. 278, ч. 2 ст. 260), мы можем подметить, что закон наделяет председательствующего определенными правами и обязанностями, отграничивая их от процессуальных полномочий суда.

Объем прав и обязанностей председательствующего при рассмотрении уголовного дела в общем порядке различается в зависимости от состава суда. При единоличном рассмотрении дела (п. 1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ) объем прав и обязанностей председательствующего более расширенный, чем у председательствующего при коллегиальном слушании дела.

Председательствующий обладает следующими полномочиями:

1. принимает решение об отводе секретаря судебного заседания и переводчика в суде с участием присяжных заседателей (ч. 1 ст. 68, ч. 1 ст. 69 УПК РФ);
2. дает поручение секретарю судебного заседания о проверке явки в суд лиц, которые должны участвовать в судебном заседании, осуществлении им других действий, предусмотренных УПК РФ (ч. 2 ст. 245);
3. подписывает протокол судебного заседания и по ходатайству стороны предоставляет возможность ознакомления с частями протокола по мере их изготовления (ч. 6 ст. 259);
4. опрашивает стороны, имеются ли у них ходатайства о вызове новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и т. д.;
5. и т. д.

Перечислив часть из представленных полномочий, можно утверждать, что председательствующий судья становится носителем двух разных процессуальных статусов: председательствующего и суда.

По мнению Соловья А. А., «роль судьи в уголовном процессе по новому Кодексу в чем-то совпадает с ролью спортивного судьи на ринге, беспристрастно наблюдающего за происходящим и в конечном итоге отдающего предпочтение тому или иному участнику по количеству набранных им очков» [3]. В настоящее время с указанной точкой зрения трудно согласиться, поскольку председательствующий судья, рассматривающий уголовные дела в первой инстанции, занимает достаточно активную позицию. В связи с этим можно заметить, что мало кто знает о значимости роли председательствующего в судебном разбирательстве по уголовному делу. В судебном заседании основная роль, которая заключается в эффективной организации процесса рассмотрения дела, принад-

лежит председательствующему. Судья, рассматривающий дело единолично, выполняет обязанности председательствующего.

Особенно существенна роль председательствующего, когда определяется относимость доказательств. Председательствующий обязан устранять из судебных прений все, не имеющих значения для разрешения дела. Поэтому председательствующий судья, в частности, имеет такие полномочия отвода вопросов, заданные свидетелю, потерпевшему, обвиняемому и иным участникам процесса, если они не относятся к предмету доказывания по делу и потому не могут служить выяснению истины.

Особые полномочия председательствующий реализует в суде с участием присяжных заседателей (ст. 326-353 УПК РФ). Согласно ч. 1 ст. 340 УПК РФ, одно из таких полномочий председательствующий судья реализует перед удалением коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта. Председательствующий обращается к присяжным заседателям с напутственным словом, а именно с кратким изложением обвинения. Можно сказать, председательствующий дает юридическое наставление присяжным заседателям.

Роль председательствующего можно условно разделить на четыре этапа. Это роль председательствующего при проведении подготовительной части судебного заседания; при проведении судебного следствия; на этапе прений и последнего слова; при постановлении приговора.

Порядок проведения подготовительной части судебного разбирательства регулируется ст. ст. 261-272 УПК.

При подготовительной части судебного разбирательства все действия председательствующего, которые он совершает в процессе, можно разделить на следующие пункты:

1. Открытие судебного заседания и проверка явки участников процесса;
2. Проверка законности участия в судебном разбирательстве сторон и других участников процесса;
3. Разъяснение лицам, участвующим в рассмотрении дела, их прав;
4. Обеспечение возможности рассмотрения дела путем разрешения заявлений и ходатайств.

Порядок проведения судебного следствия регламентируется главой 37 УПК РФ. На данном этапе суд и стороны на основе состязательности исследуют все имеющиеся доказательства в целях установления фактов, выясняют, виновен или нет подсудимый. Именно от данного этапа будет зависеть, какой приговор будет вынесен председательствующим и насколько он будет законным и справедливым.

Председательствующий занимает немаловажную роль на данном этапе, несмотря на то что судебное следствие проводится другими субъектами процессуальной деятельности. Каждый участник судебного разбирательства обосновывает высказанную им позицию по делу с учетом выполняемой им уголовно-процессуальной функции [4].

Судебное следствие проводится в особой процессуальной форме гласного, устного, непосредственного исследования доказательств, позволяющего наиболее достоверно воссоздать картину происшедшего.

Роль председательствующего во время судебного следствия строго регламентирована. Права председательствующего относительно стадии судебного следствия закреплены в нормах ст. 257, 280, 274, 278 УПК РФ. Как пример, таким правом может быть право разрешить подсудимому либо потерпевшему давать показания по делу на любом этапе судебного следствия.

Председательствующий на данном этапе достигает иной цели — он должен обеспечить участникам процесса базу для выполнения условий по использованию предусмотренных законом прав, на исследование представленных ими доказательств по делу.

После окончания судебного следствия председательствующему необходимо обобщить в умозаключения ту совокупность доказательств, которые были исследованы в ходе судебного заседания. То есть председательствующему обязательно нужно собрать все доказательства, а также позиции сторон, и сформировать их в логичную, последовательную цепочку.

Литература:

1. Строгович, М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. с. 174.
2. Строгович, М. С. Принципы советского уголовного процесса // Советское право. — 1927. — № 1 (25). — с. 95 и след.
3. Соловей, А. Некоторые особенности судебного следствия по новому УПК РФ // Российский судья. — 2004. — № 8. — с. 40.
4. Адвокатская деятельность: учеб.-практ. пособие / [В. Н. Буробин и др.]; под общей ред. В. Н. Буробина. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Адвокат. фирма Юстина: Статут, 2005. — 602.

О некоторых вопросах повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции

Тайлаков Вячеслав Кириллович, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

В данной статье приводятся некоторые проблемные аспекты законодательного регулирования механизмов противодействия коррупции, с которыми в своей деятельности сталкиваются органы прокуратуры Российской Федерации. Автором приводится анализ правоприменительной практики и возможные пути решения проблем законодательного регулирования.

Ключевые слова: Генеральная прокуратура Российской Федерации, противодействие коррупции, прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции, коррупция.

Противодействие коррупции на сегодняшний день остается одним из актуальных вопросов в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Количество нарушений законодательства о противодействии

Как правило, согласно ч. 5 ст. 292 УПК РФ, суд не вправе ограничивать продолжительность прений сторон. При этом председательствующий вправе останавливать участвующих в прениях лиц, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также доказательств, признанных недопустимыми.

С постановлением приговора уголовное дело разрешается по существу. На данном этапе роль председательствующего имеет решающее значение. Его принятие представляет собой кульминацию, логическое завершение.

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы: роль председательствующего на различных этапах осуществления судом первой инстанции правосудия по уголовным делам в общем порядке незаменима.

Она состоит в управлении ходом судебного следствия, соблюдении всеми участниками судебного разбирательства норм уголовно-процессуального законодательства. Судья создает благоприятные условия для всестороннего и полного исследования доказательств сторонами по делу, предотвращает произвол по отношению к участникам процесса, своевременно реагируя на нарушение порядка в судебном заседании, принимать необходимые меры воздействия, предусмотренные ст. 258 УПК РФ.

коррупции, выявленных Генеральной прокуратурой Российской Федерации за 6 месяцев 2022 года (141529), остается на высоком уровне при сравнении с показателями аналогичного периода 2021 года (153708). Указанное сви-

детельствует о необходимости изменения подхода прокуроров к организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции, а также рассмотрения вопроса об актуализации нормативно-правовой базы в указанной сфере.

Актуальным остается вопрос о порядке исполнения требований Федерального закона от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» [1] (далее — ФЗ № 79). В частности, пунктом 5 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» прокурорам субъектов и приравненным к ним специализированным прокурорам указано на необходимость обеспечения постоянного проведения проверок на предмет соблюдения требований ФЗ № 79 [2]. При этом, значимая информация о наличии у должностных лиц, поименованных в статье 2 ФЗ № 79, счетов (вкладов) в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, а также об использовании указанными лицами иностранных финансовых инструментов, может быть получена, собственно, из кредитно-банковских организаций иных государств.

Учитывая то обстоятельство, что получение прокурором необходимой информации обеспечивается направлением соответствующего запроса (требования) в порядке статьи 6 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3], реализация указанного полномочия по отношению к кредитно-банковской организации иного государства представляется затруднительным, не говоря уже о действии норм о защите о банковской тайны.

Указанная проблема может быть решена путём определения Центрального Банка Российской Федерации в качестве компетентного органа внешних сношений с соответствующими организациями других государств по вопросу обмена информацией о наличии у лиц, поименованных в статье 2 ФЗ № 79, счетов (вкладов) в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, а также об использовании указанными лицами иностранных финансовых инструментов. В последствии полученную информацию направлять в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для использования в надзорной деятельности.

Заслуживают внимание вопросы, связанные с работой в Российской Федерации комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (далее по тексту — Комиссия), образуемых в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных госу-

дарственных служащих и урегулированию конфликта интересов» (далее — Указ Президента РФ № 821).

В частности, пунктом 11 Положения о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, утвержденного Указом Президента РФ № 821 определено, что число членов комиссии, не замещающих должности государственной службы в государственном органе, должно составлять не менее одной четверти от общего числа членов комиссии. Проведение заседаний с участием только членов комиссии, замещающих должности государственной службы в государственном органе, недопустимо [4]. Указанная норма принята в целях обеспечения объективного и всестороннего рассмотрения комиссией вопросов, отнесенных к предмету её ведения, учитывая при этом принцип паритетности при ее формировании. При этом, действующим законодательством не урегулированы некоторые аспекты участия в работе Комиссии «сторонних» членов, не имеющих отношение к органу государственной власти (органу местного самоуправления), в котором создана такая комиссия (далее — третье лицо), хотя такое участие прямо не запрещено.

К примеру, отсутствуют правовые нормы, регулирующие процедуру допуска третьих лиц к участию в работе Комиссии, критерии их отбора и приглашения, что создает предпосылки к необоснованному включению в состав Комиссии заинтересованного лица. Не предусмотрена юридическая ответственность за ненадлежащую организацию работы указанных Комиссий. Для решения указанной проблемы предлагается использовать, к примеру, опыт реализации в Российской Федерации установленного порядка отбора присяжных заседателей.

Еще одной сферой надзорной деятельности, требующей внимания федерального законодателя, является реализация в Российской Федерации института контроля за расходами должностных лиц.

Так, основанием установления контроля за расходами в отношении лиц, указанных в статье 2 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее — Федеральный закон № 230-ФЗ), является достаточная информация о том, что «данном лицом, его супругой (супругом) и (или) несовершеннолетними детьми в течение отчетного периода совершены сделки (совершена сделка) по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) на общую сумму, превышающую общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих отчетному периоду» [5]. Указанная информация, по смыслу Федерального закона № 230-ФЗ, может предоставляться из любых источников, за исключением анонимных, включая общероссийские средства массовой информации. Должностное лицо, уполномоченное на принятие решения об осуществлении контроля

за расходами должностного лица, в силу положений части 3 статьи 4 Федерального закона № 230-ФЗ, обязано уведомить о принятом решении лиц, предоставивших информацию. При всех положительных моментах сторонах данного института противодействия коррупции, внимание привлекает неоправданная, по нашему мнению, скудность перечня имущества, сделки по которому попадают под действие Федерального закона № 230-ФЗ, что не позволяет в полной мере использовать потенциал действия аппарата государственного принуждения в этой сфере. Совершенно точно по этому поводу высказался Ю.Г. Марасов, отмечая, что «Приведение в Федеральном законе № 230-ФЗ такого неполного перечня имущества, сделки с которым могут являться основанием для инициирования процедуры осуществления контроля за расходами, приводит к парадоксальной ситуации, когда совершенно открытая скупка драгоценностей и других предметов роскоши, произведений искусства, антиквариата вне зависимости от их стоимости не влечет за собой возбуждение процедуры осуществления контроля за расходами, более того, последующая их реализация и покупка имущества, сделки по которым уже подпадают под действие Федерального закона № 230-ФЗ, совершенным образом легализует

источник их приобретения» [6]. Действительно, законодатель в этой части пошел по пути «наименьшего сопротивления» по той простой причине, что юридическое оформление указанных сделок в любом случае не останется незамеченным. Так, для установления необходимой информации, субъектам контроля достаточно направить запрос в соответствующий орган, что, по сути, исключает возможность инициирования процедуры контроля за расходами по иным проявлениям коррупционных правонарушений. Решением этой проблемы, по нашему мнению, может послужить внесение изменений в часть 1 статьи 3, часть 1 статьи 4, подпункт «а» пункта 1 части 4 статьи 4, пункт 3 части 4 статьи 4, часть 4 статьи 8, статью 17 Федерального закона № 230-ФЗ, путем дополнения перечня имущества, например произведений искусства, антиквариата, драгоценных металлов в слитках, иных драгоценностей предметов роскоши, а также денежных средств.

Учитывая изложенное, можно констатировать наличие правоприменительных проблем в организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции, решение которых возможно путём пересмотра действующих законодательных положений.

Литература:

1. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами [Электронный ресурс]: федер. закон от 07 мая 2013 г. № 79-ФЗ. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29 авг. 2014 г. № 454. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2201-1. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 01 июля 2010 г. № 821. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам [Электронный ресурс]: федер. закон от 03 декабря 2012 г. № 230-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Марасов, Ю.Г. Контроль за расходами отдельных должностных лиц как одна из основных мер профилактики коррупции/Ю.Г. Марасов // Российский судья. — 2018. — № 4. — с. 21.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 47 (442) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 07.12.2022. Дата выхода в свет: 14.12.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.